

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ
АКАДЕМИКА В.С. СТЕПИНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Материалы Международной научной конференции
Минск, 4-5 ноября 2014 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2014

УДК 130.2(06)+316.422(06)

ББК 71.0я431

Ф56

Рекомендовано Советом факультета философии и социальных наук БГУ
20 ноября 2014 г., протокол № 4

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Е.Е. Кучко;

доктор философских наук, профессор А.С. Лаптенюк

Редколлегия:

Данилов А.Н. (отв. ред.),

Безнюк Д.К., Легчилин А.А.

Ф Философско-культурологические идеи академика В.С. Стёпина в свете современных социальных трансформаций : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 4-5 ноября 2014 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : А.Н. Данилов [и др.] ; под ред. А.Н. Данилова. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 161 с.

ISBN 978-985-553-246-1.

Издание включает материалы докладов и выступлений участников Международной научной конференции «Философско-культурологические идеи академика В.С. Стёпина в свете современных социальных трансформаций», посвященной 80-летию выдающегося современного философа, почетного профессора Белорусского государственного университета, академика Российской академии наук В.С. Стёпина. Представлены результаты исследований ученых, освещающие широкий круг актуальных проблем научного познания и культурно-цивилизационного развития, связанных с творчеством юбиляра.

Адресуется научным работникам, преподавателям, специалистам в области социально-научного знания.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Данилов А.Н. Вступительное слово. ЖИЗНЬ ПОДВИЖНИКА, ТРУД МЫСЛИТЕЛЯ И СОЗИДАТЕЛЯ.....	10
Адамейко Е.В., г. Минск, Беларусь ПОНИМАНИЕ НАУКИ В «НОВОКРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ» А. МАРБУРГА.....	16
Андреева И.Н., Прилепко Е.М., г. Минск, Беларусь СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	18
Безнюк Д.К., г. Минск, Беларусь ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ СОЦИОЛОГИИ ВЛАСТИ.....	22
Беленкова О.А., г. Уфа, Россия ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ XXI ВЕКА.....	25
Беляева Е.В., г. Минск, Беларусь НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА ПОСЛЕ АНТИНОРМАТИВНОГО ПОВОРОТА.....	28
Бова А.А., г. Киев, Украина ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КУСОЧНОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ МИРА.....	31
Быков А.А., г. Минск, Беларусь ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКОЙ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА.....	35
Володин В.М., г. Минск, Беларусь ФАТАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ КАК СТИМУЛ ВОЗРОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФИИ.....	38
Воронович И.Н., г. Минск, Беларусь КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ.....	41
Гордеева И.В., г. Екатеринбург, Россия ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ СТАТУС НАУКИ.....	44
Данилова Е.А., г. Минск, Беларусь КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	47
Деделко Ю.В., г. Минск, Беларусь СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ.....	51

Дождикова Р.Н., г. Минск, Беларусь В.С. СТЕПИН О «ПРИНЦИПЕ МИДАСА» В НАУКЕ И ЕЁ ОТЛИЧИИ ОТ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ.....	54
Доманская А.И., г. Минск, Беларусь ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ.....	56
Дурзээгийн Цэцэгмаа, г. Улан-Батор, Монголия К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ МОНГОЛИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	59
Екадумов А.И., г. Минск, Беларусь НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ГОСПОДСТВО В МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ.....	60
Жарикова А.А., Жарикова О.Н., г. Минск, Беларусь ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ.....	62
Кавецкий С.Т., г. Брест, Беларусь АНОМАЛИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	65
Кобяк О.В., г. Минск, Беларусь КВАЗИПАНЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	68
Комаровский А.В., г. Минск, Беларусь ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТИПОЛОГИИ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В.С. СТЕПИНА ДЛЯ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ СОЦИО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ.....	71
Кузнецов А.В., г. Минск, Беларусь ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	74
Лапина С.В., г. Минск, Беларусь СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА.....	77
Легчилин А.А., Бобр А.М., г. Минск, Беларусь ЦЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ.....	82
Лещинская И. И., г. Минск, Беларусь ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ.....	86

Лойко Л.Е., г. Минск, Беларусь ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ В.С. СТЕПИНА В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ.....	89
Мишук С.С., г. Минск, Беларусь ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ.....	91
Мушинский Н.И., Терлюкевич И.И., г. Минск, Беларусь НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ЛОГИКА В СТРУКТУРЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ В.С. СТЕПИНА.....	94
Навасайтене Стасе, г. Каунас, Литва РОЛЬ ЦЕНТРОВ КУЛЬТУРЫ И СЕЛЬСКИХ ОБЩИН В СОХРАНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ.....	98
Нестерова Л.И., г. Минск, Беларусь КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ КАК ФЕНОМЕН ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПА НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	102
Новиков В.Т., г. Минск, Беларусь ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	105
Новикова О.В., г. Минск, Беларусь ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ.....	109
Павлова А.Т., г. Минск, Беларусь СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ.....	113
Пацеева А.Г., г. Минск. Беларусь ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВРАЧА: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНТРОЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	116
Познякова О.Л., г. Минск, Беларусь МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В XXI ВЕКЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ.....	119
Румянцева Т.Г., г. Минск, Беларусь ДВА ПРОЕКТА КРИТИКИ РАЗУМА: И.КАНТ И Ф.НИЦШЕ.....	121
Самосейко А.И., г. Минск, Беларусь СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ В РУНЕТ КОНТЕНТА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО СОЦИОЛОГИИ.....	125
Семенюк В.А., г. Минск, Беларусь КИТАЙСКАЯ МЫСЛЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АКАДЕМИКА РАН В.С. СТЕПИНА: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ИДЕЙ К СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	127

Сидоренко И.Н., г. Минск, Беларусь ИГРА С РИСКАМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	129
Соколова Г.Н., г. Минск, Беларусь НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ КОНЪЮНКТУРЫ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА.....	133
Сокольчик В.Н., г. Минск, Беларусь КОДЕКС ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В ЭПОХУ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	136
Цепкало В.В., Старжинский В.П, г. Минск, Беларусь КОНСТРУКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПАРКА ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ РБ.....	139
Черняк Ю.Г., г. Минск, Беларусь СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПРОБЛЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ....	142
Щербин В.К., г. Минск, Беларусь ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ.....	145
Щёкин Н.С., г. Минск, Беларусь ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КАК ИМПЕРАТИВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР ХРИСТИАНСКОГО МИРА.....	150
Щёлкова Т.В., г. Минск, Беларусь К ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ.....	154
Шкурова Е.В., г. Минск, Беларусь НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ Г. МИНСКА).....	157

Предисловие

4-5 ноября 2014 г. в Белорусском государственном университете состоялась Международная научная конференция «Философско-культурологические идеи академика В.С. Степина в свете современных трансформаций». Она была посвящена 80-летию выдающегося выпускника, а ныне – почетного профессора БГУ, философа с мировой известностью, заместителя академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, руководителя секции философии, социологии, психологии и права академика Вячеслава Семеновича Стёпина. В белорусской alma mater зародились и сформировались его основные философские идеи, которые в последующем стали основой триумфального восхождения им на всесоюзный академический, а затем и мировой философский Олимп. Организатором конференции выступила кафедра социологии факультета философии и социальных наук БГУ. Форум собрал более 200 ученых, представителей научной общности практически со всех регионов Беларуси, из России, Литвы, Украины, Германии, Польши, Монголии.

Открыл работу конференции председатель Оргкомитета, заведующий кафедрой социологии ФФСН БГУ, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор **А.Н. Данилов**. С приветствием к участникам конференции обратился Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, академик **А.Н. Рубинов**, который отметил большой личный вклад ученого в развитие мировой философской мысли, белорусско-российских научных связей и вручил академику В.С. Стёпину высокую государственную награду – Почетную Грамоту Национального собрания Республики Беларусь.

Далее с приветственным словом выступил ректор БГУ, академик **С.В. Абламейко**, и который вручил юбиляру Почетную Грамоту БГУ. Он отметил: «...мы горды тем, что именно в Белорусском государственном университете раскрылся и реализовался многогранный талант В.С. Степина. Полученные академиком В.С. Степиным результаты сегодня оцениваются как крупные научные открытия, серьезное приращение новых знаний. Достижения академика В.С. Степина широко признаны в мире, их результатами активно пользуются представители как гуманитарных, так и естественных наук. Белорусский государственный университет навсегда Ваш родной дом, и Вы должны знать, что Вас здесь искренне любят и всегда Вам рады».

Профессор **А.Н. Данилов** произнес Слово об академике В.С. Стёпина, его вкладе в развитие философии науки, исследование актуальных проблем современности. При этом он подчеркнул, что Вя-

чеслав Семенович, работая в БГУ, раскрылся и как выдающийся организатор науки. Он сумел создать лучшую в СССР кафедру философии, Минскую методологическую школу, которая функционировала в университете в 1970-1980 гг. и благодаря которой университет превратился во всемирно известный философский центр. Надо честно признать, что ему дано создавать в коллективах, где он работает, действительно творческую атмосферу, притягивать к себе по-настоящему талантливых, одержимых в науке и творчестве людей. В центре его внимания всегда находится талантливая молодежь, многие молодые исследователи под научным руководством академика В.С. Степина защитили диссертации и сегодня продолжают дело своего учителя. А.Н. Данилов вручил В.С. Стёпину диплом за лучшее научное издание по философии, которым удостоена его книга «Научное познание в социальном контексте. Избранные труды» (БГУ, 2012) на Международном конкурсе изданий для вузов «Университетская книга: социально-гуманитарные науки-2014».

Заметным событием научного форума стало участие в его работе представительной делегации известных российских философов: директора Института философии РАН, академика А.А. Гусейнова, заведующего сектором Института философии РАН, академика В.А. Лекторского, декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, члена-корреспондента В.В. Миронова, декана психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, академика РАО Ю.П. Зинченко, главного редактора академического журнала «Вопросы философии», профессора Б.И. Пружинина.

Первый день конференции завершился подписанием Договора о сотрудничестве между БГУ и Институтом философии Российской академии наук, а также – Соглашений о взаимодействии между факультетом философии и социальных наук БГУ и факультетами философии и психологии МГУ им. М. Ломоносова.

Второй день конференции начался с дискуссии за «круглым столом» на тему «Социально-гуманитарная рефлексия проблем трансформации современного общества, культуры, науки и образования», тон в которой задавал академик В.С. Стёпин.

Затем состоялась литературно-философская композиция, в которой реконструировались годы студенчества и работы в БГУ В.С. Стёпина. Здесь были показаны фрагменты уникальных документальных фильмов, связанных с историей БГУ и участниками конференции, студенты факультета философии и социальных наук читали любимые стихи юбиляра. В свою очередь В.С. Стёпин вместе со своим давним другом – физиком, членом-корреспондентом НАН Беларуси Л.М. Томильчиком, чита-

ли стихи своей молодости всем присутствующим на композиции участникам конференции.

Завершилась конференция презентацией книги «Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина», с любовью подготовленной и изданной редакционно-издательским управлением и издательским центром БГУ. Книга посвящена научной деятельности В.С. Стёпина, как автора фундаментальных работ в области философии и методологии науки, социальной философии, философии культуры и культурологии. В ней представлены статьи юбиляра и несколько десятков белорусских ученых, освещающие широкий круг актуальных проблем научного познания, развития цивилизации и культуры, связанных с творчеством В.С. Стёпина.

При закрытии конференции были приняты соответствующие рекомендации. Все мероприятия конференции проходили в здании ректората БГУ. За время работы участники конференции ознакомились с выставкой изданий академика В.С. Степина, научными и учебными изданиями, авторами, которых являются сотрудники факультета философии и социальных наук, заботливо подготовленной Фундаментальной библиотекой БГУ. Гости конференции посетили Национальный художественный музей, Музей Великой Отечественной войны и приняли участие в обзорной экскурсии по белорусской столице – городу Минску.

В данном издании публикуются материалы участников конференции.

Выражаем благодарность Д.Д. Рыжевич за техническую помощь при обработке поступивших материалов и подготовке книги к изданию.

Оргкомитет

Вступительное слово:

ЖИЗНЬ ПОДВИЖНИКА, ТРУД МЫСЛИТЕЛЯ И СОЗИДАТЕЛЯ

В своем выступлении я коснусь лишь некоторых вех, связанных с белорусским периодом жизни и деятельности академика В.С. Стёпина. Для науки всегда важны истоки становления и развития столь мощного таланта, личности, которая уже более чем пол столетия конструктивно и плодотворно влияет на современную интеллектуальную среду, обогащая ее новыми трудами и идеями.

Вячеслав Семенович родился в Брянской области Российской Федерации, но своей малой родиной он по праву считает столицу Беларуси – город Минск. Сюда для восстановления народного хозяйства сразу после демобилизации в 1946 году был направлен его отец, Семен Николаевич Степин, фронтовик и орденосец. Семья Степиных воссоединяется, когда в Минск из эвакуации, из Саратова, возвращаются его жена Антонина Петровна с двенадцатилетним сыном Вячеславом. Родители Вячеслава Семеновича – учителя по профессии.

После окончания с золотой медалью лучшей столичной школы, Вячеслав Степин, поступает на философское отделение истфака БГУ. Тем самым с 1951 года навсегда связал свою жизнь и судьбу с очень непростой, а по тем временам и опасной наукой – философией. Когда до многого приходилось доходить своим умом – многое значило самообразование. Уже на 2-ом курсе Степин решил, чтобы стать настоящим философом надо прочитать всех классиков философии, хотя бы по одной основной его книге. И он выполнил задуманное – самостоятельно изучил и законспектировал главные труды философов. Со школьных лет Степин сохранил интерес к точным наукам. Занимаясь философией, он продолжил изучать и естествознание, по-настоящему увлекся физикой. Тогда же он и принял решение – специализироваться в области философии естествознания и поставил своей задачей соединить углубленную философскую подготовку с изучением физики.

Работа в аспирантуре, над кандидатской диссертацией, темой которой стал критический анализ позитивизма Венского кружка, привела автора к неожиданным результатам. С погружением в материал он обнаружил, что исходные установки не находят аргументированного подкрепления. В.С. Степин успешно завершает необходимые для защиты диссертации формальности, и хотя был рекомендован кафедрой, защищать диссертацию не стал. Важный урок и для некоторых сегодняшних аспирантов. Первичен все же диплом, а реальный научный результат.

После аспирантуры Степин переходит преподавателем в Белорусский политехнический институт. Оказалось, преподавать это так увле-

кательно и интересно. Помимо математической логики и диалектического материализма, пришлось читать совершенно новые курсы эстетики и теорию искусства. Расширение поля занятий, как признает сам Вячеслав Семенович, позволило преодолеть узость прежних представлений о познании. Через четыре года после окончания аспирантуры он завершает новый вариант диссертации и в 1964 году успешно ее защищает. Впереди открывались новые горизонты научного поиска.

Научная работа уже не отпускала молодого ученого. К этому времени В.С. Степин выводит для себя еще одно правило: чтобы серьезно заниматься анализом научного знания нужно брать в качестве основы оригинальные тексты и осуществлять историческую реконструкцию фрагментов эмпирической истории науки, в качестве которых должны выступать оригинальные, желательно неадаптированные научные тексты, написанные создателями нового знания собственноручно.

Вскоре В.С. Степин реализует свой принцип в процессе анализа трудов Галилея, Гюйгенса, Кулона, Фарадея, Ампера, Вебера, что позволит ему выявить некоторые общие приемы построения конструкций, которые получили название «первичных теоретических схем». Вполне естественно, что очень скоро на повестку дня встал вопрос о выявлении механизма построения развитой теории. Её решение, естественно, потребовало реконструкции соответствующих фрагментов истории науки. Первой из них стала реконструкция процесса построения Д. Максвеллом теории электромагнитного поля. К середине 1968 года он вместе со своим другом физиком-теоретиком Львом Митрофановичем Томильчиком фактически завершили реконструкцию системы максвелловских уравнений электромагнитного поля. Тем самым ими были раскрыты основные операции построения развитой теории на этапе классического естествознания.

В последующем В.С. Степин показал, как изменяется стратегия теоретического поиска в неклассической науке. Для этой цели он осуществил реконструкцию процесса построения квантовой электродинамики, акцентируя внимание на процедурах Бора-Розенфельда, обеспечивших адекватную интерпретацию математического аппарата теории. В результате были выявлены инвариантные, типовые процедуры построения развитой теории и их специфические особенности, отличающие формирование современных (неклассических) теорий от классических образцов.

Свои идеи В.С. Степин смело апробировал в дискуссиях на различных научных форумах. Одобрение взыскательной профессиональной аудиторией оригинальной концепции, выдвинутой молодым ученым, явилось серьезным ободряющим сигналом. В самом начале 1970-х го-

дов, к В.С. Степину приходит признание коллег. Для него наступили хорошие времена: приглашения с пленарными докладами на самые престижные конференции, знаменитые «звенигородские вербалки», новые статьи в самых тиражных и читаемых изданиях Союза, монографии и как всегда доклады, лекции, семинары, дискуссии, споры – тот самый жизненный набор, определяющих понятие счастья для настоящего ученого. Все эти дискуссии, участие в семинарах и конференциях были для В.С. Степина не только демонстрацией ранее полученных результатов, он продолжал активно развивать свою концепцию, искать решение проблемы построения теорий в неклассической квантово-релятивистской физике. В 1974 году В.С. Степин успешно защищает докторскую диссертацию «Проблема структуры и генезиса физической теории».

Чуть позже свои основные идеи и методологические результаты были опубликованы В.С. Степиным в фундаментальной монографии «Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики)» (Минск, БГУ, 1976 г.). В ней автором была разработана концепция структуры и генезиса научной теории, которая в дальнейшем нашла широкий круг приложений в методологии естественных и технических наук и стала теоретическим фундаментом, основой Минской методологической школы, которая действительно стала объединением единомышленников в области философии науки. В ней выросли и стали сегодня широко известными и признанными в Беларуси – недавно ушедший – доктор философских наук, профессор А.Н. Елсуков, доктора философских наук В.Ф. Берков, Л.Ф. Кузнецова, А.И. Зеленков, Я.С. Яскевич, М.А. Можейко и др.

Минской философской методологической школой в 1970-1980-е годы была подготовлена целая серия коллективных монографий, вышедших в свет под редакцией В.С. Степина. В своих разделах В.С. Степин развивает новые идеи, которые только обозначались в его первой крупной монографии. В частности, более аналитично проработана проблематика оснований науки: выявлена структура научной картины мира и ее функции как формы систематизации знаний и как исследовательской программы, раскрыта ее роль в выдвижении гипотез и проанализированы изменения благодаря обратному воздействию на нее конструктивно обоснованных теоретических схем; прослежена историческая эволюция идеалов и норм науки; выявлена структура и динамика философских оснований науки, обеспечивающих обоснование научных знаний и их включение в культуру. Далее, по-новому ставится проблема природы философского знания и его способности заранее генерировать категориальные матрицы, необходимые для освоения наукой новых типов системных объектов. С позиции этих идей В.С. Степиным проведен

анализ научных революций в контексте взаимодействия внутринаучных и социокультурных факторов.

Благодаря успехам Минской философской методологической школы Белорусский государственный университет превратился во всемирно известный философский центр.

Возможно, сегодняшним нашим коллегам это трудно представить, но было такое время, когда наука в обществе воспринималась как особая ценность и, естественно, ученые, были настоящими кумирами молодежи. Коллеги и друзья Вячеслава Семеновича с восторгом вспоминают счастливые 1980-е годы, когда В.С.Степин возглавил кафедру философии гуманитарных факультетов БГУ. На кафедре сразу возникла творческая атмосфера, сформировался коллектив единомышленников, стало интересно жить и трудиться. Помимо напряженной работы со студентами, аспирантами и докторантами, на кафедре стали готовиться и регулярно выпускаться коллективные монографии, оригинальная учебная литература. Довольно быстро кафедра приобрела всесоюзный авторитет. В частности, только один факт, что кафедра стала базой для проведения круглых столов ведущего союзного академического издания «Вопросы философии», с участием философской элиты того времени, уже говорило о многом. Ярким штрихом, характеризующим атмосферу кафедры тех лет, являются и ставшие традиционными совместный отдых, выходы на тропу здоровья, организация водных походов на байдарках по Свислочи, Днепру, Западной Двине. Эти отчаянные романтики сами снимали кино, прекрасно знали литературу, искусство, писали стихи. Новые белорусские робинзоны замирали, когда на привале у костра Вячеслав Семенович читал стихи любимых ими поэтов – Б.Пастернака, М.Цветаевой, О.Мандельштама, А.Вознесенского, произведения классиков белорусской литературы – Я.Коласа, Я.Купалы, А.Кулешова. В такие минуты привал затягивался далеко за полночь и подержанный дружной компанией превращался в настоящий поэтический песенный конкурс. Здесь находилось место всему: и обмену мнениями о новой книге, интересной статье, просто оригинальной идее; исполнению авторской песни под гитару; душевному человеческому разговору. Ну и, конечно, много спорили до хрипоты, до самого рассвета. Произведения своих любимых поэтов Степин и сегодня готов по памяти читать часами и как читать... Такие минуты не забываются никогда.

В бурном перестроечном 1987 году заведующий кафедрой БГУ В.С. Степин избирается на должность директора Института истории естествознания и техники АН СССР, чтобы через год возглавить ведущий академический центр по общественным наукам – Институт философии АН СССР. За свои выдающиеся работы, которыми В.С. Степин

обогастил философию и методологию науки, он избирается действительным членом Российской академии наук, становится лауреатом Государственной премии России, почетным доктором многих ведущих университетов, иностранным членом национальных академий Беларуси, Украины, а также ряда старейших академий мира. Его книги и статьи на основных языках ученого мира издаются престижными научными центрами и получают самую высокую оценку. Коллеги уже не одно десятилетие подряд избирают его своим лидером – президентом Российского философского общества. Уже более полувека Вячеслав Семенович совмещает свою работу в Академии наук с преподаванием и непосредственным общением с аудиторией.

С 2009 года академик В.С. Степин – почетный профессор Белорусского государственного университета. Именно в этих стенах зародились и сформировались основные его философские идеи, которые послужили основой его триумфального восхождения на всесоюзный академический, а затем и мировой философский Олимп. Профессор Ханс Ленк, известный философ и математик, Президент Международного Института (Академии) философии (Париж), представляя академика В.С. Степина факультету гуманитарных и социальных наук для присвоения ему наивысшего академического титула Университета г. Карлсруэ – почетного доктора, счел нужным выделить целый ряд новых идей, которыми В.С. Степин обогатил мировую философию. Хотелось бы их воспроизвести полностью. Это:

- детальный анализ структуры научного знания, создание целостной концепции его динамики;

- открытие процедуры конструктивного обоснования и решение проблемы генезиса парадигмальных образцов в составе теории (проблема поставлена Т. Куном, но не была решена в западной философии науки);

- анализ структуры и функций оснований науки. Ученый представил их и как аспект внутренней структуры научного знания, и как своеобразное опосредующее звено между научными знаниями и культурной традицией. Под этим углом зрения он выделил во всех компонентах оснований науки особые пласты смыслов, которые выражают их социокультурную обусловленность и обеспечивают включение новых научных теорий и фактов в поток культурной трансляции;

- разработка концепции философского знания как рефлексии над базисными ценностями культуры, раскрытие механизмов, обеспечивающих эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании;

- выявление и детальный анализ исторических типов научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая наука);

разработка концепции типов цивилизационного развития, синтезирующей позитивное содержание «формационного» и «цивилизационного» подходов к анализу общества. Анализ с этих позиций базисных ценностей современной техногенной цивилизации и возможных сценариев ее развития.

В серии книг, которые изданы в БГУ к 90-летию университета есть и книга трудов Вячеслава Семеновича «Научное познание в социальном контексте. Избранные труды». В ней представлены его за минский период его деятельности. Мне очень приятно сообщить, что данная книга была признана «лучшим научным изданием по философии» на Международном конкурсе изданий для высших учебных заведений «Университетская книга: социально-гуманитарные науки – 2014», которая проходила в Казани. Данная монография еще раз продемонстрировала значимость научных результатов полученных академиком В.С. Степиным в период его работы в Белорусском государственном университете.

Сегодня достижения академика В.С. Степина широко признаны в мире, ими активно пользуются представители как гуманитарных, так и естественных наук. Более того, Вячеслав Семенович не стоит на месте, он постоянно расширяет свой научный поиск, осваивая все новые и новые области знания. Многолетний лидер российского обществознания – Вячеслав Семенович Степин все больше становится и моральным авторитетом научного сообщества. На его долю выпало немало испытаний, но он сумел пройти их достойно, не запятнав свое доброе имя в науке, не позволив себе пойти на сделку с совестью.

Когда мы попросили Вячеслава Семеновича предложить эпиграф к книге, приуроченной к его сегодняшнему юбилею, он сразу предложил слова Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться! Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться... И день и ночь, и день и ночь!

В заключение своих известных бесед с И.Т. Касавиным Вячеслав Семенович как-то грустно заметил: «Проблем для анализа много. Жалко только, что ... уже не скажешь, как поется в песне: «Вся жизнь впереди, надейся и жди». ...Что-то мы сделали, что-то сделают другие. Важно, чтобы работа не прекращалась...». Вот эта его фраза «Важно, чтобы работа не прекращалась...» очень точно отражает его жизнь подвижника, труд мыслителя и созидателя, очень много говорит о силе духа этого замечательного человека и реальной заботе о завтрашнем дне своего Отечества.

А.Н. Данилов

ПОНИМАНИЕ НАУКИ В «НОВОКРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ»

А. МАРБУРГА

Е.В. Адамейко, г. Минск, Беларусь

Стремительное развитие науки в XIX веке породило к ней глубокий интерес со стороны философов и ученых. Позитивизм являлся одним из самых авторитетных направлений в Западной Европе, в рамках которого обосновывался высокий статус науки и предпринимались попытки построения целостной ее концепции. Наряду с западноевропейским регионом, позитивизм получил также широкое распространение в Восточной Европе. Одним из крупнейших его представителей стал А. Марбург (1855 – 1913) – мыслитель, который создал систему «новокритической философии», в рамках которой позитивистские установки получили достаточно глубокое развитие.

А. Марбург определил позитивизм как «систему регулятивных принципов и норм, устанавливающих способы получения знания и элиминации из него фиктивных проблем» и указал на тесную связь позитивизма и науки. Философ полагал, что для того, «чтобы свергнуть позитивизм, следует прежде свергнуть науку» [1, с. 108]. Поэтому одной из важнейших задач А. Марбург видел в необходимости определения природы и сущности науки и научного знания.

Вслед за Г. Спенсером А. Марбург определил научное знание как особый вид знания, которое «развилося из идей и взглядов, входящих в состав обыденного знания, а также мифологических и спекулятивных систем» [2, с. 142]. При этом, соглашаясь с Г. Спенсером относительно вопроса связи научного и обыденного знания, А. Марбург обвинил представителя классического позитивизма в том, что он не провел четкой границы между научным и обыденным знанием и тем самым не эксплицировал должным образом специфику науки. По мнению мыслителя, науке, в отличие от обыденного знания, во-первых, присуща «методологическая осведомленность», которая представляет собой форму рефлексии по поводу условий получения и конструированием знания. Во-вторых, для науки не характерна «практическая целесообразность», которая свойственна обыденному познанию. «Наука, как теория, – утверждает А. Марбург, – избавляется от практической целесообразности и помимо удовлетворения познавательных стремлений ни к чему другому не стремится и стремиться не может» [2, с. 150].

Идея А. Марбурга об отсутствии практической целесообразности в науке позволила ему обосновать концепцию «чистой науки», с позиции которой философ подверг критике некоторые современные ему версии интерпретации науки и научного знания. Это, прежде всего, имело от-

ношение к утилитаризму и прагматизму, утверждавших в качестве основной задачи науки реализацию практических целей. Мыслитель также выступал против всяческих внесения в содержание науки каких-либо ценностных аспектов. «Познать мир, – по мнению А. Марбурга, – значит познать его как данность. В реальности нет вещей низших или высших. Даже умонастроение, моральность и прекрасное для теории являются только фактами, в то время как для людей они являются высшими или низшими ценностями» [2, с. 313].

Критика оппонентов в данном вопросе, а также обоснование природы и сущности науки позволило А. Марбургу определить науку как «систему понятий и суждений, которая пытается последовательно и проверяемым способом охватить всю сферу опыта, то есть так, чтобы всякий, кто ознакомится с ее выводами, мог их понять и убедиться в логической и опытной ценности ее утверждений» [2, с. 138]. Такая трактовка науки позволила философу в качестве ее основной цели выявить «создание теоретической конструкции настолько универсальной, чтобы система ее понятий и суждений могла логичным и проверяемым способом охватить любой возможный опыт» [3, с. 21]. При этом А. Марбург полагал, что данная цель является регулятивным принципом «новокритической философии», который указывает на бесконечность усилий науки по упорядочиванию неисчерпаемого многообразия опыта.

Решение проблемы специфики науки позволило А. Марбургу выделить основные ее функции: описание («информирование»), объяснение и предвидение. Подобные функции науки были обоснованы и О. Контom, однако по причине интерпретации А. Марбургом неутилитарного характера науки мыслитель отказался от ее социальной функции, на которой настаивал О. Конт. По мнению А. Марбурга, наука представляет собой систему, состоящую из специальных научных дисциплин, которые при помощи специфических методов и способов описывают реальность. В отличие от О. Конта, для которого в качестве основных критериев классификации наук выступали степень обобщенности наук, их историческое развитие и движение от простого к сложному, А. Марбург полагал в качестве такового степень их истинности. Мыслитель разделил науки на формальные и эмпирические. К формальным наукам он отнес логику и математику, так как, по его мнению, эти науки выступают в качестве абсолютно истинных. К эмпирическим наукам мыслитель причислил естественные науки, а также социально-гуманитарные дисциплины, ведущую роль среди которых он отвел психологии. Эмпирические науки, по мнению А. Марбурга, абсолютной истинностью не обладают.

Таким образом, в основу «новокритической философии» А. Марбурга была положена концепция науки, в которой, с одной стороны, нашли отражение базовые установки классического позитивизма. С другой стороны, ряд его идей был подвергнут критической переработке, результатом которой стал, прежде всего, тезис о практической целесообразности науки, а также критерий классификации наук. Несомненной заслугой А. Марбурга является включение в сферу науки не только естественного, но и гуманитарного знания.

Литература:

1. *Mahrburg, A. Pozytywizm w opałach reakcji // «Ogniu».* 1903. nr. 5.
2. *Mahrburg, A. Co to jest nauka? Pisma.* – Warszawa, 1914.
3. *Mahrburg, A. Podział i układ nauk. Poradnik dla samouków / A. Mahrburg.* – Warszawa, 1901.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И.Н. Андреева, Е.М. Прилепко, г. Минск, Беларусь

Во многих своих трудах академик РАН Степин В.С. развивает тему социокультурной детерминации научного знания. Яркой иллюстрацией влияния социокультурного контекста на исследовательские практики является дискурс в сообществе ученых, специализирующихся в области наук о семье. В равной степени авторитетные ученые предлагают различные, и порой противоположные интерпретации и концептуальные модели эволюции института семьи и брака в современных обществах. Подобная ситуация инициирует нас к исследованию влияния социокультурного контекста на эволюцию института семьи и брака, на современную науку о семье. Именно рост культурного многообразия в развитии современных обществ порождает проблемы, связанные с концептуализацией процесса эволюции института семьи и брака в рамках традиционных научных парадигм.

В современных обществах социальные изменения все в большей степени инициируются изменениями в культуре. Например, типы семейно-брачных отношений, основные их характеристики и степень распространенности во многом определяются именно ценностным и стилистическим разнообразием культуры современных обществ. Каждая эпоха, социальная система порождает соответствующие типы личности и типы ценностей. Отличительной чертой современного мира является мультikonфигуративность ценностных ориентаций индивидов и социальных групп и эту многомерность невозможно вместить в рамки какой-либо одной последовательной концептуальной модели современной

семьи. Многие ученые-гуманитарии отмечают, что культурная революция 60-70-х годов прошлого века, произошедшая в западноевропейских странах, породила ряд совершенно непредвиденных последствий в развитии института семьи и брака. В первую очередь это касается процессов депопуляции и старения населения в европейских странах, кризиса института семьи и брака, девальвации семейных ценностей.

Белорусское общество не может быть не вовлечено в этот глобальный процесс культурной модернизации. В этом плане особый научный и практический интерес представляет исследование социокультурных изменений в белорусской семье. В РБ исследования последних 15 лет показывают, что такие ценности как семья, дети, родительство, родственные отношения по-прежнему играют важную роль в повседневной жизни белорусов. Однако социальные инновации и новые культурные эталоны уже прямо влияют на семейные и брачные практики. Трансформация института семьи и брака в РБ, хотя и происходит в рамках общей европейской тенденции, отличается существенными национальными особенностями. В РБ снижение рождаемости происходит не на фоне «низкая рождаемость – низкая смертность» как в западноевропейских странах, а на фоне «низкая рождаемость – высокая смертность», еще высок потенциал «жизнеустойчивости» традиционной семьи и традиционного брака. Это, например, проявляется в том, что брак, семья и дети, родственные отношения в повседневной жизни белорусов занимают более высокие рейтинговые позиции в системе базовых ценностей, чем в западных странах. Подобный тип трансформации института семьи и брака можно определить как «постсоветский, постсоциалистический», отличительным признаком которого является то, что семья и брак в РБ еще долго будут обладать одновременно достаточно выраженными характеристиками как консервативно-патриархального, детоцентристского, так и современного супружеского типа семьи. Семья в РБ по-прежнему выступает в качестве одной из приоритетных ценностей индивида, к ней чаще всего обращаются, чтобы справиться с жизненными проблемами, большинство видят в ней и детей смысл жизни, именно с семьей и своими близкими люди чаще всего себя идентифицируют. Тем самым на аксиологическом уровне восприятие семьи индивидом как ценности занимает одну из лидирующих позиций. Семья стоит на первом месте среди таких базовых ценностей как здоровье, работа, друзья, свободное время и др.

Индивидуализация семейных ролей приводит к тому, что открытая коммуникация между членами современной семьи выступает основным средством установления и поддержания доверительных и стабильных отношений. Если этого не происходит, в семье нарастает

отчуждение, конфликтность и даже насилие. К сожалению, продуктивная коммуникация очень часто затрудняется нарастающими различиями в определениях и переопределениях повседневных семейно-бытовых ситуаций. Тем самым еще больше актуализируется проблема формирования «новой культуры повседневности», способствующей достижению баланса между семьей и работой. Под влиянием социокультурных процессов современная семья начинает постепенно превращаться в партнерский союз, где каждый член семьи имеет собственную, индивидуальную самооценку именно как личность. Стереотипы семейного поведения, представления о распределении внутрисемейных ролей формируются все чаще не под воздействием родительских семей, семейной и групповой традиции, а под влиянием тех социокультурных процессов, которые происходят в обществе в целом. Большую роль здесь играют СМИ, особенно телевидение. Образы любви, брака и семьи, распространяемые современными литературой, журналами, кино и в целом массовой культурой влияют на представления и поведение людей в этих сферах жизни и, особенно на репродуктивные установки. Так в современной массовой культуре в России семья, родительство, внутрисемейные отношения подаются в негативном или очень негативном свете. При этом следует учитывать общность культурного и информационного пространства Беларуси и России. Например, практически сто процентов т. н. современной женской литературы (любовные и авантюрные романы, женские детективы и т. п.) на белорусском книжном рынке являются произведениями российских или других зарубежных авторов. Проведенный анализ литературной серии «Русский романс» показал, что в основе образа современной девушки, женщины лежит ее самодостаточность, стремление индивидуализировать свое бытие, победить или переломить любые жизненные обстоятельства, в том числе и т. н. мужской шовинизм. Очень часто описывается семейная и личная жизнь либо бездетной или малодетной семьи, либо семьи с матерью-одиночкой в ее кризисных ситуациях. Популярно описание героев в различных формах внебрачных сожительства, в состоянии развода, аборт часто используются персонажами как средство решения жизненных и семейных проблем. В свою очередь, образцом для подобной женской литературы стали произведения западных авторов, которые и сформировали литературный культурный контекст отношений между современной женщиной и женщиной. Можно сказать, что в современную массовую культуру закладываются антирепродуктивные стандарты, создается культ «порочной» семьи (без любви, верности, взаимопонимания и взаимопомощи, стремления продолжить себя в детях и др.). Эта же тенденция прослеживается, когда мы анализируем частную жизнь, публичные вы-

сказывания звезд шоу-бизнеса, богемы, гламурной публики. Например, высказывания о предпочтительности таких форм семейных отношений, как сожителство, раздельные, гостевые браки. Очень часто образ женщины в этой среде ассоциируется с хищницей, гонящейся за большими деньгами, не желающей обременять себя детьми. Мужчины определяют брак как «ярмо у себя на шее», считают, что они «никому ничего не должны».

Целый ряд условий трансформации института семьи и брака в РБ, по всей вероятности, необратимы: устойчивая трудовая занятость женщин, высокая стоимость для общества и семьи содержания и воспитания ребенка, зависимость социального статуса от собственных профессиональных успехов и достижений личности и т.п. Реальные механизмы стимулирования рождаемости сегодня – это повышение благосостояния брачных пар активного репродуктивного возраста за счет целевых льгот и выплат, через другие общественные фонды; всемерное развитие социальной инфраструктуры для нужд семьи; подготовка молодежи к семье и родительству; повышение социального престижа родителей и воспитательных функций семьи.

Анализ основных социокультурных процессов в современной белорусской семье свидетельствует о том, что эволюция института семьи и брака в РБ отличается рядом существенных национальных особенностей, связанных с сохранением традиционных семейных отношений советского периода истории Беларуси и формированием новых форм семейно-брачных отношений. Формирование новых форм семейно-брачных отношений является показателем переосмысления семьей как малой группой и личностью жизненных ценностей, роли супружества, отцовства, материнства, детства и в конечном итоге всей нравственной системы общества.

Снижение рождаемости, малодетность – это, по-видимому, долговременная макромасштабная тенденция в развитии современных обществ. Ее социальная дисфункциональность очевидна, тогда как для конкретной семьи или индивида ничего негативного в малодетности в современных развитых обществах нет. По сути, мы имеем дело с экзистенциальным конфликтом между интересами индивида и общества. Именно этот фундаментальный онтологический конфликт порождает противоречивые концепции и интерпретации эволюции института семьи и брака в научной литературе. Вопрос, следовательно, не в истинности алармистской или модернистской (либеральной) концепции современной семьи, а в их вовлеченности в социальные практики и целеполагание. Общество может смириться с депопуляцией ради «гуманизации» семейных отношений, но может и использовать принуждение к

родительству за счет стимулов и вопреки популярному культурному эталону.

ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ СОЦИОЛОГИИ ВЛАСТИ*

Д.К. Безнюк, г. Минск, Беларусь

Во второй половине XX века академик В.С. Степин формировал свою концепцию структуры и генезиса научного (теоретического) знания, в основе которой лежал синтез логики деятельностного подхода, системного анализа и идей историзма. В своих работах он обосновывал положение об исторической изменчивости форм науки при сохранении ее сущностного содержания и инвариантности ее специфических характеристик. К последним следует отнести структурную организацию теории, как конечного продукта процесса научной рефлексии. В работах В.С. Степина много внимания уделяется прояснению структуры теории и ее связи с социокультурным окружением науки. «Теория включает: 1) уравнения (математические выражения законов); 2) теоретическую схему, для объектов которой справедливы уравнения; 3) сложные и опосредованные отображения объектов, составляющих схему, на эмпирический материал; 4) их отображение на картину мира» [2, 96]. К этим структурным компонентам В.С. Степин добавляет еще один – основания науки. «В сложившейся и развитой системе дисциплинарного научного знания основания науки обнаруживаются, во-первых, при анализе системных связей между теориями различной общности и их отношения к различным формам эмпирических знаний в рамках некоторой дисциплины (физики, химии, биологии и т.д.), во-вторых, при исследовании междисциплинарных отношений и взаимодействий различных наук. В качестве важнейших компонентов, образующих основания науки, можно выделить: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы научного познания; 3) философские основания науки. Перечисленные компоненты выражают общие представления о специфике предмета научного исследования, об особенностях познавательной деятельности, осваивающей тот или иной тип объектов, и о характере связей науки с культурой соответствующей исторической эпохи» [1].

* Сокращенный вариант статьи автора «Структура теории и отраслевая социология: опыт конструирования теоретико-методологических основ социологии власти» // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В.С. Степина. – Минск: БГУ, 2014. – 503 с.

Беря за принципиальную схему модель организации и функционирования научной теории, которую предлагает В.С. Степин, можно попытаться сконструировать «стартовую площадку» для отраслевых социологических теорий, появление и развитие которых составляет неотъемлемую характеристику современной социологического знания. В качестве примера автор предлагает свое видение теоретико-методологических основ социологии власти, которая подвержена всем «болезням роста» молодой социологической теории.

Условно знание можно представить в виде нескольких составляющих: а) субъект познания – тот, кто отражает объект познания; б) объект познания – часть объективной реальности, то, что отражается; в) как отражается, каким образом, с помощью каких исследовательских средств и процедур; г) насколько адекватно отражается объект, критерии определения и оценки этой адекватности; д) среда, в которой идет процесс отражения (научного познания), т.е. социально-культурное окружение науки и ученого, которое и определяет в значительной степени первые три составляющие, задает процедурный и ценностный контекст когнитивной деятельности субъекта.

Методологические основы впитывают в себя особенности этой среды, позволяя науке быть постоянно включенной в актуальную культурную ситуацию, и являются центральным звеном процесса социально-культурной обусловленности научного познания. Они выступают как своеобразный «защитный пояс» теории в структуре научно-исследовательских программ И. Лакатоса, но с гораздо более широкими возможностями и функциями.

Определяя функции методологии в той или иной теории, мы можем выделить в ней два уровня или две составляющие: во-первых, теоретико-методологическую часть и, во-вторых, конкретно-методологическую или методическую часть. Первую мы можем определить как методологические основы данной теории, как ее мировоззрение, ее философско-мировоззренческое содержание, заключающее в себе инвариантные позиции, задающие условия научного поиска, содержащие и описывающие предпосылки этого поиска и общие, принципиальные подходы к реализации исследования. Такое содержание предполагает, что методологические основы включают в себя:

Онтологию, или частную картину мира, – фундаментальные, социально-философские и общетеоретические представления об объекте исследования, представленные в концептуальном аппарате или аксиоматике теории, т.е. первичных самоочевидных допущениях, исходных постулатах и положениях, которые описывают идеализированный объект теории, задают основной каркас, контур исследуемого фрагмента

реальности. Эту составляющую методологических основ можно было бы назвать, используя терминологию Т. Куна, «метафизическими частями дисциплинарной матрицы», задающими видение универсума и его онтологию.

Категориальный аппарат теории, задающий язык исследования, отражавший логику научного поиска в рамках конкретной теории. Через понятия и категории определяется предмет, цели и задачи исследования. Использование взаимосвязанных понятий и категорий – это использование самой теории, концепции: мы смотрим на мир глазами, но понимаем и выражаем свое понимание через язык, через категории и понятия, которые есть у нас об этом мире и через которые мы конструируем окружающую нас реальность.

Логика теории, которая тесно связана с применением категориального аппарата и содержит правила работы со «словами и вещами» в данной теории: правила вывода и объяснения, условия и критерии научности, схемы и правила интерпретации. Последним, кстати, уделяется много внимания в современной социологии: именно через механизм интерпретации самым непосредственным образом происходит социокультурная детерминация знания: одно и то же явление или факт, в зависимости от культурного кода, стандарта, образца, могут быть понимаемы совершенно различно, стать носителями отличающихся смыслов для представителей разных общностей, ибо, применяя различные методы интерпретации, они получают разные результаты-смыслы. Логика как элемент методологических основ призвана отражать правила и схемы производства смыслов (смыслотворчества) данной теории.

Общие принципы и нормы технологии изучения объекта или принципы исследования, представленные в виде исследовательских подходов, которые дают возможность глубоко и всесторонне раскрыть специфику объекта, его сущность, содержание и природу. Исследовательский подход – система, совокупность конкретных видов анализа, применение которых диктуется конкретными исследовательскими ситуациями, представлениями о научности, ценностными установками ученого и т.д.

Стратегию взаимодействия и сосуществования с другими научными дисциплинами, которая определяется исторической традицией данной теории и ее современным состоянием, уровнем исследований, запросами практики.

Механизм включения в общий культурный контекст данной теории, полученного знания, который, по мнению автора, тесно связан с праксеологическими аспектами.

Методологические основы сами по себе вполне могут выступать формой самопознания и самосовершенствования науки; их развитие, как и развитие всей методологии, – один из важнейших путей развития научного познания мира.

Литература:

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание (Москва 1999) / Степин В.С. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/stepin/index.html>. – Дата доступа: 12.11.2013.
2. *Степин В.С.* Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В.С. Степин. – Минск: БГУ, 2012. – 416 с.

ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ XXI ВЕКА.

О.А. Беленкова, г. Уфа, Россия

На протяжении предыдущего XX столетия определяющим принципом высшего технического образования выступал *социоцентризм*, истоки которого восходят к эпохе Европейского Просвещения. В соответствии с принципом социоцентризма утверждалось, что человек способен раскрыть свою истинную природу только через образование, которое должно стать формой и способом его социального и личностного формирования и развития. При этом формирование профессиональных и личностных черт специалиста должно осуществляться в соответствии с логикой развития профессиональной культуры соответствующей сферы общества. Согласно принципу социоцентризма можно следующим образом определить основополагающие функции высшего технического образования. Оно должно: 1) выступать механизмом воспроизводства научно-технического интеллекта общества; 2) служить способом трансляции из поколения в поколение социокультурного опыта в сфере материального производства, формирующегося на основе технико-технологических знаний; 3) обеспечивать интеллектуальное воспроизводство человека как технического специалиста.

Приоритетная сторона социокультурной модели высшего технического образования XX столетия состояла в том, что индивид выстраивал свой творческий потенциал специалиста преимущественно в сфере образовательно – познавательных отношений, формируя мир личностной профессиональной культуры как мир востребуемых обществом технических знаний. Принцип социоцентризма, положенный в основу господствующей в XX столетии модели узко специализированного технического образования был ориентирован на расширенное воспроизводство знаний, не нуждающихся в личностной рефлексии и размышляющем уме специалиста как организатора производства.

Однако вторая половина XX столетия наглядно продемонстрировала просчеты и недостатки этой модели профессиональной подготовки технических специалистов, поскольку она ограничивает развитие индивидуально-личностных возможностей специалистов как организаторов производства, поскольку эти функции являлись исключительно прерогативой административно-управленческого аппарата предприятий во главе с собственниками средств производства.

В XXI веке потребности производства формирующегося постиндустриального общества стимулируют формирование новой концепции технического образования, ориентированной на личностное развитие технического специалиста, реализующего себя в контексте управленческой культуры социума как системоорганизующего фактора общественного производства. В новой концепции высшего технического образования определяющим становится обращенный к личности принцип *человекоцентризма*, в соответствии с которым техническое образование рассматривается как способ формирования социокультурной идентичности технических специалистов, а их личностная самореализация как важнейший ресурс решения не только локальных технических задач, но и глобальных социальных практик по сохранению природных систем и обеспечению безопасности человеческого рода.

Социокультурную идентичность специалистов технического профиля мы определяем как результат сложного многофакторного процесса осмысления ими своей профессиональной и духовно-нравственной принадлежности к социально- профессиональным группам, осуществляющим в условиях техносферы современного производства технико-технологические, хозяйственно-экономические и организационно-управленческие функции. Основа социокультурной идентичности технических специалистов должна закладываться уже в процессе получения ими профессиональной подготовки в высшей технической школе и должна быть адекватной корпоративной культуре тех производственных организаций, в условиях которых будет осуществляться их профессиональная деятельность. При этом сам технический университет должен также функционировать как корпоративная организация, объединяющая всех участников учебно-образовательного процесса по подготовке специалистов в сложно структурированную, многоуровневую открытую систему, все звенья которой взаимосвязаны и ориентированы на выполнение задач, поставленных перед коллективом университета его администрацией во главе с ректором. Основными принципами корпоративной культуры технического университета должны стать: а) *научность*, б) *системность*, в) *гуманизм*, г) *профессионализм*, д) *гармонизация личных и общественных интересов* (но при приоритете

последних), обеспечивающих перспективы развития личности будущих специалистов технического университета как корпоративной организации и общества в целом.

С позиций социальной антропологии фундаментом творческого потенциала современного технического специалиста, в котором должны интегрироваться профессионализм, способность к творчеству, организаторские способности и морально-нравственные качества, является его *субъектность*. Человеческая субъектность – это духовность человека, понимание им свободы и возможностей ее использования, мотивация его поведения и его нравственного выбора, который он делает, выбирая свой образ жизни, характер своей деятельности и соответственно, свою судьбу. Следовательно, система высшего технического образования должна включать: 1) технико-технологическую профессиональную подготовку будущих специалистов; 2) формирование организационно управленческих знаний, умений и навыков; 3) формирование морально-этической культуры, которая должна включать социально значимую мотивацию их профессиональной деятельности. Все эти направления высшего технического образования интегрированы в компетентностной модели современного технического специалиста, фундаментом которой, как считает автор, должна рассматриваться управленческая культура.

В условиях все более углубляющегося процесса глобализации системы мирового хозяйства формирование в России инновационно ориентированной экономики рыночного типа в значительной степени будет зависеть, как мы считаем, от управленческой культуры технических специалистов всех трех уровней подготовки (бакалавриата, специалитета, магистратуры), являющихся главным ресурсом высоко технологичного производства, его «человеческим капиталом». Управленческая культура, охватывающая сложившиеся в обществе и обладающие управленческим потенциалом ценностно-нормативные представления, используемые субъектом управления в качестве целеориентирующих принципов, норм и ценностей управленческой деятельности, а также её методов и средств, выступает в системе общественного производства связующим звеном между культурой общества, его социальными отношениями и технологией производства. Управленческая культура определяет целевую направленность управления и механизмы его практического осуществления в соответствии с закономерностями развития социума, требованиями технологии производства и рыночного регулирования, а также задачами формирования трудового потенциала общества, его социальных групп и отдельных работников.

Однако следует иметь в виду, что отличительной особенностью современного производства является четко фиксированная в должностных

инструкциях специалистов дифференциация выполняемых ими функций, при значительном возрастании роли высшего звена специалистов-магистров. Исходя из западного опыта двухуровневой подготовки специалистов, способствовавшего оптимальному использованию в сфере производства трудовых ресурсов, правительство России также приняло решение о переходе на двух уровневую организацию подготовки специалистов, что соответствует требованиям компетентностных моделей специалистов, предъявляемым современным производством к высшей технической школе. При этом формирование всей системы компетенций специалистов в техническом университете должно осуществляться на основе системного подхода, охватывающего всю совокупность профессиональных знаний будущих специалистов соответствующего уровня подготовки, а также знаний в области социальной философии, экономических, политических и социально-гуманитарных наук. Такая компетентностная модель современных технических специалистов является определяющим условием подготовки высшей технической школой РФ специалистов для инновационного развития российской экономики в рамках единой системы мирового хозяйства.

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА ПОСЛЕ АНТИНОРМАТИВНОГО ПОВОРОТА

Е.В. Беляева, г. Минск, Беларусь

Утверждение об антинормативном повороте, совершившемся в этике XIX века и ознаменовавшем ее переход к неклассическому типу научного знания, стало общепризнанным и вошло в учебники [1, с. 673]. «Философия фактически сняла с себя обязанность указывать путь этически достойного существования. Философские учения или в качестве сознательной установки, или по факту перестали предлагать этико-нормативные программы» [2, с. 24], – сетует А.А. Гусейнов. Большинство этических теорий конца XX – начала XXI века, по-прежнему избегают развернутых нормативных программ и формулирования нравственных предписаний, подобных «золотому правилу нравственности» или «категорическому императиву. Однако, нельзя сказать, что все проблемное поле неклассической этики сводится к критике морали, анализу языка морали, деконструкции морали и проч. Поиски нормативности, адекватной современному типу моральных субъектов, не прекращаются.

Во-первых, продолжают попытки откорректировать «золотое правило нравственности» применительно к реалиям современного общества, в котором индивидуализм из количественной характеристики

(«стало больше индивидуализма») перешел в новое качественное состояние: из принципа морали он стал методологическим индивидуализмом. Личность оказывается главным субъектом, способным к созданию и обоснованию морали. Нормативные предписания старого типа, приводящие отклоняющихся индивидов «к норме», утратили всякую действенность. Если прежде благодаря принадлежности к социальной группе индивид обретал идентичность, а потому исполнение моральных норм обеспечивалось либо традицией, либо прагматической заинтересованностью человека, то нынешний модульный мультипликационный субъект спонтанно примыкает к сообществам и расстается с ними. Именно этот индивидуальный субъект постоянно производит свои социальные связи и njih нормативность. В такой ситуации новое «золотое правило» современного мира Э. Этциони формулирует так: «уважай и поддерживай нравственный порядок в обществе, если хочешь, чтобы общество уважало и поддерживало твою независимость» [3, с. 319]. Нравственный порядок в обществе оказывается той самой общей нормативной рамкой, которая обеспечивает главную нравственную ценность человека – его неповторимость. Сходным образом, М. Эпштейн испытывает потребность дополнить «золотое правило нравственности» – «алмазным»: «Действуй так, чтобы ты сам желал стать объектом данного действия, но никто другой не мог стать его субъектом» и «Делай то, что каждый должен был бы сделать на твоём месте, но чего никто не может сделать вместо тебя» [4, с. 759]. Так универсальность прежней формулировки дополняется идеей уникальности действующего субъекта и той ситуации, в которой он находится.

Во-вторых, отказ от обоснования нормативных программ касается в основном морали как сферы межличностных отношений. Усилия теоретиков не направлены на поиск новых нравственных правил, ибо по большому счету простые правила морали за тысячи лет не претерпели особых изменений и, умудренные архетипами коллективного бессознательного, индивиды теперь могут сами налаживать нравственные отношения на микроуровне. Так норма «не убивай» в её абстрактной постановке не нуждается в каком-то особом обосновании. Проблема в том, что, несмотря на обилие замечательных правил (и даже их применение людьми как конкретными лицами), практика жизни человеческих сообществ остается далекой не просто от идеала, но даже от сколько-нибудь удовлетворительного состояния. Великая немецкая философия и этика, усвоенная каждым немцем в школе, не стала противоядием против нацизма. Народы, имеющие древнейшую этическую культуру, ведут несправедливые войны, страны, выработавшие самые прогрессивные принципы «правильной жизни», оказываются источником кошмара для

всех остальных. Поэтому задача современной нормативной этики концентрируется в области общественной морали, в области создания правил, по которым могли бы взаимодействовать не индивиды, а сообщества и общества. В глобальном мультикультурном мире это становится совершенно необходимым.

Ответом на эту потребность стала, например, теория Дж. Роллза, в которой он, формулируя принципы справедливости, старается перекинуть мостик от «исходной ситуации», в который выбор совершает рациональный и свободный индивид, к справедливости как добродетели социальных институтов. Не случайно впоследствии Дж. Роллз стремится расширить применение своей теории за пределы отдельного государства и формулировать принципы справедливости отношений между народами, без которых никакая нормативная теория не является законченной и удовлетворительной.

Этика дискурса Ю. Хабермаса также направлена не на разрешение проблем в однородном нравственном сообществе, но призвана найти принципы организации морального дискурса в условиях многообразия нормативных систем. Этика, как никогда, ощущает свою связь с политикой, стремясь не навязать политике невыполнимые для нее нормы абсолютной морали, но обнаружить этику самой политики, те правила, руководствуясь которыми сообщества и государства смогут разрешить свои проблемы.

Коммунитаризм как антитеза либеральным концепциям, казалось бы, рекомендует возвращение к этике замкнутого сообщества и утверждает неустранимую и морально плодотворную историко-культурную причастность индивида. Но именно коммунитарист М. Уолцер является автором классического текста по проблемам толерантности в глобальном мире [5].

Во всех этих концепциях формулируются нормы и принципы в области этики, но они касаются не столько поведения напрямую, сколько регулируют способы взаимодействия различных моральных стратегий, устанавливают правила принятия решений в условиях многообразия.

В-третьих, явный нормативный характер носит современная прикладная этика, которая не только не чуждается нормативности, но полагает моральные кодексы обязательным институтом своего функционирования. Все новые сферы человеческой деятельности стремятся к самосознанию, к обоснованию этой деятельности в качестве блага, обзаводясь в результате этическими кодексами.

Наконец, антинормативный поворот в этике может рассматриваться как симптом поворота в самой морали, столь значительного, что ее нормы остаются не устоявшимися, а потому не артикулированными.

Пока, однако, все попытки нормативного конструирования на метафизическом, а не прикладном, уровне, апеллируют не к будущему, а к прошлому, пытаются реставрировать самые консервативные моральные программы. Куда более плодотворным был бы вариант морального не-отрационализма, восстановления в общем-то известных моральных норм в новом регулятивном контексте, с иным обоснованием и мотивацией; морали, рассчитанной на современных гипериндивидуальных субъектов.

Таким образом, и после антинормативного поворота нормативная этика продолжает развиваться, создавая новые формулировки «путей правильной жизни» для современного мира, а также находя новые предметные области в сфере общественной морали и прикладной этике.

Литература:

1. История этических учений : учебник / под ред А.А. Гусейнова. – М. : Гардарики. – 911 с.
2. Гусейнов, А.А. Философия как этический проект / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2014. – № 5. – С. 16–26.
3. Энциони, Э. Новое золотое правило: сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под. ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 312–334.
4. Эпштейн, М. Стереозтика: двойственность добродетелей и алмазно-золотое правило / М. Эпштейн // Знак пробела. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – С. 745–760.
5. Уолцер, М. О терпимости : пер. с англ. И. Мюрнберг. – М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КУСОЧНОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ МИРА А.А. Бова, г. Киев, Украина

Социальные явления не подвержены жесткому детерминизму, а скорее описываются мягкими закономерностями. Неоднородность выборки, погрешность измерения, эксплораторный характер многих исследований, недостаточная разработка теории, большое количество факторов и их нелинейное взаимное влияние на отклик, невозможность экспериментальной проверки, а также многие другие причины часто не позволяют достичь достоверных статистических результатов и существенно ограничивает точных прогнозов в социальных науках. Линейное регрессионное уравнение не всегда адекватно описывает эмпирические закономерности. В ряде случаев большей точностью обладают робастные линейные регрессионные модели, непараметрическая локально-

взвешенная регрессия (*LOWESS*), нелинейные регрессионные модели, включая искусственные нейронные сети и их ансамбли, кусочные функции (регрессионные сплайны), алгоритмы усиленных дерева решений (*Boosted Regression Trees*) и др. Техники *Data Mining* хотя и позволяют строить более точные и стабильные модели, однако содержательная интерпретация полученных результатов, за некоторым исключением ограничена.

Учитывая сказанное, у социологов заслуженной популярностью пользуется кусочный (сегментированный) регрессионный анализ, заключающийся в построении локального регрессионного уравнения, релевантного для определенного интервала (сегмента), границы которого определяются точками разрыва, в которых меняется вид регрессионного уравнения. Кусочную модель можно создать как «вручную», так и при помощи специализированных алгоритмов. Приведем некоторые приемы и возможные способы формирования таких моделей.

1. Использование значений категориальной переменной или разбиение значений признаков на интервалы исходя из содержательных предположений или статистических требований (по квартилям или точкам изменения тренда) с последующим построением различных регрессионных моделей на образованных подмножествах. Существенно увеличивает долю объяснённой дисперсии кусочно-линейное решение при разделении значений зависимой переменной по среднему значению. При применении такой модели к новым данным, принадлежность наблюдений к двум образованным подмножествам отклика может быть найдена сначала путем предварительного использования какого-либо алгоритма классификации, например случайного леса (*Random Forest*).

2. Кластеризация данных с дальнейшим построением регрессионных моделей в типологически однородных группах или использование регрессионного кластеринга, одновременно классифицирующего наблюдения с построением зависимостей между переменными кластеризации с максимизацией коэффициента детерминации. Характеристика групп осуществляется путем подсчета средних значений переменных кластеризации или внешних переменных, не участвующих в соответствующей процедуре.

3. Использование алгоритмов индукции деревьев решений (*CHAID*, *CART* с постпроверкой, т.е. отсечением мелких ветвей) с последующим построением регрессионных моделей на подмножествах. Алгоритм *CHAID*, в отличие от *CART*, строит небинарные деревья решений как и в первом случае, исследователь способен определенным образом влиять на процесс сегментации выборки, задавая переменную, которая первая включается в процесс построения дерева решения. В таком случае для

одних и тех же данных можно получить ряд типологий (подробных или лаконичных), отвечающих научным интересам разных наук (например, социологии, криминологии, экономики).

4. Непосредственное применение алгоритмов кусочной регрессии, суть которых в построении регрессионных уравнений в терминальных вершинах дерева решений. Специализированные алгоритмы имеют гибкие настройки, позволяющие, в том числе, обрабатывать разнотипные независимые переменные, имеющие пропущенные значения, строить разнообразные линейные, в том числе робастные, и полиномиальные модели в подмножествах, образованных сочетаниями значений предикторов, задавать ансамбли моделей с общим регрессионным уравнением для всей выборки и отдельных подвыборок, учитывать значения k -ближайших соседей для соответствующей коррекции прогнозных значений и др. Имеется несколько программных реализации популярных алгоритмов нахождения кусочных функций – множественные адаптивные линейные сплайны (*Multivariate adaptive regression splines – MARS*) разработчика Лео Бримана и линейной регрессии на логических закономерностях *M5' (Cubist)* Росса Куинлана.

Продемонстрируем возможности кусочной регрессии на примере изучения восприятия личной безопасности (*PS*) от регрессоров – Индекса человеческого развития (*HDI*), уровня доверия к национальному правительству (*TNG*) и людям (*TP*), коэффициента убийств (*HR*) для выборки из 116 стран. Данные результатов Всемирного опроса Гэллага за 2007–2012 г., коэффициента убийств за 2008–2011 г. и интегрального индекса за 2013 г. содержатся в Докладе о человеческом развитии 2014 Программы развития ООН [1]. Для сравнения прогностической точности уравнений будем использовать коэффициент множественной детерминации R^2 (показывает часть общей дисперсии, объясненную моделью), который вычисляется как коэффициент корреляции между наблюдаемыми значениями и предсказанными по модели, возведенный в квадрат, и корень квадратный из средней квадратической ошибки (*RMSE*).

Ниже приведено линейного регрессионное уравнение по методу наименьших квадратов ($R^2=0,41$, $RMSE=11,4$), содержательная интерпретация которого очевидна.

$$\hat{PS} = 23,8 - 0,25HR + 0,28TNG + 0,32TP + 27,3HDI$$

С помощью алгоритма MARS с редукцией кусочно-линейных базисных функций до трех построено уравнение зависимости восприятия личной безопасности от трех предикторов ($R^2=0,55$, $RMSE=11,3$).

$$\hat{PS} = 40,75 + 2,12\max(0; 7,7 - HR) + 0,52\max(0; TNG - 50) + 150,9\max(0; HDI - 0,82)$$

Для вычисления прогнозного значения для страны выбирается большее число между нулем и разностью двух чисел, что фактически определяет интервал значений параметров, в наибольшей степени влияющих на повышение процента людей в стране, которые не боятся преступности, а именно в целом по странам: коэффициент убийств – до 7,7 на 100 тыс. населения, доля населения, доверяющего национальному правительству – до 50% и Индекс человеческого развития – до 0,82. Как видим, уравнение свидетельствует о нелинейном характере влияния независимых переменных на отклик.

Результатом работы алгоритма *Cubist* являются логические правила с уравнениями регрессии и константой ($R^2=0,62$, $RMSE=9$).

Правило 1. Если $HR \leq 11,4$, то: $\hat{PS} = 38 - 1,98HR + 0,31TNG + 0,05TP + 23HDI$

Правило 2. Если $HR > 11,4$, $HDI > 0,58$, то: $\hat{PS} = 47\%$

Правило 3. Если $HR > 11,4$, $HDI \leq 0,58$, то:

$$\hat{PS} = -5,5 - 0,24HR + 0,46TNG + 0,04TP + 102,5HDI$$

Первое правило охватывает 89 стран ($\overline{PS}=63\%$), второе – 13 ($\overline{PS}=45\%$), третье – 14 стран ($\overline{PS}=60\%$). Отметим, что b -коэффициенты сглаженных регрессионных моделей, порождаемых алгоритмом *Cubist*, не идентичны коэффициентам, получаемым в результате линейного регрессионного анализа по методу наименьших квадратов для тех же самых множеств.

Наконец, ожидаемо наибольший коэффициент множественной детерминации кусочно-линейной модели с точкой разрыва по среднему значению зависимой переменной ($R^2=0,75$, $RMSE=6$).

$$\hat{PS} = (38 - 0,06HR + 0,01TNG + 0,18TP + 11,3HDI)(PS \leq 60) + (50 - 0,12HR + 0,2TNG + 0,08TP + 15,3HDI)(PS > 60)$$

Из проведенного анализа следует вывод, что кусочная аппроксимация имеет свои преимущества, выражающиеся в компактности регрессионного уравнения, отборе информативных переменных, более высокой точности прогноза, возможности дополнительной содержательной интерпретации типологии, формировании практических рекомендаций, ориентированных на однородные совокупности или на планирование определенного уровня социальных показателей.

Литература:

1. Human Development Report 2014. «Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience» – Publisher: United Nations Development Programme, 2014 – 236 p.

ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКОЙ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

А.А. Быков, г. Минск, Беларусь

В последние годы мейнстрим экономической теории, объединяющий неоклассические и кейнсианские учения, часто подвергается критике. Например, в работе [1, с. 299] проводятся параллели между современной неолиберальной экономической теорией и политической экономией социализма, и делается вывод о высокой степени догматизма, присущего обеим научным школам. В частности, по мнению автора, обе школы преувеличивают возможности рационального познания и рационального выбора; заявляют о возможности бескризисного развития своих социально-экономических систем; отрицают эксплуатацию труда в рамках своих общественных систем, при этом обвиняя в его эксплуатации друг друга.

Подобные публикации по большей части нацелены именно на критику господствующей либеральной экономической доктрины, поскольку среди экономистов сейчас не так много приверженцев марксистской политической экономии. Такая критика имеет под собой основание хотя бы по той причине, что происходящие в мире события после кризиса 2008 года нуждаются если не в прогнозах, то, по крайней мере, во внятном теоретическом объяснении, что является одной из непосредственных задач экономической теории.

Мировая экономика на наших глазах приобретает новые качества, которые трудно описать с помощью общеизвестных теоретических концепций рационального выбора, рыночного равновесия, государственного регулирования. Среди новых свойств экономики – высокая неопределенность и непредсказуемость развития стран, регионов и рынков; финансовая интеграция мировой экономики, проходящая параллельно с регионализацией производственного сотрудничества; рост торговых дисбалансов и долгов; разрыв между финансовым и производственным секторами. Какие из популярных концепций, к примеру (кейнсианство, монетаризм, социальное рыночное хозяйство), объясняют экономические успехи современного Китая? Несмотря на наличие развитой системы планирования, китайскую экономику сложно отнести к социальному рыночному хозяйству европейского типа в силу сравнительного низкого уровня социальной поддержки населения. Преимущество китайской экономики, заключающееся в быстром заимствовании, освоении и распространении новых технологий, остается вне рассмотрения вышеназванных теоретических концепций.

Из сказанного вовсе не следует, что общепринятая теория, мейнстрим экономической науки потерял свою актуальность. Если фундаментальные закономерности социально-экономического развития остались в целом неизменными, то традиционная экономическая наука объясняет многое, но не все. Известны примеры кардинальных изменений в естественных науках, открывших впоследствии новые возможности прикладных исследований, когда возникли научные направления, принципиально отличающиеся от классических, но не отрицающие их. Это геометрия Лобачевского и Римана, разработанная после евклидовой геометрии; законы квантовой физики, не похожие на законы классической механики Ньютона. Логично предположить, что и в общественных науках, в том числе в экономике, возможно параллельное существование различных концепций, иногда взаимоисключающих, каждая из которых найдет свое применение в нужное время в нужном месте. Такое положение дел характерно для эпохи постмодерна, когда науки теряют системность, иерархическую строгость, а возникновение новых научных направлений приобретает хаотичный характер.

Яркой иллюстрацией отрицания модерна и классической рациональности в общественных науках служит развитие менеджмента, который, по мнению одного из российских исследователей, превратился из стройной и иерархически структурированной системы идей, вписывающейся в каноны традиционной науки, в постмодернистский рынок конкурирующих друг с другом концепций и мнений [2, с. 66]. Сегодня теория менеджмента одновременно предлагает массу произведений для свободного «потребления», а «потребители» осуществляют соответствующий свободный выбор [2, с. 68]. Таким образом, теория менеджмента полнее других восприняла постмодернистские начала организации знания. Разрушив иерархическую методологию, она не только не разрушила себя, но и конструировала новое качество прикладной социальной науки, характеризуемое не жесткой структурой идей, а их конкуренцией при значимой творческой роли их «потребителей». Мудрость и профессионализм последних заключается не в том, чтобы неуклонно и до конца претворять в жизнь какую-либо одну концепцию, а в том, чтобы создавать из множества предлагаемых концепций комбинации, оптимальные с позиций эффективности конкретных предприятий [2, с. 71]. Данный тезис, высказанный применительно к менеджменту, вполне справедлив и по отношению к практическому использованию известных концепций экономической теории. Так, по мнению Дж. Гэлбрейта, «... курс человека в экономической политике должен осуществляться не в соответствии с «твердыми» правилами, а в соответствии со специфическим, ситуационным эффектом» [3, с. 11]. О це-

лесообразности применения ситуационного подхода в экономике свидетельствует, например, растущая популярность такого направления экономических исследований, как экономическая компаративистика. И все же представляется не в полной мере обоснованным рассматривать дальнейшее развитие экономической теории как набора разрозненных идей, т.к. экономическая наука призвана не столько предоставлять рекомендации для принятия решений, сколько объяснять происходящие социально-экономические процессы, выделяя в них закономерности.

По мнению автора, к перспективным направлениям развития экономической науки следует отнести междисциплинарный синтез, а также применение некоторых положений антипрогрессистских теорий социальной динамики. Важнейшие исторические события, как экономические кризисы, социальные потрясения, вооруженные конфликты, широкое внедрение новых достижений науки и техники невозможно объяснить и описывать по отдельности, их необходимо исследовать во взаимосвязи и в динамике. Среди инструментов анализа подобных событий можно выделить, к примеру, теорию цикличности экономического развития Н. Кондратьева, а также миросистемный анализ И. Валлерстайна, который «...объединяет в себе историю, экономику, политологию, социологию, напоминая данным наукам о том, что у них, по сути, общий предмет исследования» [4, с. 294]. Набирающие сейчас популярность «антипрогрессистские» теории не следует воспринимать исключительно как набор пессимистических прогнозов. Наоборот, их особенность состоит в более широком взгляде на исторические процессы, постулировании нелинейного, циклического характера развития, многовариантности технического и социального прогресса [5].

Применение отмеченных теоретических подходов позволило бы приблизиться к решению таких актуальных научно-теоретических проблем экономики как: проблемы взаимодействия бизнеса с национальными и наднациональными институтами; проблемы выбора перспективных направлений научно-технического развития как фактора экономического роста; проблемы пределов роста, обусловленных ограниченностью территории и дефицитом дешевых ресурсов. Отмеченные проблемы является вызовом, и одновременно стимулом для разработки новых идей в экономической науке.

Литература:

1. *Дзарасов Р.С.* Экономика «насаждения отсталости» // Вестник Российской академии наук. 2014. том 84. №4. с. 291 – 303.
2. *Барков С.К.* итогам исторической эволюции методологических основ теории менеджмента: «Постмодернистский кульбит» // Российский экономический журнал. 2008. №7-8. С. 66 – 71.

3. *Galbraith J.* Economics in the Century Ahead // *The Economic Journal*. 1991. vol. 101. № 404.
4. *Максимов И.* Иммануил Валлерстайн. Миросистемный анализ: введение // *Неприкосновенный запас*, № 2, 2007, С. 294-296.
5. *Нехамкин В.А., Полякова И.П.* Антипрогрессистские теории социально-исторической динамики // *Вестник Российской академии наук*, 2014, том 84, №7, с. 610 – 617.

ФАТАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ КАК СТИМУЛ ВОЗРОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФИИ

В.М. Володин, г. Минск, Беларусь

«Без знания истории философии, без изучения оригинальных текстов создателей новых философских идей, концепций, систем, без понимания того, как исторически развивалось философское знание, невозможно стать философом» [1]

В.С. Стёпин

Та немногочисленная часть человечества, которая сталкивалась с понятием философии, в лучшем случае знает её только как буквальное значение – «любовь к мудрости». Любовь и мудрость, – подлинное понимание этих слов настолько далеки от жизни обывателя, как его способность увидеть то, что происходит за горизонтом. Система образования построена так, что ни в школе, ни в университете, ни в семье никто не учит познанию самих себя и познанию жизни. И, если со значением понятия «любовь» человек может определиться более-менее интуитивно, то слово «мудрость» вызывает такой идеальный образ, оторванный от реальности, что и сама философия воспринимается, как пустые, отвлечённые, бесполезные, а, значит, и ненужные рассуждения.

Начав с исторически примерно известного нам времени в 2,5 тысячи лет назад, философы задались такими вопросами как: «смысл бытия?», «что такое человек?» и, «что есть мир, окружающий нас?». Зачем человек задаётся этими вопросами? Ответ очевиден – из-за незнания ответов на эти насущные вопросы, из-за непонимания того, что есть его собственное существование и существование мира? Ответов, которые проясняли бы эти вопросы, мы не знаем до настоящего времени, а мнений столько, сколько и людей. Значит ли это, что ответов объективного характера не существует, и мы будем блуждать впотьмах неведения, как наши предки, а закончится всё смертью, после которой, если верить научному знанию, полное исчезновение самого индивида?

Со времён античной греческой философии до нас дошли слова Парменида: «Знание делится на знание и мнения». Это значит, что объективное знание существует, вопреки разрозненному мнению большин-

ства. Стоит ли нам искать это знание? Ответ даёт нам восточная философия в лице Будды: «Невежество есть величайшее преступление, ибо оно является причиной всех человеческих страданий...». Не определив критерии объективности знаний, за исключением их прикладной результативности, и не определившись с истинностью накопленных философских теорий, якобы объясняющих наше существование, мы имеем ситуацию полного хаоса в жизни, в сознании и в обществе, которую более 2-х тысяч лет назад описал другой греческий философ Пифагор: «Человеческую жизнь можно сравнить с рынком и Олимпийскими играми. На рынке имеются продавцы и покупатели, которые ищут выгоды. На играх участники их заботятся о славе и известности... Только немногие среди шумной толпы не принимают участия в этой погоне, но созерцают и исследуют природу вещей и познание истины любят больше всего».[2] В наше время даже спорт превратился в рынок, где стимулом являются не демонстрация силы и выносливости, а гонорары. Поэтому, оценивая моральное и нравственное содержание современного общества, можно согласиться с высказыванием одного из героев романа Виктора Пелевина «Т»: «Рынок всё человеческое в жизни убил». Современная же философия продолжает носить характер разрозненных и оторванных от буквальной жизни положений и идей, интеллектуально не понятных простому люду, но пытающихся, хоть как-то объяснить и оправдать бессмысленность и обречённость нашего существования.

Современная наука и образование также содержит и определяется характером рыночных отношений – деньги вкладываются только в те исследования, которые принесут максимальную выгоды и обучение тех специалистов, которые будут создавать и обслуживать экономически выгодное научное знание. С очень большим трудом следует называть нашу цивилизацию разумной, так как по факту в погоне за прибылью, а для большинства за ежедневным выживанием, мы последовательно уничтожаем среду своего обитания, в связи, с чем звучат редкие призывы людей от науки одуматься и осмыслить, куда движется человечество. Как высказался профессор Д.И. Дубровский: «Неуклонное углубление экологического кризиса и других глобальных проблем – свидетельство того, что наша потребительская цивилизация идёт в тупик...Главный вопрос в том, как изменить негативные свойства природы человека: неумённое потребление, агрессивность к себе подобным, чрезмерные эгоистические устремления – в них источник наших глобальных проблем».[3] Очевидный факт, что современная философия превратилась в служанку науки, которая, в свою очередь, является служанкой финансовой олигархии.

Разорвать эту последовательность практически невозможно, так как отдельный человек и общество в целом не могут ничего ни изменить, ни повлиять на внешний инерционный ход событий, а решать приходится в ограниченных пределах дозволенных возможностей: финансовых, политических, социальных, моральных, нравственных, познавательных. Человек в этой ситуации способен только остаться сам с собой, если даже на это у него хватит смелости, и только на уровне одиночного субъекта он способен что-то предпринять.

Предпринять что? Тут мы можем вспомнить указание, дошедшее из глубин доисторической античности: «Познай самого себя», которое по-иному звучит, как вопрос: «Кто Я?». Современные направления психологии, медицины, философии, разобравшие человека на подробнейшие составные элементы, не дают однозначного ответа. Количественный рост получаемых знаний не приближает нас к живому пониманию человеком самого себя, а, следовательно, и качественному решению насущных проблем.

Отсюда следует сделать определённый вывод: современные исследования человека движутся в ошибочном направлении, а имеющиеся и получаемые знания носят разрозненный и противоречивый характер мнений, согласно тому же Пармениду. Какой из этой ситуации возможен выход? Только один – начать с начала. С себя. С познания собственной сущностной природы, с последовательного осмысления всего того, что и почему нам жизненно необходимо для существования по-человечески. Изучать себя нужно, не ограничивая собственное мышление рамками научных теорий, концепций и общественно-социальных догм, не отбрасывая необъяснимые факты и явления, которые наука, а правильное сказать – подавляющее большинство людей науки не в состоянии понять и объяснить. Нас с самого рождения постоянно уверяют, что весь прогресс для блага людей, что всё делается для блага человека. В нынешней ситуации, движущейся к гибели при любых предлагаемых вариантах спасения, терять человеку и человечеству нечего, и не нужно быть пророком, чтобы увидеть, что имеющееся и экономическое, и экологическое положение дел не изменится, а в перспективе будет только усугубляться.

Для начала нужно заняться философией, – это значит начать мыслить, думать, рассуждать. В философии мышление как осмысление всей картины мира или проблемы является минимально требуемым условием, чтобы получить достоверное знание в отличие от механически приобретаемого научно-технического знания в школах и университетах. И именно сейчас в обстановке периодически возникающих социально-экономических кризисов происходит последовательное и неумолимое

сокращение гуманитарных дисциплин из системы высшего образования. Гуманитарных – от слова гуманизм, то есть – человечность. Рынок всё человеческое в человеке убивает, потому что человек одновременно слаб и эгоистичен. Припомним «Золотые стихи» ещё одного античного мыслителя Пифагора: «...Когда в мире берёт верх заблуждение над правдой, мудрый отходит и ждёт воцарения истины снова...». Мудрый знает, в чём состоит смысл, значение и содержание Истины, потому и поведение его определено объективным пониманием. В чём состоит знание объективной истины – нам и предстоит понять заново, правильнее – сначала.

Литература:

1. История философии: вызовы XXI века / Ответ. ред. Н.В. Мотрошилова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 368 с.
2. *Шахнович, М.И.* Происхождение философии и атеизм / М.И. Шахнович. – М., 1973. – 248 с.
3. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 352 с.: ил.

КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ

И.Н. Воронович, г. Минск, Беларусь

Понятие культуроцентризма становится достаточно актуальным в современном образовательном процессе. Культура трактуется как условие формирования человека и общественных связей, как традиции и новации, как ценности и нормы, как самоосуществление и самоактуализация личности и т.д. Культуроцентристская направленность способствует распространению новой необходимой для общества XXI века образовательной парадигмы, переориентированной на самого человека. Она синтезирует накопленный опыт и с учетом имеющихся издержек и ошибок объединяет социоцентристскую и антропоцентристскую модели образования.

Социоцентристская модель образования акцентирует внимание на целом, жестком соотношении с социумом, при этом ограничивает индивидуальное разнообразие, что делает человека зависимым от коллектива.

Противоположная позиция, представленная в антропоцентристской образовательной парадигме, ставит во главе воспитания человека как свободного субъекта на всех уровнях, в том числе и власти, что неизбежно способствует развитию утрированного эгоизма и неконтролируемого индивидуализма.

В данном аспекте культуроцентристская образовательная парадигма представляет собой поле преобразования данных от природы задатков и возможностей человека, где «важнейшую роль играет содержание материала, его историко-культурная глубина и духовная универсальность, вращая в которую, человек формирует себя по образу и подобию, не отчуждаясь при этом от собственной модели» [1, с. 324]. Данную парадигму можно рассматривать как образец гуманитарного образования, где культуроцентризм – это целостная методология.

Одновременно культуроцентристскую парадигму невозможно рассматривать вне контекста процессов инкультурации и социализации личности. Образование нельзя сводить к технологиям научения знаниям, умениям, навыкам, а необходимо рассматривать в аспекте историко-культурной актуальности образа личности, которая бы соответствовала происходящим событиям и в то же время обладала некой духовной универсальностью. Поэтому культуроцентристская парадигма предусматривает неразрывную связь самоактуализации личности и культуры, объясняющуюся их взаимообусловленностью на основе детерминаций между актуализацией потребностей и поведением субъекта.

Культуроцентристское образование способствует формированию идеала человека, который представляет собой единство духовного, социального и физического. В процессе образования субъект является формирующейся личностью, а в каком направлении он получает свое развитие, зависит от общественных идеалов, ценностей культуры.

Поэтому современная социокультурная ситуация предполагает ориентацию на развитие концепции «целостной личности», «органичного общества» в их взаимодействии на уровнях природного, социального и духовного. Именно самоактуализация способна обеспечить духовную преэминентность в обществе, стать условием успешного развития человека. Культуроцентристское образование личности является фактором развития интеллектуального потенциала социума, выступает как необходимое условие осуществления человеком гражданских, политических, экономических и культурных прав.

Новое понимание человека как профессионала, саморазвивающегося, самоактуализирующегося индивида требует ликвидации утилитарного, прагматического подхода к обучению, воспитанию и становлению. Парадигма современного образования направлена на актуализацию личности как целостной системы, полагающей синтез нравственных, эстетических, физических и иных качеств и сторон индивида. В этой связи необходимо создание новой модели мышления, основанной на кристаллизации и развитии устойчивой мотивации и потребности в самоактуализации, создании новых подходов в развитии культуры. Та-

кой подход открывает возможность для рассмотрения человека как субъекта вечного обновления.

Видится возможным рассмотрение проблемы самоактуализации как движения человека к личностной зрелости и профессиональному совершенствованию. Предпосылкой к творческой деятельности и над-ситуативной активности является процесс овладения социальными и индивидуальными характеристиками. Формирование и развитие личности в условиях информативно-техногенного пространства актуализирует установку на креативность, мобильность, интегративность знания и целостность мировоззрения как приоритетных качества и свойства человека. Акцент делается на культуроцентристской парадигме образования, целью которой является всестороннее развитие личности и вовлечение человека в мировую и национальную культуру.

Культуроцентристская парадигма образования основывается на принципе «от целого к части», а не на привычном «от простого к сложному». Целостность достигается благодаря обращению к «текстам» гуманитарной культуры, так как сохраняет в себе потенциал для реализации внутриличностных характеристик индивида в контексте собственного национального окружения.

Своеобразным фундаментом культуроцентристской парадигмы является самоактуализации природных задатков, возможностей человека, основанной на историко-культурном пласте и духовной составляющей образования, нравственного наполнения. На основе данной парадигмы видится более эффективно использование потенциала гуманитарного образования в обеспечении культурной преемственности, формировании личности как социально ориентированной и ответственной перед собственной судьбой.

Условием успешной реализации формирующейся образовательной парадигмы является создание устойчивого мотивационного ядра, установки на постоянное совершенствование личности, ее этических, эстетических, физических, гражданско-патриотических качеств. В подобном случае творение самого себя становится внутренней человеческой потребностью. Самоактуализация делает акцент на человеке как целостной фигуре, для которой достижение высших целей Я-концепции тесно связано с профессиональным становлением и самообразованием. Именно поэтому самоактуализация, творчество, активная жизненная позиция и свобода представляют единую цепь в системе формирования и профессионального становления.

Отсутствие жестких критериев личностного развития в культуроцентристской образовательной парадигме способствует непрерывному личностному самосовершенствованию. Именно признание духовно от-

ветственного выбора и духовно мотивированного поступка должно находиться в центре данной модели образования. В результате методика ориентируется на воспитание духовной адаптированности к сложным окружающим условиям, которые не позволяют, человеку раствориться в массе, не потерять свой облик и достоинство.

Таким образом, для построения культуроцентристской парадигмы видится необходимым:

- интеграция гуманитарных и естественных наук на основе методологического взаимодополнения;

- применение идей системности и целостности в рассмотрении личности и общества как сложных и многоуровневых, а также противоречивых систем;

- акцентирование внимания на конкретном индивиде и разработке концепции «целостной личности»;

- формирование новых ориентиров человеческой деятельности, основанных на признании прав, свободы и достоинства, благоприятствующих инновационности, оригинальности, нестандартности и т.д.;

- практическая реализация достижений социально-гуманитарных наук;

- рассмотрение самоактуализации как своеобразного фундамента культуроцентристской парадигмы.

Литература:

1. *Запесоцкий, А.С.* Образование: Философия, культурология, политика / А.С. Запесоцкий. – М.: Наука, 2003. – 456 с.

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ СТАТУС НАУКИ

И.В. Гордеева, г. Екатеринбург, Россия

Менее семидесяти лет назад вниманию общественности была предложена книга П. Тейяра де Шардена «Феномен человека», в которой выдающийся антрополог и философ с энтузиазмом писал о переживаемом человечеством «изменении эры», когда «Земля, дымящая заводами» порождает нечто принципиально новое, уникальное, невиданное ранее в истории [8]. В настоящее время мы с гораздо меньшим пиететом дискутируем о техногенной цивилизации, этапах ее формирования и перспективах дальнейшего развития [4, 6].

Само понятие «техногенная цивилизация», введенное в употребление отечественной философской мыслью, подразумевает доминирующий в настоящее время в мире тип развития, характерными особенностями которого являются инновационность, активное производство и внедрение в технологические процессы новых знаний, стремительные

темпы реорганизации биосферы в интересах человечества и приоритет научной рациональности. В.С. Степин достаточно подробно характеризует систему ценностей техногенной цивилизации, включающую «человека действующего», противостоящего природе и стремящегося к господству над ней, ценность преобразующей и творческой деятельности, а также ценность самого инновационного развития – «прогресса не только во благо человека, но во имя самого прогресса» [7]. Удачным лозунгом техногенной цивилизации можно считать фразу из фильма «Девять дней одного года» – «Мысль не остановить!».

Рефлексия по поводу последствий стремительных темпов научно-технического прогресса уже несколько десятилетий продолжается в отечественной и мировой философии. При этом констатируется аксиологический кризис, поставивший под сомнение традиционные ценностные устои общественной жизни, такие как институт семьи, идеалы Добра и Красоты, право личности на неприкосновенность частной жизни и пр. Е.А. Дергачева отмечает, что современный социум является свидетелем глобальных изменений, нацеленных в перспективе на формирование социотехногенноприродного мира, который направляет человечество «в мир искусственной жизни, не оставляющей шансов для биосферы и даже человека» [3]. В.М. Маслов говорит о постчеловеческом характере высоких технологий, опираясь на идеи трансгуманизма, а Й. Хейзинга утверждает, что наука, «не сдерживаемая более уздой высшего морального принципа, ... служит удушению зачатков жизни» [10].

Каким же образом можно оценить статус науки в современном мире? Однозначный ответ дать невозможно, так как одновременно приходится принимать во внимание диаметрально противоположные тенденции. С одной стороны, приходится констатировать разочарование в идеях научно-технического прогресса, наблюдающееся, в первую очередь, в наиболее высокоразвитых странах. Претензии, предъявляемые к науке, разнообразны: это и уже упоминавшиеся разрушительные последствия научно-технического прогресса и неспособность дать ответы на наиболее важные экзистенциальные вопросы – о смысле человеческой жизни, добре и зле, моральном выборе и пр. Наука в союзе с технологиями смогла сделать жизнь цивилизованного человека более продолжительной и комфортной, но не гарантировала ни безопасности, ни предсказуемости последней. Вопреки доминировавшей в период научного оптимизма идее преобразования мира, существующего в рамках четких и однозначных законов природы, результаты современных исследований в области таких дисциплин, как молекулярная генетика, демонстрируют хрупкость самого человеческого бытия. Научное знание по своей природе сцеплено с технологией, безотносительно от прозор-

ливости и амбиций конкретного исследователя. Таким образом, техногенная цивилизация, в конечном счете, является прямым и закономерным последствием развития науки. В результате возникает своего рода «амальгама» науки и технологий – «технонаука», развивающаяся в соответствии с социальными, политическими, технологическими и экономическими запросами. Для технонауки уже не существует ни этических норм, ни идеалов «бескорыстного служения истине» вплоть до самопожертвования.

В то же время следует отметить, что авторитет мнения ученых в современном мире по-прежнему очень высок. Можно утверждать, что ученые занимают место традиционной интеллигенции, «ибо... вскрывают глубинные пласты человеческой жизни, определяя, кто мы такие, и что собой представляем» [2]. Власть ученых над обществом проявляется и через разнообразные технологии, в том числе компьютерные, медицинские и пр., прочно вошедшие в повседневную жизнь, с одной стороны, и непонятные подавляющему большинству неспециалистов – с другой. Можно констатировать наличие своего рода «наркотической зависимости» населения от научно-технического прогресса, когда, критикуя науку за разработку оружия массового поражения, создание генетически модифицированных организмов и все возрастающую нагрузку на окружающую среду, подавляющее большинство жителей Земли одновременно «требует превращения науки в технику» [1].

Каким представляется будущее науки в обществе в свете всего вышесказанного? Во-первых, повторим, что выйти из технократического дискурса современная наука в принципе не способна по целому ряду социально-экономических причин, требующих отдельного анализа, и, кроме того, общество уже не сможет воспринимать такую «чистую науку» как сферу деятельности, имеющую право на существование. Во-вторых, ожидать, что наука, подобно религии, может быть отделена от государства и образования, как это представлялось П. Фейерабенду [9], также не приходится, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Наука, это не только сфера духовной культуры, но и производство материальных благ, предназначенных для удовлетворения витальных и сопряженных с ними потребностей, имеющих свойство возрастать в современном мире в геометрической прогрессии, и от которых цивилизованное общество в принципе не готово отказаться, «как от кислорода для дыхания». В-третьих, приходится признать, что дальнейшее развитие человечества становится все менее предсказуемым, так как с одной стороны мы имеем дело с такими инновационными идеями, которые показали бы слишком смелыми самым образованным писателям-фантастам прошлого столетия, но с другой стороны, последствия при-

менения этих технологий могут быть все более опасными для самого существования человеческого рода, особенно принимая во внимание наличествующий аксиологический кризис и снижение общего уровня образования у значительной части населения. Э. Дэвис сравнил современную техногенную цивилизацию с мощным космическим кораблем, управляемым Прометеем, принесшим людям свет знаний, но одновременно с находящимся на борту Гермесом, получившим доступ к управлению и способным в любой момент изменить курс и направить всю систему в неизвестность [5].

Литература:

1. *Беляев В.А.* Антропология техногенной цивилизации на перекрестке позиций. М.: ЛКИ, 2007. 416 с.
2. Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / под ред. Дж. Брокмана. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 255 с.
3. *Дергачева Е.А.* Философия техногенного общества. М.: ЛЕНАНД, 2011. 216 с.
4. *Другова Е.А.* Социогуманитарные аспекты инноватики в свете критики техногенной цивилизации // Инновации в науке: Материалы XVI междунар. заоч. научно-практ. конф. Ч.1. Новосибирск: СибАК, 2013. С.56-60.
5. *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
6. *Ильянович Е.Б.* Фундаментальные ценности техногенного цивилизационного развития // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, 2009. Т.22 (61). №1. С.29-38.
7. *Степин В.С.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Изд-во ИФ РАН, 1994. 274 с.
8. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. Вселенская месса. М.: Айрис-пресс, 2002. 352 с.
9. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2010. 378 с.
10. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Изд-во АСТ, 2004. 539 с.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Е.А. Данилова, г. Минск, Беларусь

Глобализация, являясь объективным процессом, оставляет все меньше шансов для сохранения национальных культур разных народов во всем мире. Академик РАН В.С. Степин констатирует: «Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах» [1, с. 262]. Развитие международных связей и информационных технологий все больше размывают границы национальных культур, и вопрос поиска

собственной культурной идентичности в быстро изменяющемся, глобализирующемся мире все острее встает перед белорусским обществом, в частности перед молодым поколением граждан страны.

По результатам исследования¹, самой близкой культурой² для молодежи Беларуси является белорусская (46,6 %), затем русская (27,7 %), славянская (10,5 %) и европейская (9,8 %). Иные культуры в качестве наиболее близких назвали менее 3 % юношей и девушек. Молодые люди, выбравшие в качестве наиболее близкой для себя белорусскую культуру, во втором вопросе предпочли русскую (79,2 %), славянскую (19,3 %) и европейскую (15,0 %) культуры. Представители молодого поколения, для которых русская культура ближе всего, далее выбрали белорусскую (73,6 %), европейскую (25,3 %), славянскую (15,9 %) и др. (менее 7 %). Те, кто предпочел европейскую культуру в первом вопросе, назвали также белорусскую (39,8 %) и русскую (39,8 %), славянскую (24,5 %), а также мировую (27,6 %, что более чем в три раза выше, чем в других группах) и др. (менее 7 %).

Если объединить результаты двух вопросов, то получается, что самыми близкими для молодежи являются белорусская (79,4 %) и русская (74,2 %) культуры. Данная тенденция наблюдается при сравнении схожести и различия белорусской культуры с соседними – русской и польской, а также в целом с европейской: молодежь Беларуси большие различия отмечает с западной, нежели с восточной стороны. Почти две трети молодых людей полностью и скорее не согласны, что существует большая разница между русской и белорусской культурой (аналогичный показатель для польской и белорусской культуры – 37,9 %; для европейской и белорусской – 14,6 %). Примерно столько же (65,6 %)

¹ Опрос проводился ЦСПИ БГУ (Беларусь) в октябре-ноябре 2013 г. на репрезентативной республиканской квотной выборке (n=1000) в рамках проекта «Конструирование идентичности молодых взрослых в постсоциалистических трансформационных обществах: случай Беларуси» Ольденбургского университета (Германия). В качестве котируемых признаков выступали пол, возраст, место жительства респондентов. Квоты по полу и возрасту были рассчитаны в соответствии с половозрастными пропорциями по городскому и сельскому населению возрастной группы 18-30 лет каждой из административных областей и г. Минска на основе данных национальной переписи населения 2009 г.

² Наиболее близкая культура для респондентов замерялась посредством двух полузакрытых вопросов: первый из них – «Какая культура для Вас ближе всего?» (возможен один вариант ответа); второй – «Какая еще культура Вам близка?» (возможно несколько вариантов ответа).

представителей молодого поколения в той или иной степени считают возможным быть одновременно белорусом и русским.

Анализируя результаты исследования, можно отметить, что существуют различия в выборе наиболее близкой культуры в зависимости от вероисповедания девушек и юношей, несмотря на то, что в целом все они наибольшее предпочтение отдают четырем культурам: белорусской, русской, славянской и европейской. Католическая молодежь Беларуси наравне с европейской культурой выбирает польскую (обе по 7,2 %), а не верующие – более ориентированы на европейскую (15,7 %) и мировую (9,0 %) культуры, чем православные и католики.

Региональные особенности также имеют влияние на выбор наиболее близкой культуры. Среди молодых жителей Брестской (54,4 %), Минской (58,7 %) и Могилевской областей (56,3 %) более половины – сторонники белорусской культуры. Примерно одинаковое количество молодых людей, кому близки белорусская и русская культуры – в Витебской и Гомельских областях. 44,7 % молодых людей Гродненщины считают наиболее близкой культурой белорусскую, 29,1 % – русскую, по 8,7 % – польскую и славянскую, 7,8 % – европейскую. Такое значение польской культуре не придают ни в одной другой области страны. Больше всего представителей Гомельской области среди тех, кто выбрал славянскую культуру (21,2 %). Молодые жители сельской местности и малых городов чаще отдают предпочтение белорусской культуре, реже европейской культуре по сравнению с их ровесниками, проживающими в средних (более 50 тыс. жителей) и больших городах и столице. При этом место жительства не влияет на выбор русской культуры (26,5 – 29,1 %).

Исследуя включенность молодежь Беларуси в культурное музыкальное пространство, можно отметить, что юноши и девушки предпочитают музыку России (50,6 %) и Великобритании/США (33,7 %), менее 6 % – Беларуси. При этом, примерно по трети представителей молодого поколения слушают белорусские и русские радиостанции, менее 7 % – западные, 17,3 % – не слушают радио вообще. Тексты песен, которые чаще всего слушает молодежь, написаны в основном на русском (55,3 %) и английском (37,0 %) языках (на белорусском – менее 2 %). Несколько иная картина наблюдается при изучении читательских предпочтений: практически все молодые люди ответили, что читают художественную литературу на русском языке, 41,6 % – на белорусском, менее 10 % – на других. При этом они чаще читают российских (95,1 %), английских/американских (61,5 %) и белорусских (47,2 %) авторов.

Предпочтения русского языка в культурном пространстве связаны, в том числе и с тем, что в качестве родного языка 51,9 % молодых людей назвали русский, 35,0 % – белорусский, 12,5 % – смешанный белорусско-русский язык («трасянка»). Согласно методике опроса, респонденты могли назвать два родных языка. Если суммировать ответы, то получается, что 90,8 % представителей молодежи считают своим родным языком русский, 71,6 % – белорусский, 24,2 % – смешанный.

Если рассматривать влияние русского языка на белорусскую культуру, можно отметить следующее: 22,0 % молодежи полностью не согласны с тем, что белорусская культура обогащается благодаря русскому языку; угрозу исчезновения белорусской культуры из-за русского языка отмечают 22,8 % юношей и девушек. 32,6 % молодых людей полностью согласны, что для сохранения белорусской культуры важно расширять сферы употребления белорусского языка. При этом по 10-ти бальной шкале абсолютно за расширение употребления белорусского языка в повседневной жизни – 16,6 %, а категорически против – 13,9 %. Среди сфер, в которых молодежь хотела бы, чтобы белорусский язык использовался чаще, на первом месте оказались государственное управление и средняя школа (по 49,0 %), далее СМИ (42,3 %). Тем не менее, можно отметить, что когда речь заходит о сферах, непосредственно связанных с самими молодыми людьми, их семьями, окружением (друзья, знакомые), рабочим местом, то эти позиции выбирают менее 8 % из них.

Таким образом, молодежь Беларуси, идентифицируя себя с белорусской и русской культурой, подвержена влиянию современных тенденций глобализации и массовой культуры. Существуют территориальные и конфессиональные особенности при выборе культурной идентичности. В свете современных общемировых и региональных социальных трансформаций следует ожидать нарастания тенденций по усилению позиционирования белорусской культурной идентичности со своими специфическими чертами, сформированными в том числе под воздействием русско- и англоязычных культурных пространств.

Литература:

1. *Степин, В.С.* Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ПРЕДМЕТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Ю.В. Дедолко, г. Минск, Беларусь

Концепция социального капитала, возникнувшая во второй половине двадцатого столетия во французской и англоамериканской социологии, была выдвинута для определения и описания ресурсов социальных отношений между людьми с целью поиска дополнения, необходимого для оптимального функционирования физического и человеческого капиталов. В отечественной науке интерес к проблеме социального капитала представлен в основном представителями социологии (Д.М. Булышко, А.Н. Данилов, Д.Г. Ротман, Е.В. Резанова) и экономической теории (С.Ю. Солодовников, Н.В. Табала, С.А. Сысоев). Эти авторы отмечают отсутствие единой дефиниции обсуждаемого концепта, наличие определенных противоречий между широтой охвата эмпирических явлений и разнобразием методологических подходов. Российский исследователь А.Т. Коньков считает, что активный интерес к феномену социального капитала со стороны различных областей социальных наук связан с тем, что данная концепция позволяет, с одной стороны, осмысливать роль социальных ресурсов экономического взаимодействия, а с другой стороны – применить некоторые принципы экономического подхода к исследованию социального поведения [1].

Хронологически период возникновения и формирования теоретической концепции социального капитала совпал с так называемым антропологическим поворотом в науке и философии, инициировавшим становление постнеклассических методологий как в сфере естественнонаучного знания, так и в социально-гуманитарных дисциплинах. Постнеклассическая наука в целом ориентирована на анализ процессов становления, развития и самоорганизации явлений познаваемой реальности, как природной, так и социальной. В.С. Степин характеризует саморазвивающиеся системы как сложный тип системной организации, в которой системным объектам присуще развитие, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровней организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни, оказывающие обратное воздействие на ранее сложившиеся, способствующее их перекомпоновке, в результате чего система обретает новую целостность. В.С. Степин отмечает, что с появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы, одновременно перестраивается

блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей. К саморазвивающемуся типу систем В.С. Степин относит, кроме биологических объектов, объектов современных нано и биотехнологий, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития [4]. Для постнеклассической науки характерна междисциплинарная ориентация, она значительно расширяет сферу философско-методологической рефлексии, т. к. требует анализа взаимосвязей получаемого знания не только с особенностями средств и операций познавательной деятельности субъекта, но и с ее ценностно-целевыми структурами. Перед современным исследователем стоит задача теоретически реконструировать изучаемый объект в самом широком контексте его связей и воссоздать в науке его целостный и системный образ.

Объектами современных междисциплинарных исследований являются сложные природные и социальные комплексы, в структуру которых входит и сам человек. Изучение природы и функций социального капитала одновременно в рамках традиций современного философского и социогуманитарного познания ведет к расширению рамок теоретического диапазона концепции социального капитала, дифференциации и специализации эмпирических исследований данного феномена, однако не учитывает влияние антропологических факторов. И если социально-философский анализ социального капитала акцентирует внимание на развитии социальных связей, основанных на доверии и сплоченности, а экономический анализ – на материальной выгоде экономических агентов, то в рамках философского осмысления феномена социального капитала актуальным представляется обращение к антропологическому знанию, позволяющее рассмотреть данный феномен с позиции междисциплинарной методологии и исходя из человека как непосредственного производителя и носителя социального капитала.

Сущность социального капитала заключается в его выражении в качестве общественного блага, однако его производителем и носителем является человек, как основной элемент общественной структуры. Не только общество, но и индивид обладает возможностью сделать социальный капитал материальным, и именно исходя из биологического, психологического и социального триединства человека следует отталкиваться при изучении феномена социального капитала. Данные современной антропологии свидетельствуют о том, что антропо- и социогенез в исторической динамике диалектически взаимосвязаны и взаимобусловлены. Эволюционные преобразования, приведшие к появлению современного человека и общества, включали два направления изменений – эволюционные преобразования биологии гоминид и изменения

общественных отношений. Становление современного человека, как представителя одного из биологических видов, произошло в процессе эволюции. Современные этологические и антропологические исследования показывают, что социальная структура также имеет биологические предпосылки [3]. В процессе своей жизнедеятельности биологический, по сути, индивид испытывает на себе значительное влияние со стороны социальных факторов. Однако биологическая конституция человека не запрограммирована жестко и позволяет ему приспосабливаться к самым различным условиям существования, а развитие культуры способствует повышению уровня адаптации человека, его шансов в борьбе за выживание. Эта сложная диалектика биологического и социального в человеке находит свое отражение в современных междисциплинарных философско-антропологических исследованиях. Таким образом, исследование социального капитала целесообразно производить, исходя из предпосылки необходимости учета данных антропологических наук.

Для всестороннего и комплексного исследования феномена социального капитала, исходя из междисциплинарного синтеза социально-гуманитарных и философских наук, учитывая многомерность экономических, социальных, социально-психологических, культурно-антропологических и аксиологических параметров социального капитала особый интерес в рамках антропологии, а точнее социальной антропологии, представляют исследования, направленные на изучение как системы социальных ролей и отношений в их объективно-социологической транскрипции, так и закономерностей и механизмов человеческого поведения и функционирования социальных групп в пространстве культуры с учетом факторов телесности и субъективности, влияние культуры на менталитет через способы обучения, традиции и другие этнические особенности. Именно поэтому освоение и использование междисциплинарных методологий представляется актуальной для проведения исследования феномена социального капитала. А предлагаемая тактика исследования социального капитала, смещение ракурса с социологического и экономического на социально-философский позволит подняться на новый уровень осмысления данной проблемы.

Литература:

1. *Коньков, А.Т.* Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического взаимодействия : автореф. дисс. ... докт. социол. наук : 22.00.03 / А.Т. Коньков ; Москва, 2007. – 39 с. [Электрон. ресурс] – Режим доступа : www.socio.msu.ru/documents/science/theses/.../th.2007-01-23-0.tif – Дата доступа : 05.04.2012.

2. Новиков, В.Т., Новикова, О.В. Социально-гуманитарное познание как предмет философской рефлексии / В.Т. Новиков, О.В. Новикова // Проблемы управления. – 2007. – № 4 (25). – С. 118-129.

3. Современная антропология / Л.И. Тегако, А.И. Зеленков. – Минск : Белорусская наука, 2012. – 264 с.

4. Степин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура / В.С. Степин [и др.]. – СПб. : Издательский дом «Мирь», 2009. – С.249 – 295.

В.С. СТЕПИН О «ПРИНЦИПЕ МИДАСА» В НАУКЕ И ЕЁ ОТЛИЧИИ ОТ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Р.Н. Дождикова, г. Минск, Беларусь

Согласно В.С. Степину, «наука – особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире», это «социальный институт, обеспечивающий функционирование научной познавательной деятельности» [1, 23]. *Два главных отличительных признака науки*, во-первых, «установка на исследование законов преобразования объектов и реализующая эту установку *предметность и объективность научного знания*», во-вторых, *наращивание нового знания*, «выход науки за рамки предметных структур производства и обыденного опыта и изучение объектов относительно независимо от сегодняшних возможностей их производственного освоения» [2, 53]. Таким образом, наука «способна выходить за рамки каждого исторически определенного типа практики и открывать для человечества новые предметные миры, которые могут стать объектами массового практического освоения лишь на будущих этапах развития цивилизации» [1, 23]. Главное качество науки – «постоянно генерировать рост нового знания», «способность к сверхдальному прогнозированию» [См. 1, 24; 3, 9; 4, 19]. В этом смысле характеристику Лейбница математики как науки о возможных мирах «можно отнести к любой фундаментальной науке» [См. 1, 23], ибо наука «открывает новые предметные миры». С двумя основными признаками науки соотносены и скоординированы *две основные установки научного этоса* – «на поиск объективно-истинного знания и на рост этого знания (и соответственно запреты на умышленное искажение истины и на плагиат)», т.е. «самоценность истины и ценность новизны» [См. 5, 81; 2, 50]. Говоря об *объективности и предметности* научного познания, В.С. Степин формулирует так называемый «*принцип Мидаса*»: «Как царь Мидас из известной древней легенды – к чему бы он ни прикасался, всё обращалось в золото, – так и наука, к чему бы она ни прикоснулась, – все для неё предмет, который живет, функционирует и развивается по объективным законам» [2, 41]. Например, в качестве предмета научного исследования

могут выступать «фрагменты природы, социальные подсистемы и общество в целом, состояния человеческого сознания», человек как субъект деятельности и в качестве особого объекта, а также обыденное познание [См. 1, 23]. В соответствии с тремя критериями (по типу системной организации исследуемых объектов, специфическому пониманию идеалов и норм исследования и философским основаниям) В.С. Степин выделяет *3 типа научной рациональности*: классический, неклассический, постнеклассический. В техногенной цивилизации *научная рациональность выступает «доминантой»* в системе человеческого знания, оказывает активное воздействие на все другие его формы, в том числе, разумеется, на обыденное познание. Согласно В.С. Степину, наука отличается от обыденного познания *по предмету, средствам, продукту и субъекту познавательной деятельности* [См. 2, 45-53]. Например, «системность и обоснованность научного знания» отличает его от продуктов обыденной познавательной деятельности и «занятия наукой требуют особой подготовки познающего субъекта», в то время как для обыденного познания такой специальной подготовки не нужно, ибо она осуществляется в процессе социализации индивида [См. 2, 48-50]. Важно помнить, что «зародышевые формы научного познания возникли в недрах и на основе ... обыденного познания, а затем отпочковались от него», и «с развитием науки и превращением ее в одну из важнейших ценностей цивилизации ее способ мышления начинает оказывать все более активное воздействие на обыденное сознание» [2, 45]. С одной стороны, происходит «инкорпорация в культуру научного знания» (кибернетики, генетики), а с другой – «интернализация культурного содержания в науку». У культуры есть свой язык (универсалии культуры), свой «текст», который нуждается в адекватном прочтении и интерпретации. «При этом конгениальность исследователя проявляется не только в проникновении в замысел автора (философа, ученого, исторического деятеля), но и в умении открыть дополнительные смыслы и возможные перспективы развития теории и истории в контексте тех изменений, которые происходят в психологии, образе жизни и культуре» [6, 27]. Ключевым открытием в философии науки стало открытие В.С. Степиным «*процедуры конструктивного обоснования*», согласно которой формирование концептуальной структуры новой теории является результатом взаимодействия математического аппарата, теоретической схемы и опыта. Согласно В.С. Степину, идею конструктивности можно представить «в качестве методологического правила, которое указывает пути построения адекватной интерпретации математического аппарата теории» [См. 4, 282-283; 2, 343].

Литература:

1. *Степин, В.С.* Наука / В.С. Степин // Новая философская энциклопедия: В 4т. – М., 2001. – Т. 3.
2. *Степин, В.С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М., 2003.
3. *Степин, В.С.* Введение. Возрастание роли методологии в современной науке / В.С. Степин // Природа научного познания: Логико-методологический аспект. – Минск, 1979.
4. *Степин, В.С.* Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики) / В.С. Степин. – Минск, 1976.
5. *Степин, В.С.* Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности / В.С. Степин // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVI. № 2.
6. *Дождикова, Р.Н.* Конгенитальность в философии и культуре / Р.Н. Дождикова // Философы XX века: Вячеслав Степин: Материалы Республиканских чтений-10, г. Минск, 18 ноября 2004 г. – Минск, 2005.

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А.И. Доманская, г. Минск, Беларусь

В исследовательском предметном поле социальной философии существует несколько важнейших категорий, содержательная интерпретация которых является на сегодняшний день объектом пристального внимания исследователей. Одной из таких категорий выступает понятие *действия* в своем самом широком смысле: как единица поведения человека, как способ его активного присутствия в мире. Необходимо отметить, что исследование концепций человеческого действия в западной философии позволяет выявить две отчетливые тенденции, обусловленные различиями в исследовательских подходах. Предлагается обозначить их как социально-ориентированный и индивидуально-ориентированный подходы.

Социально-ориентированный подход философского осмысления действия берет свое начало в работах Томаса Гоббса (философской трилогии и «Вопросах о свободе, необходимости и случае» 1656г.) и Г.Ф.В. Гегеля («Феноменологии духа» 1807г. и «Основания философии права» 1821г.) закладываются основания социально-философского рассмотрения человеческого действия с обязательным учетом его социального контекста и факторов культурного, религиозного, политического и других видов институционального влияния. Выявляя основные положения этого направления философии действия, получившего развитие в трудах континентальных философов и социологов, таких как Карл Маркс, Макс Вебер, Толкотт Парсонс, Мишель Фуко и Пьер Бурдьё,

отметим, что в рамках данного подхода человек предстает в первую очередь как социальный субъект, способный активно, деятельно участвовать в жизни сообщества, реализуя определенные социальные *практики*. Правила социального поведения и взаимодействия с другими членами сообщества интериоризируются индивидом в процессе социализации и социальной адаптации, и благодаря этому поведение каждого отдельного человека приводится в соответствие с нормами и требованиями сообщества, которые предписывают ему определенные действия, а на другие накладывают ограничения. Благодаря этому действия людей становятся социально понятными, предсказуемыми, а люди как социальные агенты своими действиями, приведенными в соответствие с внешними требованиями, поддерживают не только эффективное функционирование различных социальных полей (по П.Бурдьё), но и обеспечивают возможность существования социальных институтов как устойчивых образований и влиятельных регулирующих факторов общественной жизни. Рассмотрим также индивидуально-ориентированный подход в философии действия. В основных англо- и германоязычных философских словарях и энциклопедиях сегодня можно найти статьи «действие» (action, Handlung) и «философия действия» (action theory, philosophy of action, Handlungstheorie). Отметим, что термина, аналогичного русскому понятию «деятельность» в этих языках нет, самыми близким по смыслу будет понятия «практики» или «поведения».

Можно выделить следующих мыслителей, чьи работы признаются основными в данной области философского знания: Дональд Дэвидсон (работа *Actions, Reasons, and Causes*, 1963), Элизабет Энском (работа *Intention*, 1957), Джордж фон Райт (работа http://de.wikipedia.org/wiki/Georg_Henrik_von_Wright *Norm and Action*, 1963), Элвин Голдман (работа *A Theory of Human Action*, 1970), Дженнифер Хорнсби (работа *Actions* 1980), Джонатан Беннетт (работа *Events and Their Names* 1988) и другие.

В концепциях авторов, представляющих индивидуально-ориентированный подход, осуществляется более тонкое и многоуровневое структурирование действия, нежели в работах представителей социально-ориентированного подхода. На передний план выходит проблематизация и анализ внесоциальных и внерациональных составляющих действия как элементарного поведенческого акта человека. Важными понятиями философии действия на сегодняшний день являются понятия *интенции, диспозиции, рационализации, мотивации, дисциплины, телесности, дискурсивности* и т.п.

Рассмотрим проблему роли и места рациональной составляющей в структуре действия в концептуальной рамке современных теорий фило-

софии действия поствитгенштейнианцев Дональда Дэвидсона и Элвина Голдмана. Вне рациональная составляющая действия оставляется за рамками рассмотрения, при отчетливом осознании всей значимости данной проблематики.

В самом широком смысле рациональность принято сегодня определять как *разумность* или *осмысленность* (от лат. *ratio* – разум). В этом значении понятия рациональность является качественной характеристикой сознания и поведения человека, непосредственно зависящей от физического, психического и социального состояния человека. Рациональность как принцип человеческой разумности, зависящий от многих факторов, таких как гендер, телесность, социальный статус, творческие и познавательные способности и т.п., широко используется в современной философии действия.

В более узком смысле рациональность понимается как характеристика знаний и практик, отчужденных от их субъекта. При этом оценка производится внешним наблюдателем на предмет соответствия знаний и действий некоторым эксплицитным эпистемологическим и этическим принципам, таким как эффективность, объективность, последовательность и непротиворечивость, подконтрольность, правилосообразность и т.п. В этом смысле рациональность функционирует в западной цивилизации последних столетий как одна из ценностей культуры, выступая в качестве нормативного критерия. При оценке знаний и действий на предмет соответствия критериям рациональности, они могут быть оценены как рациональные в разной степени, т.е. как соответствующие этим критериям в большей или меньшей степени.

Как определить рациональность в составе действия: как структурный элемент или как интегральную характеристику действия? Представляется, что в социально-ориентированном подходе философского осмысления действия рациональность рассматривается как интегральная характеристика действия, в то время как в индивидуально-ориентированном подходе как характеристика соотношения между элементами действия.

Так, к примеру, Элвин Голдман считает, что структуру любого действия можно отразить в многоуровневой диаграмме, не утверждая, что «поставить мат» и «вызвать сердечный приступ друга» – это одно и то же действие, но рассматривая их как разные уровни системы «дерева действия». В основании любого конкретного действия будет находиться т.н. *базовый физический акт* или же намеренное воздержание от него. А все последствия этого *базового акта* образуют более высокие уровни этого же действия, находящиеся между собой в отношениях разного типа.

Детальное рассмотрение структуры действия и выявление разных типов отношений между различными ее уровнями позволяет увидеть, во-первых, какие именно уровни действия связаны с субъективными намерениями человека, его персональными диспозициями, навыками и качествами. Это позволяет анализировать на предмет рациональности мотивы субъекта, его представления о мире, его ценностные установки и принципы поведения. Подобная схематизация позволяет отличить аспекты действия, которые определяются внешними факторами влияния: ситуацией действия, временем действия, физическими и социальными возможностями агента, правилами игры, социальными конвенциями, господствующим дискурсом, отношениями власти и т.п. Эти элементы не имеют отношения к рациональности действия, так как они являются внешними по отношению к агенту.

Социально- и индивидуально-ориентированные концепции действия дополняют друг друга, позволяя, с одной стороны, проводить детальный анализ структуры индивидуального действия с учетом характеристик субъекта действия, с другой стороны, позволяют локализовать рациональность порой в неожиданных, внешних по отношению к субъекту элементах действия, а также в структуре диспозиций и интенций, которые традиционно связываются с внерациональной областью. Представляется, что подобный анализ действий на предмет их рациональной составляющей обретает принципиальную значимость в ситуациях социально-девиантного, криминального, героического поведения, в маркетинговых исследованиях экономического поведения, при анализе поведения носителей иных культур, различных религиозных традиций и учений и т.д. Социальная философия, развивая теорию действия и теорию рациональности, способна систематизировать достижения родственных ей социально-гуманитарных дисциплин и существенно дополнить понимание человеческого действия как социально-антропологического феномена.

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ МОНГОЛИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Дурзээгийн Цэцэгмаа, г. Улан-Батор, Монголия

Во все более глобализующемся мире социальные трансформации, которые не обошли стороной и Монголию, становятся обыденным явлением. Изменения, произошедшие в социальной жизни Монголии, за последние четверть века связаны с политическими реформами, осуществленными в стране после демократической революции одна тысяча девятьсот девяностого года.

До девяностого года XX века в Монголии сохранялись традиционная культура, традиционные социальные отношения, ценности, т.к. достижения техногенной цивилизации, пришедшие в Монголию в начале XX века, не привели к изменению основной деятельности монголов-кочевого скотоводства. С сохранением традиционной деятельности сохранялись и традиционный уклад жизни и традиционные социальные отношения.

В 1992-ом году была принята новая Конституция, которая декларировала цель развития монгольского общества, как строительство гуманного демократического общества. Политические реформы были осуществлены в соответствии с выдвинутой целью. Что же касается остальных сфер общества, таких как экономика и другие сферы, то старые структуры распались, но процесс замены их новыми растянулись во времени, следствием чего стала потеря населением страны традиционных жизненных ориентиров наряду с нечеткостью новых ценностей жизни.

Процесс миграции сельского населения в город, удерживающийся административными мерами до 1990-го года, с провозглашением демократических свобод, куда органично вплетается вопрос о свободе выбора места жительства, стал осуществляться интенсивно, в результате переход нашего общества к техногенному стал действительностью.

На процесс перехода монгольского общества к техногенной цивилизации наложились социальные трансформации мирового сообщества, что приводило к углублению противоречий переходного периода. В обществе закладываются основы положительных перемен, но в связи с укоренелостью социалистических ценностей в сознании как руководящей элиты, так и масс, процесс установления культуры новой цивилизации затягивается.

Литература:

1. *Степин В.С.* Культура и цивилизация.
2. Статистические данные г. Улаанбаатар.

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ГОСПОДСТВО В МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

А.И. Екадумов, г. Минск, Беларусь

Становление глобальной техногенной цивилизации сопровождается усилением роли субполитической власти, определяемой технологиями и развитием интеллектуальной среды. Субполитическая, инструментально-технологическая власть оказывает существенное влияние на политические процессы, воздействуя на трансформацию практик повсе-

дневности и технических возможностей социума. Однако сама она реализуется, по преимуществу, вне сферы публичной политики, в области высоких технологий, экономики и экологии. Глобализация и медиатизация характеризуются усилением влияния субполитики на функционирование политических институтов. Особая роль в этом процессе принадлежит распространению научной рациональности, развитию науки как социального института, определяющего динамику техногенного общества.

В эпоху Третьей цивилизационной волны теоретическая наука становится главным источником субполитической власти. Она задает пределы воспроизводству политических институтов, вынужденных реагировать на научно-технические инновации. Особо актуально влияние науки на селекцию социальных практик для модернизирующихся обществ, в которых представлены влиятельные группы с выраженными консервативными ориентациями.

В обществах, где наука становится ведущим социальными институтом, легитимация социального порядка не может опираться на завершенное онтологическое обоснование, устойчивую религиозную картину мира и самоочевидные, не подвергаемые рациональной критике повседневные представления, соответствующие традиционному поведению. Научное познание инициирует развитие открытых, незавершенных мировоззренческих моделей, создает их избыток, нехарактерный для традиционной культуры. Эта мировоззренческая трансформация, предполагающая осознание ограниченности и неполноты современных представлений, возможность их пересмотра и обновления предвосхищается уже в трудах Ф. Бэкона.

В домодерной обществе стабильность институтов обеспечивается безальтернативностью господствующего мировоззрения. Традиционные представления составляют мировоззренческие основания социального господства. В посттрадиционном обществе наука, производя новое знание, инициирует трансформацию онтологических представлений и проблематизирует легитимацию власти, оправдывающей себя ссылками на самоочевидный и неизменный миропорядок. Распространение научной рациональности способствует кризису традиционных форм господства, даже если оно было спровоцировано попытками вынужденной, частичной модернизации ради защиты традиционных институтов, обеспечения традиционалистских элит ресурсами субполитической власти.

Технологические преимущества, создаваемые наукой, сочетаются с трансформацией мировоззрения, в том числе позиционируемого как традиционное. Критическая рациональность, конкуренция теорий и научных школ, а также трансформация общенаучной картины мира в про-

цессе научных революций подрывают устойчивость онтологических представлений, и, тем самым, традиционную легитимность власти. В условиях нестабильности онтологического алиби альтернативой представлениям о неизменном, божественном миропорядке, как мировоззренческому основанию господства, выступает договорная легитимность на основании политического консенсуса. Договорная легитимация господства в посттрадиционном обществе позволяет минимизировать издержки незавершенности онтологии и сосуществования различных мировоззренческих концепций, поскольку социальный порядок выступает как целенаправленно конструируемый на основании осознанных, агрегированных интересов. Онтологические представления в этом случае выступают мировоззренческим контекстом политических решений, техническими условиями, подлежащими учету, но не имеющими фатальной силы проведения и воли высших сил, как в случае онтологического алиби традиционного порядка.

Наука не просто создает новые инструментальные возможности для наращивании субполитической власти, но, в процессе своего институционального воспроизводства, выступает фактором распространения властных практик, более соответствующих модели открытого общества, нежели традиционного. Попытки формирования социокультурных гибридов, призванных сочетать научно-техническую эффективность с традиционными практиками господства провоцируют в модернизирующихся обществах кризис легитимности традиционных институтов и представлений независимо от усилий традиционалистских элит. Стратегии избирательной модернизации, предполагающие целенаправленную, ограниченную прививку научно-технической рациональности к традиционным практикам господства, чреватые либо постепенной трансформацией социальных институтов в сторону либерально-демократической политической модели, как наиболее благоприятной для развития науки, либо каргоизацией, ограничением и подавлением научной рациональности, низким развитием научно-технического потенциала и периферийным положением общества в глобальной системе субполитической, научно-технической власти.

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ А.А. Жарикова, О.Н. Жарикова, г. Минск, Беларусь

В последние годы в исследованиях зарубежных ученых все чаще используется термин «общество знания». Насколько это оправдано в современных условиях и как соотносится с концепцией информационного общества.

Всесторонний анализ трансформаций современной эпохи и концептуальный анализ теорий современного общества осуществлен такими зарубежными авторами как Д. Белл, Э. Тоффлер, Е. Масуда, М. Кастельс, П. Дракер, Р. Райх, Н. Штер и др. В числе российских исследователей – В.Л. Иноземцев, А.И. Ракитов, В.С. Степин и др. В отечественной научной мысли отдельные аспекты данной проблематики рассматриваются учеными А.А. Лазаревичем [1], С.В. Лапиной [2].

Концепция «общества знания» появилась немного позже, чем теория постиндустриального и информационного общества – на рубеже 60-х – 70-х годов XX ст., примерно в то же время, что и «обучающихся обществ» и образования для всех на протяжении всей жизни. Ее авторы – П. Дракер, Р. Райх, Н. Штер и др. Это – более высокая ступень информационного общества, так как ее появление стало возможно также с развитием высоких технологий. Но здесь главный акцент сделан на отличии информации от знания. Информация становится знанием в результате переработки ее конкретным человеком, через осмысление, понимание, оценивание и применение. Добавим к этому, что знание характеризуется также ценностным компонентом. В современном мире конкурируют идеи, интеллект, поэтому необходимо умение креативно мыслить и действовать, обладать высокой общей и профессиональной культурой, создавать и уметь воплощать идеи, проекты, проявлять инициативу. В обществе знания акцент делается на особом значении научных знаний, на инновационность. Знание предполагает активное участие в наращивании всех ресурсов общества. Информация, таким образом, предстает только как потенция знания.

В связи с этим полагаем, что предложенная известным российским философом, профессором В.С. Степиным теория философско-антропологических предпосылок анализа общества и концепция технологической цивилизации являются наиболее адекватным теоретическим инструментарием анализа общества знания и проблем мутации ценностей культуры в данном обществе. В.С. Степин выделяет культуру в качестве «особой подсистемы общественной жизни, обеспечивающей воспроизводство и развитие человеческой социальности» [3,с.11]. Культура несет в себе нечто, что может быть обозначено как «социокод». По аналогии с генетическим кодом культура обеспечивает сохранение и передачу программ человеческого общения, поведения и деятельности. То, что происходит в культуре, не только закрепляет и передает структуры общения и поведения, но и отвечает за возникновение принципиально новых элементов социокода. Культура служит не только средой коммуникаций. В ней заложены механизмы сохранения и передачи следующим поколениям исторически накопленного опыта. Она содержит также ме-

ханизмы возникновения новых форм знания и опыта с последующим их включением в свое содержание и формирование социокультурных кодов.

Данная концепция базируется на вполне определенных антропологических основаниях, в соответствии с которыми общество должно рассматриваться в единстве своих субстанциональных и культурно-когнитивных характеристик (модели поведения, способы сохранения и передачи накопленной информации и опыта, коммуникации и т.д.). Культура интерпретируется через набор базовых ценностей, которые внутренне динамичны. Это позволяет понять, что их значимость на разных исторических этапах развития общества неодинакова, и некоторые из них, находящиеся в потенции сегодня, могут стать базовыми завтра. Происходит своеобразная ценностная динамика в обществе знания: остаемся в техногенной цивилизации, но меняются ее ценностные основания – расширяется их горизонт за счет ценностей незападных народов. Чем больше влияние глобализационных процессов, тем сильнее стремление национальных культур к сохранению самобытности – «этнический парадокс современности». И, в данном случае, белорусская культура, выросшая в условиях полиэтничности, развивавшаяся в активном поле взаимовлияний различных культур, может стать примером ведения социокультурного диалога в условиях глобализации.

Последствия мощного развития проблематики информационного общества и его более высокой ступени – общества знания – имеют серьезное значение для определения политики в отношении научных исследований, образования и новаций. Как минимум, ряд государств серьезно восприняли это переход к новой социальной и технологической парадигме. Сегодня понятие общества знания стало предметом размышлений не только для наиболее развитых стран, но и для многих развивающихся в различных частях мира.

Белорусское общество не стоит в стороне от тех тенденций, которыми сегодня живет весь развитый мир. Руководством страны подчеркнута необходимость ускоренной информатизации общества, построения экономики знаний, развития он-лайн образования. Мы переживаем очень важный с исторической точки зрения переходный период, когда кардинальные перемены не ограничиваются каким-то одним регионом земного шара, а происходят повсеместно. И сегодня нашему обществу нужны серьезные теоретические разработки наиболее перспективных путей его развития, выход на новые, инновационные модели развития науки и образования, связанные с развитием современных технологий. Это активное использование в учебной деятельности мультимедийных презентаций, Интернет-конференций, скайп-конференций, вебинаров.

Вместе с тем, необходим более серьезный подход к формированию у студентов профессиональных, социальных и личностных компетенций, чтобы избежать «информационного шума», сформировать навыки самообразования, критического мышления, коммуникативные качества, ответственность.

Только таким образом, учитывая мировые тенденции и опираясь на собственные силы, общество сможет успешно развиваться и дать адекватный ответ на вызовы «общества знания».

Литература:

1. Грядущее информационное общество / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии; А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2006. – 392 с.
2. *Лапина, С.В.* Ответ гуманистики на новые вызовы «общества знания» / С.В. Лапина // Университетское образование: опыт тысячелетия, проблемы, перспективы развития : тезисы докладов II Междунар. конгресса, 14–16 мая 2008 г. : в 2 т. / [редкол.: Р.С. Пионова и др.] – Т. 1. – Минск : МГЛУ, 2008. – 255 с.
3. Философия и история философии. Актуальные проблемы : к 90-летию Т.И. Ойзермана : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии – Москва : Канон+, 2004. – 575 с.

АНОМАЛИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.

С.Т. Кавецкий, г. Брест, Беларусь

Актуальность комплексного научного осмысления общественных аномалий обуславливается их общим макросоциальным характером, что вызвано особым, специфическим типом взаимодействия личности и общества в изменяющихся конкретно-исторических социальных условиях и заключает в себе социологические, психологические, правовые и культурные аспекты и социально-философские обобщения.

На протяжении всего периода развития социологии, ее исследователи обращались к проблемам общественного развития. Социологический анализ во всех сферах социума, а именно: в экономической, социально – политической, социокультурной выявляет аномалии. Их место, в функционировании какой – либо общественной системы, важно не только само по себе, но и как средство для более глубокого основательного понимания ее нормального состояния. По Дюркгейму, «нормальное состояние общества должно характеризоваться развитым экономическим планированием и нормативной регуляцией трудовых отношений, осуществляемой производственными корпорациями. В данном случае он отождествлял нормальное с оптимальным, наилучшим» [1].

Анализируя аномальные формы развития общества, Э. Дюркгейм сделал вывод, что таким моделям присуще состояние аномии. Он определил ее феномен в первую очередь, как отсутствие моральной регуляции поведения индивидов в определенных социальных условиях. Таким образом, французский социолог выявил основу теории социальной аномии, дальнейшая разработка которой продолжалась в XX и в начале XXI веков. При этом подчеркнем, что задолго до появления в научном обиходе термина «аномия», сам феномен аномальных общественных, индивидуальных и коллективных состояний многие столетия находился в зоне пристального внимания самых разноплановых философских школ и направлений. По мере его исследования в философских науках ставились и по-разному решались такие проблемы, как дуализм души и тела, онтологические основания добра и зла, сущность свободы, противоречия общественной психологии и идеологии, источник деструктивных начал человеческой индивидуальности, общественный идеал, диалектика классовых и общечеловеческих ценностей, отчуждение и многие другие.

«Классическая» трактовка Э. Дюркгейм выявила основу теории социальной аномии, Р. Мертон наиболее обстоятельно развил ее, через призму нефункциональности и даже дисфункциональности институтов общества. Р. Мертон выделяет пять идеально – типических реакций на аномию, которые характеризуют соотношение между целями и средствами как фазами социальной структуры: «конформность», «инновация», «ритуализм», «ретритизм», «мятеж».

Социум в настоящем своём качестве также ориентирован на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому другому обществу, основанному на рыночных механизмах. Это делает возможным, в определённой мере, применение к анализу всего происходящего в постсоветском социуме, в том числе и белорусском, мертоновской аналитической схемы.

Вслед за Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном многие ученые стремились разработать методологическую основу изучения нравственных, психологических и иных состояний отдельных индивидов и их сообществ, вынужденных пребывать в социуме с высокой степенью аномии (Т. Парсонс, Э. Фромм, Р. Дарендорфф и др.).

В настоящее время социологические подходы к исследованию аномии свидетельствуют об усложнении ее содержания. «В новейшее время ученые, учитывая этот факт, пошли по пути анализа интерференции аномии на другие социальные и культурные реалии, о чем свидетельствуют материалы XVII Всемирного социологического конгресса. На нем были представлены 11 докладов, посвященных данной проблематике, и

ни в одном не рассматривалась собственно аномия – все выступавшие так или иначе анализировали ее в сложных взаимоотношениях с другими социальными явлениями, отмечая при этом широкий спектр девиаций»[3].

Среди аномальных явлений постсоветского постсоциалистического общества особое место занимает концепция социо-культурной травмы.

Социально-культурная травма – внезапный, трансформационный, непредвиденный процесс в обществе при определенных исторических условиях. Возможности травмы проявляются, когда возникает дезорганизация, несогласованность, в результате чего деформируются ключевые компоненты культуры – ценности, верования, нормы общества [2].

Так, Президент Социологической международной Ассоциации с 2002 по 2006 годы П. Штомпка ведёт речь, в частности, «о концепции социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований [5]. Травматическая ситуация возникает из состояния напряжения, связанного с конкретными социальными изменениями.

Если рассматривать составляющие социо-травматической ситуации в Беларуси, то они в разной степени охватывают все стороны общественной жизни. Глубокий анализ социально-экономической ситуации в Беларуси с позиции «культурной травмы», сделанный профессором Г.Н. Соколовой, позволил ей сделать вывод, «что возможны три типа социальных травматических симптомов» [3]. Во-первых, это демографический уровень. С середины 90-х годов XX века в Республике Беларусь происходит ухудшение демографической ситуации. Во-вторых, травма деформирует социальную структуру. Третье проявление травмы – в области культуры.

Совладание с культурной травмой – процесс непростой. Есть разные стратегии ее нейтрализации, модели активной адаптации к ней. В этой ситуации важно прислушаться к мыслям Г.Н. Соколовой о том, «что эволюционные изменения в белорусском обществе стабилизируют травматическую ситуацию, но не создают достаточных «вызовов» для адекватных «ответов» со стороны населения» [3].

Комплексный анализ современных аномических явлений проводит Ж.Т. Тощенко. Он трактует аномические явления через призму сложного общественного сознания, включая метаморфозы на разных уровнях: парадоксы, мифы, фантомы, парадоксальность, инновации, кентавры и т.д. Отметим, что «кентавризмы» охватывают широкий спектр процессов. В нашей стране – это отношение к модулю «экономика», который включает экономику и социологию. Данный экзамен проходит в выс-

шей школе на 1 курсе, экзамены сдаются в одной аудитории в один день, приоритет оценки за экономистами.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что аномия, квинтэссенцией которой является безнормие, сама стала нормой современной жизни.

Феномен анализируемых аномалий: отчуждение, социо-культурная травма, «парадоксальность», «имитация», «кентавризм» и т.д. в большей или меньшей мере являются производными от процесса аномии. Степень аномичности постсоветских государств, в том числе Беларуси, является высокой и охватывает все сферы общественной жизни.

Литература:

1. *Елсуков, А.Н.* История социологии / Под общ. ред. А.Н.Елсукова и др. – Минск, «Вышэйшая школа», 1993. – 319с.
2. Аномия: истоки и современность: / С.Т. Кавецкий; – Брест.: Изд-во БрГУ имени А.С.Пушкина, 2010.-200с.
3. *Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: контуры концепции./ Кравченко С.А. // Социс.-2014. – №8 – С.3-7.
4. *Соколова Г.Н.* Социально – экономическая ситуация в Беларуси с позиции «культурной травмы»./ Г.Н.Соколова // Социс – 2013. – № 5 – С.33-35
5. *Штомпка, П.* 4, Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социс. – 2001. – №2 – С.3-12.

КВАЗИПАНЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О.В. Кобяк, г. Минск, Беларусь

Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью расширения арсенала современных социологических методов, позволяющих быстро и недорого получать приемлемые по уровню достоверности результаты анализа социальной реальности в проблемных областях. Если решение фундаментальных вопросов социологической науки допускает и даже предполагает проведение длительных и скрупулёзных исследований, то в прикладной науке, ориентированной на помощь в решении насущных задач в области социального управления, слишком долгая процедура исследования может настолько снизить ценность полученного, пусть даже очень качественного, результата, что он в итоге не оправдает затраченные на него средства. Разрешение этой проблемной ситуации лежит в плоскости разработки таких методов социологического моделирования, при которых фактор времени превращается из внешнего постоянного условия объективной социальной реальности во внутреннюю переменную величину социологической модели.

Методологическими основаниями квазипанельного* моделирования являются разработки В.С. Степина и А.Н. Елсукова, созданные в их «творческой лаборатории» методов научного познания. Излагая особенности метода мысленного эксперимента, названные ученые в частности говорили о том, что «этот метод характеризуется как мысленный процесс, в котором проигрывается план будущего реального эксперимента» [1]. Квазипанельное моделирование представляет собой именно мысленный процесс, в котором проигрывается план возможных будущих переходов социальных субъектов из одних состояний в другие на основе анализа сегодняшнего состояния социальной структуры и актуальных характеристик субъектов. Работая над проблематикой аналогии и моделирования, В.С. Степин и А.Н. Елсуков указывали на то, что «использование моделирования в научном познании диктуется необходимостью раскрыть такие стороны объектов, которые либо невозможно постигнуть путем непосредственного изучения, либо невыгодно изучать их таким образом из чисто экономических соображений» [2]. Квазипанельное моделирование является допустимой альтернативой панельным исследованиям [3] как раз в ситуации невыгодности или невозможности их применения.

Основной принцип квазипанельного моделирования – это мысленный перенос текущих состояний и характеристик одних групп на ожидаемое будущее состояние других групп, которые с течением времени могут достигнуть нынешнего положения первых. Производным от основного принципа квазипанельного моделирования является принцип «социального слайдера». Это такой подход, при котором мы мысленно моделируем «ленту времени» и эту ленту можно «прокручивать» в обе стороны, наблюдая изменения показателей, характеризующих состояние выделенных групп. При этом набор независимых (в реальности) характеристик, каждая из которых «привязана» к своей группе, рассматривается в формате их возможной эволюционной цепочки. Применение метода квазипанельного социологического моделирования оправдано в случае общественной стабильности, когда постоянство социальных факторов позволяет пролонгировать условия жизнедеятельности рассматриваемых групп на отдаленную перспективу. В экстремальных ситуациях (войны, катаклизмы) и в случае общественных трансформаций (например, перестройка в СССР во второй половине 1980-х гг.) квазипанельная модель существенно утрачивает свой прогнозный потенциал. Техническим условием использования данного метода является сво-

* Квази- – от лат. quasi – якобы, как будто.

бодный доступ аналитика к электронной базе социологических данных и достаточная квалификация специалиста(ов) для корректного выделения подвыборок по ключевым основаниям.

Построение квазипанельной социологической модели включает в себя несколько аналитических процедур. Прежде всего, необходимо выделить группы по существенным основаниям. Социальные показатели, характеризующие выделенные группы, удобно располагать в таблице в том же порядке, как могло бы меняться их значение при переходе от одной панели к другой в случае организации действительного панельного исследования. Для обозначения типичного представителя каждой из выделенных групп мы используем понятие «социальный субъект». Моделируя состояние сознания субъекта, мы используем *принцип интрополяции*, когда совокупные характеристики группы «уделяются» типичному представителю этой группы, переносятся на уровень его индивидуального сознания. Распределения в ответах всех представителей той или иной группы задают теоретически возможные вариативные рамки в мышлении и поведении социального субъекта как идеального типа – сконструированного носителя всей совокупности качеств и свойств реальных индивидуальных представителей, составляющих каждую из выделенных групп.

Следующая аналитическая процедура связана с оценкой мотивационного баланса в сознании субъектов по отношению к изучаемым объектам социальной реальности, с которыми оперируют субъекты. Под *мотивационным балансом* мы понимаем динамическое соотношение основных структурных компонентов в сознании социальных субъектов. К этим структурным компонентам мы относим: интересы, культуру, стереотипы, эмоции [4]. Мы говорим именно о *динамическом* соотношении компонентов, поскольку их роль в формировании определенного образа мышления субъектов и направленности их поведения может существенно отличаться на «ленте времени». Так, например, безусловное доминирование интересов обуславливает реализацию субъектом целерационального, в терминологии Макса Вебера [5], типа социального действия. Актуализация ценностно-нормативного содержания, которое мы объединяем понятием «культура», порождает в сознании субъекта мотивацию к ценностно-рациональному типу. Преобладание стереотипов – детерминирует традиционный тип. Доминирование эмоций – ведет к аффективному типу социального действия. Аналогичные названия мы используем и для определения различных типов отношения социальных субъектов к объекту(ам) рассмотрения.

В заключение отметим, что метод квазипанельного социологического моделирования может применяться для оценки предпосылок и

последствий переходов субъектов по ступенькам социальной стратификации в различных сферах. Это может быть, например, сравнительный анализ трудового поведения субъектов в зависимости от уровня их квалификации или – экономического поведения в зависимости от уровня образования, или – потребительского поведения в зависимости от размера получаемых доходов. Этим же методом можно пользоваться, если нужно предварительно и в сжатые сроки изучить основные факторы, влияющие на формирование и видоизменение репродуктивных установок населения какой-либо страны или отдельного региона. Главное условие – это стабильные «правила переходов», чтобы сегодняшние характеристики вышестоящих в стратификации социальных субъектов (их интересы, особенности культуры, распространенные стереотипы, типичные эмоциональные реакции) мы могли распространить на ожидаемое будущее поведение нижестоящих субъектов, которые в перспективе могут достигнуть аналогичных высоких позиций. При этом условии программы и планы действий по формированию общественно значимых типов поведения, разработанные на основе моделирования текущего состояния социальной реальности, сохраняют свой прогнозный потенциал и функциональную эффективность в регулировании протекания будущих социальных процессов.

Литература:

1. *Степин В.С., Елсуков А.Н.* Методы научного познания. Минск: «Вышэйшая школа», 1974. С. 117–118.
2. Там же. С. 74.
3. См.: Макаров С.П. Панельное исследование // Социологическая энциклопедия / Под ред. А.Н. Данилова. Минск: БелЭн, 2003. С. 253–254.
4. См.: Кобяк О.В. Экономический человек: закономерности формирования мышления и механизмы управления поведением. Минск: «Право и экономика», 2006. С. 150–157.
5. См.: Вебер М. Мотивы социального действия // Избранные произведения. М.: «Прогресс», 1990. С. 628.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТИПОЛОГИИ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В.С. СТЕПИНА ДЛЯ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ СОЦИО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

А.В. Комаровский, г. Минск, Беларусь

Современная гносеологическая ситуация характеризуется системной трансформацией научной рациональности и становлением науки постнеклассического типа. В работах философа науки Степина В.С. [1; 2] была предложена наиболее проработанная концепция развития научного знания, включающая три стадии (типы) науки (научной ра-

циональности), – классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. Каждый тип, по мнению Степина, является системным единством онтологических, методологических и эпистемологических представлений.

Степин предлагает данные модели именно как периоды развития науки, латентно и «классически» отождествляя ее с естественнонаучным знанием. Восприятие же данных периодов как модельных образцов (идеальных типов) науки, а не последовательных «реальных» стадий развития позволяет получить более реалистичный взгляд на фактическую историю их развития.

Недостатком степинского эпистемологического конструктивизма является определенная сверхфокусировка на познавательной стороне научного процесса («интерналистский крен»), на использовании логики деятельностного подхода, используемого для выстраивания структурных схем разных типов научной рациональности (по модели цепочки «субъект-метод-объект»). В результате социо-культурная «среда» функционирования науки фигурирует в обобщенном, свернутом виде как «общесоциальные ценности и цели».

Определенные ходы такого анализа разрабатываются Степиным в поздних работах (с начала 2000-ых гг.), но осуществляются с помощью общефилософского, аксиологически фундированного анализа – без привлечения социологических средств (уровней институционального и поведенческого анализа) и национальных исторических контекстов развития конкретных социо-гуманитарных дисциплин.

Однако, существенная, а иногда и определяющая детерминация науки экономическими, политическими и социальными контекстами всегда выступала неотъемлемым элементом зарождения и «нормально-го» функционирования института науки, но не всегда осознавалась или признавалась – как самими учеными, так и историками науки, склонными к ретроспективной и неизбежно селективной героизации истории научного процесса.

Другим важным недостатком степинской схемы является следование классической логике в описании динамики научного знания (модель линейного кумулятивного, прогрессивного развития), характерной в большей мере естественнонаучному знанию. Именно в естествознании возможно проследить определенные этапы становления и развития, что связано с однородностью языка описаний, терминов и понятий. Эта логика не в полной мере описывает динамику социо-гуманитарного знания.

Кумулятивность знаний в естественных и социо-гуманитарных науках отличается качественным образом. В социальном знании полу-

чение и накопление знаний зависит от формулировки проблемы и получает дополнительный, социо-культурный вектор-определитель, исходящий из задачи решения проблем в конкретных и таймированных социально-исторических условиях [3].

Таким образом, социальная реальность отлична от природной в том, что она (1) обладает множеством альтернативных сценариев развития, (2) которые временно и исторически ограничены («таймированы», т.е. релевантны и «истинны» в ограниченных социокультурных условиях) и (3) реализуются за счет активной, конструирующей деятельности по (пре)образованию существующей действительности согласно целям и ценностям действующих людей.

Эти характерные черты социо-гуманитарной онтологии (соответственно альтернативность, таймированность и конструируемость) определяют соответствующие эпистемологические характеристики социо-гуманитарного знания, его структуру и динамику (соответственно множественность, диахронность и открытость исследовательских программ). Подытожим сказанное в сводной таблице (таблица).

Критерии сравнения	Естественнонаучное знание	Социо-гуманитарное знание
Онтология	Единство и единичность природы (ее законов)	Множественность культур (цивилизаций)
Методология	Единая и всеобщая картина мира природы	Множество "национальных" социо-научных картин мира
Эпистемология	Линейное, стадийное развитие от "классики" к "постнеклассике"	Нелинейное, одновременное развитие разных типов знания
Праксеология	Производственно-технические системы ("среды")	Социо-технические системы ("институты")

Таблица – Структурные свойства естественнонаучного и социо-гуманитарного знания.

Литература:

1. *Степин, В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009.

2. *Степин, В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая реальность / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 5-17.
3. *Петров, М.К.* Феномен кумулятивности научной дисциплины (по материалам американской печати) / М.К. Петров // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 58–71.

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.В. Кузнецов, г. Минск, Беларусь

В современных исследованиях по проблемам философии образования и теоретическим основам педагогики нет недостатка в призывах к формированию новой парадигмы образования адекватной условиям общественного развития в начале XXI в. (см.: [1, с. 48] [2, с. 29] [3, с. 26] [4, с. 253] и др.). К сожалению, эти призывы на практике сводятся к отдельным изменениям в организации учебного процесса и содержания образования. На наш взгляд, общим недостатком всех предлагаемых новых парадигм образования является отсутствие комплексного подхода к системе образования. Этот недостаток вытекает из того обстоятельства, что часто педагоги и философы рассматривают концепцию образования как автономную по отношению к системе социальных отношений техногенного общества.

При всех достаточно принципиальных разногласиях по важнейшим проблемам философии и социального познания, подавляющее большинство современных философов и обществоведов-теоретиков сходятся в том, что техногенное общество переживает серьезнейший кризис. Его симптомы проявляются в так называемых глобальных проблемах современности. К ним большинство современных исследователей относят: экологический кризис, демографический взрыв, растущее социально-экономическое неравенство между так называемыми «развитыми» и «развивающимися» странами, распространение ядерного оружия и сохраняющаяся вследствие этого угроза широкомасштабной ядерной войны, наконец, кризис культуры техногенного общества.

Тесная взаимосвязь этих глобальных проблем современности, невозможность решения любой из них без решения всех остальных приводит нас к выводу о том, что все эти проблемы являются симптомом кризиса современного техногенного общества. Сущностные характеристики этого кризиса лежат глубже, в самой основе функционирования и развития данного типа общества. Они выражаются в фундаментальных противоречиях техногенной цивилизации.

Во-первых, с одной стороны, современное человечество действительно превратилось, как это предсказывал еще в начале XX в.

В.И. Вернадский, в космическую силу природы. Человек поставил себе на службу, социализировал, превратил в силы самого общества колоссальные силы природы. С другой стороны, человечество остается разделенным как сто, двести и т. д. лет назад на Запад и Восток, Север и Юг, развитых и развивающихся, богатых и бедных, угнетающих и угнетенных, взаимно ненавидящих и страшщихся друг друга. Таким образом, чем интенсивнее человечество превращается в космическую силу природы, чем больших успехов достигает научно-технический прогресс при сохраняющихся социальных отношениях, тем ужаснее становятся опасности, грозящие его собственному существованию.

Во-вторых, с одной стороны, процесс экономической глобализации превратил фактически весь земной шар в общую сферу хозяйственной деятельности людей. Процесс обобществления труда фактически достиг глобальных масштабов. С другой стороны, плодами этого глобального обобществления труда монопольно распоряжается и пользуется все более сокращающаяся часть населения земного шара. Тем самым углубляется социальное неравенство, а, следовательно, и разделенность человечества, о которых говорилось выше.

В-третьих, с одной стороны, процесс глобализации ведет к превращению человечества в единое сообщество. Точно так же, как в период формирования традиционно-аграрного общества из разрозненных первобытных общин, формирующихся на основе кровного родства, создавались первые народности, а в период формирования техногенного общества – первые нации, объединяющие разные народы, так и в наше время процесс превращения человечества в космическую силу природы ведет к формированию единого сообщества. Однако, с другой стороны, существующее социально-экономическое неравенство между различными регионами земного шара, нациями и классами внутри самих наций, приводит к всё более кровавым конфликтам между различными конфессиями, культурами, нациями. В итоге формируется такой миропорядок, когда за счет периферии благоденствует лишь центр современной капиталистической мир-экономики.

В-четвертых, превращение все более мощных космических сил природы в социальные силы человечества, с одной стороны, ведет к необходимости установления демократии в межгосударственных отношениях, соблюдения экономических, социальных и личных прав человека для каждого члена мирового сообщества. Это необходимо, поскольку только в условиях такой демократизации общественной жизни можно решить глобальные проблемы, встающие перед человечеством, если оно хочет стать разумной космической силой природы, а не слепой и хаотически развивающейся, что может привести к внезапной и пол-

номасштабной катастрофе. С другой стороны, наблюдается стремление современного Запада к установлению своего мирового господства под эгидой военно-политического могущества США.

Следствием кризиса техногенного общества является кризис и той системы образования, которая господствует в этом обществе. Основные черты этого кризиса, вытекающие из глобальных проблем техногенной цивилизации, заключаются в следующих противоречиях:

1) Противоречие между ускоряющимся процессом изменения ценностей культуры (и прежде всего, знания) в динамически развивающемся современном обществе и традиционной ориентацией образования на трансляцию уже существующих ценностей.

2) Противоречие между ускоренным формированием способов социализации, обучения и воспитания молодежи (от постоянно совершенствующихся информационных технологий до появления новых социальных движений) и традиционной ориентацией образования на автономизацию по отношению к другим сферам социальной жизни и способам социализации и воспитания личности.

3) Противоречие между требованием доступности качественного среднего и высшего образования для всех членов общества как необходимого условия формирования креативных личности и общества и постепенным включением образования в рыночную экономику, превращением образования в продажу «образовательных услуг», отсекающего от качественного образования большинство членов общества (в особенности стран периферии современной капиталистической мир-экономической системы).

4) Противоречие между необходимостью воспитания и обучения всесторонне и гармонично развитой личности ноосферного типа, способной принимать ответственные решения по глобальным проблемам современности и осуществлять их практически, и ориентацией современного образования на подготовку узкого профессионала, отчужденного от других форм культуры («макдональдизация» и «тейлоризация» образовательного процесса).

5) Противоречие между гуманистическим принципом ориентации педагогического образования на воспитание личности педагога, умеющего работать на личностном уровне с учениками и создавать оригинальные образовательные проекты, деятельность которого могла бы быть образцом для жизнедеятельности учащихся (мимезис как основа педагогики), и тенденцией стандартизации и технологизации современного педагогического образования.

6) Противоречие между возрастающей ролью педагогического образования в условиях обострения глобальных проблем современности и

реальным падением социального престижа педагогических профессий в современном обществе.

Как отмечает известный теоретик в области воспитания и образования К. Вульф, в духовной жизни современного человечества (и, прежде всего, современного Запада) нарастает сомнение «в целесообразности дальнейшего развития человечества и вопрос о будущем подрастающего поколения перекликается с исполненным страха вопросом о будущем человечества в целом» [5, с. 51].

Поэтому перед современной философией стоит задача: на основе критического анализа универсалий культуры техногенного общества выработать новую парадигму образования XXI века.

Литература:

1. *Калина, И.И.* Педагогическая реальность как локальная картина мира / И.И. Калина // Мир образования – образование в мире. – 2011. – № 3.
2. Научные основы развития образования в XXI веке: 105 выступлений членов Российской академии образования в СПбГУП. – СПб., 2011.
3. *Лобок, А.М.* Школа нового поколения: опыт концептуального наброска / А.М. Лобок // Качество образования: позиция педагога. – 2011. – № 1.
4. *Урсул, А.Д.* Становление глобального образования / А.Д. Урсул // Философские основы инновационного развития образования и воспитания. – Мн., 2010.
5. *Вульф, К.* Антропология воспитания / К. Вульф. – М., 2012.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Лапина, г. Минск, Беларусь

Общественные трансформации, происходящие в глобальном масштабе, привели к осознанию того факта, что сформировавшееся еще в прошлом веке информационное общество – это упрощенный вариант социального устройства, в котором технологии создания, трансляции и потребления информации стали играть роль главного фактора социальной динамики. В XXI веке отчетливо проявились тенденции, которые еще не в полной мере проанализированы, но уже получили пока условное название – движение к обществу знания (Knowledge Society or Knowledge-based Society).

Белорусское общество, которое вступило в сложный период преобразований в конце XX века, вынуждено осуществлять социальные трансформации с учетом общемировых тенденций. Этим объясняется интерес белорусских исследователей к социальным наукам, среди которых социология занимает особое место. Социологические знания позволяют моделировать социальные трансформации и прогнозировать их последствия, в том числе те, которые затрагивают права и свободы каж-

дой отдельно взятой личности, различных социальных групп и общностей, общества в целом. Использование социологической информации в управлении социальными процессами позволило белорусскому обществу избежать крайне негативных социальных последствий – социальной напряженности и социальных взрывов, которые характерны практически для всех постсоветских стран.

Кроме того, социология выполняет важную методологическую функцию в современном научном знании, встраивая в процесс современной научно-познавательной деятельности особую, субъектную составляющую. Эта ситуация требует еще раз переосмыслить теоретико-методологические проблемы социологии. Белорусская социология в этом плане имеет серьезные методологические традиции, истоки которых базируются на разработках русской (российской) школы социологии, связанных с именами Н.Михайловского, А.Богданова и других мыслителей конца XIX- начала XX веков, занимавшихся обоснованием субъективного метода познания и его использования в социологических исследованиях.

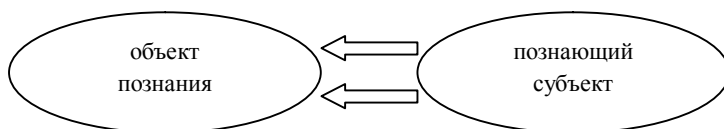
Субъектный подход, сформировавшийся в отечественной социологии еще в прошлых веках как методологическая ориентация, актуализируется, на наш взгляд сегодня в условиях постмодернистской социокультурной ситуации, характерной для глобализирующегося мира.

На фоне процессов современной глобализации особо обращает на себя фактор, который получил название поликультурность. Объединяющийся и объединенный социальный мир оказывается соединением разных культур, носителями которых являются различные социальные группы и общности. Даже в рамках одного государства эта культурная разнородность является очевидной, она связана не только с этническими, но и демографическими, социально-профессиональными и многими другими факторами. Социология как теория социальной реальности не может уйти от осознания фактора мультикультурализма. Более того, решение этого вопроса в рамках социологической теории может стать алгоритмом решения проблемы поликультурности в научном познании в целом, а также в социальной практике формирующегося общества знаний.

Очевидно, что в современной, постмодернистской социокультурной ситуации со стороны приверженцев классической науки наблюдается непонимание «чрезмерной» увлеченности социологов-теоретиков методологической проблематикой. Для ученых классической методологической направленности объект и субъект познания разводятся в своей онтологической данности. Именно поэтому и становится возможным

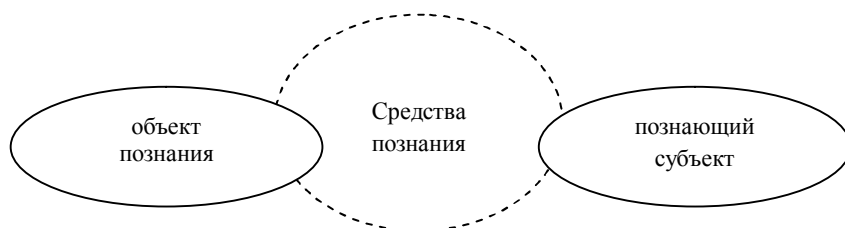
опытное знание, которое соединяет в гносеологической, методологической плоскости онтологически разные сущности.

КЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

В отличие от первых, сторонники неклассических вариантов научного знания уже понимают, что трактовка природы социальной реальности, входящая в определение объекта социологического познания, в значительной степени зависит от методологических подходов, отражающихся в многопредметности теоретических социологических построений.

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

Выход же за рамки неклассической схемы научного знания с включением в него социокультурных параметров научно-познавательной деятельности, что характерно для постнеклассической (постмодернистской) науки, даже для сторонников неклассического, релятивистского научного знания кажется уже «запредельным».

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

Так сложилась история социологии, что ее даже классические позитивистские варианты, начиная с О. Конта, не могли элиминировать из сферы социологического познания человеческий, субъектный фактор или полностью объективировать его. Субъектная соотнесенность всех элементов познавательного процесса всегда была отличительной чертой социологического познания, которое исследуя общество как систему взаимодействующих социальных субъектов, в то же время не могло игнорировать зависимость используемых форм и методов познания, а

также содержания исходных концептуальных установок от социальной структуры общества, от социальной позиции субъектов познания, от социальных стереотипов, целей и задач, которые ставятся перед познающим субъектом обществом и им самим, ценностей, которыми он руководствуется и которые приняты в обществе.

Тот же факт, что в современном научном познании в целом реализуются субъектные составляющие (за счет перехода современной науки к познанию «человекоразмерных» объектов), неизбежно выводящие в сферу социологического анализа, свидетельствует о том, что социологическое познание и его особенности приобретают общенаучную значимость. Субъектные, человекоотнесенные параметры, присутствующие в объектах познания современной науки, могут пониматься, интерпретироваться и познаваться в разных аспектах. Однако следует обратить внимание на то, что в любой познавательной ситуации субъектность присутствует не как изолированная сущность, а как особое межсубъектное взаимодействие (между субъектом познающим и субъектом, включенным в объект познания), которое к тому же опосредовано сложной системой социальных связей.

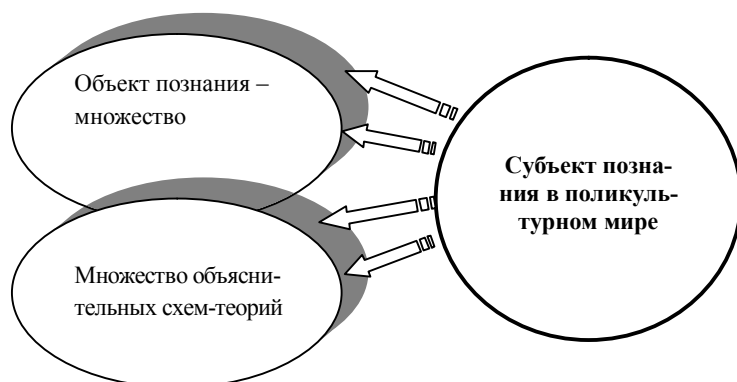
Само появление «человекоразмерных» объектов является результатом сложной социальной эволюции, в которой социум повлиял не только на их естественно-природные параметры, но и в значительной степени изменившей их антропологические характеристики. Так, локальные экосистемы – биогеоценозы – существовали и до человека, но с его появлением и включением его активности в процессы геологической и биологической эволюции эти системы приобрели именно тот вид, который мы сейчас наблюдаем.

Кроме того, включение человека в конкретные жизнеобеспечивающие системы актуализировало и развило у него именно те способ-

ности, которые были необходимы для функционирования целостных систем. В этом смысле не только глаз человека видит больше, чем глаз орла, но и глаза людей разных культурно-исторических формаций, относящихся к разным историческим эпохам и типам цивилизаций, видят тоже по-разному.

Социологическая методология, вводя в научный анализ взаимодействие между субъектными составляющими и уровнями познания, в реальности приобретает метатеоретическую, общенаучную значимость.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В итоге в общем плане логику социологического познания можно представить как особую линию современной научно-познавательной деятельности.

В этой логике некоторое множество отображений теоретических схем (I) на картину (картины) мира и эмпирический материал коррелируется с множеством возможных реализаций объекта научного познания (II). Первое (I) определяется особенностями субъектов познания, задается их социокультурными параметрами, занимающими в структуре познания уровень метатеоретических предпосылок и, как показывает опыт проводимых исследований, реально может воплощаться в некотором множестве теоретических моделей. Второе (II) отображает разброс возможных реализаций познаваемого объекта, в который органично встроены активный, действующий, наделенный сознанием и целеполагающий субъект.

В целом же особенности социологического познания состоят в органическом сочетании двух основных параметров познавательной деятельности: особого объекта познания – социальной реальности (1), и

специфического субъектного подхода к ее познанию (II). Это позволяет свести воедино онтологические и методологические аспекты социологического познания, которое органично встраивается в современное научное познание как единый социокультурный феномен, тем самым обеспечивая системную целостность современной науки.

Глобальное поликультурное общество – это реальность, которую человечество уже создало. Сегодня актуальными являются задачи познания и управления этой социальной реальностью.

Может, социология, родившаяся в недрах позитивизма как особой философии науки, сможет стать, если не образцом, то хотя бы удачным экспериментом по созданию нового поликультурного социального проекта, участвуя в управлении его трансформациями?..

ЦЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

А.А. Легчилин, А.М. Бобр, г. Минск, Беларусь

В сфере интересов В.С. Степина особое место занимают проблемы цивилизационного развития, в том числе развития восточнославянской цивилизации. Показательно, что на протяжении ряда лет В.С. Степин был куратором проведения комплекса совместных научных исследований российскими, белорусскими и украинскими философами, и, в частности, проекта, выполненного сотрудниками факультета философии БГУ и сектора истории русской философии ИФ РАН. Его предметом являлись как онтологические проблемы динамики восточнославянской цивилизации, так и методологические аспекты изучения перспектив ее развития. Актуальность рассмотрению этой темы придает вставшая перед мировым сообществом в целом, и перед восточнославянской цивилизацией, в частности, проблема сохранения социально-культурной идентичности человека, и роли в этом традиционных ценностей.

Какова роль ценностей в развитии общества? Вопрос, казалось бы, имеет риторический характер, но не для всех. Трудно согласиться с мнением известного экономиста В.Иноземцева, высказанным в публикации с категоричным названием «Не ценности, а нормы», что «ценности» – не более чем фикция» [1], хотя бы уже потому, что ценности обязательно выполняют нормативную функцию, поэтому противопоставлять их неправомерно. Что же касается следования нормам права, за которые ратует автор, то и они, не будучи основанными на ценностях добра, справедливости, человеколюбия, превращаются в формально-правовые нормы, не связанные с нормами морали.

Изучение ценностей имеет как аксиологическое, так и социально-практическое назначение, поскольку их знание в процессе объективации становится элементом более широкой области – мира человеческой деятельности и общения, способствуя пониманию причин кризиса социально-культурной идентичности современного человека, приобретшей особую актуальность в условиях глобализации.

Эта проблема достаточно остро стоит и перед человеком восточно-славянской цивилизации. В этой связи большое значение приобретает определение системы традиционных ценностей, которые являются базовыми не только для национально-культурной, но и цивилизационной самоидентификации современного человека, живущего в России, Беларуси, Украине.

Во-первых, это традиционные экосоциальные ценности. Эти ценности, предполагающие уважительное и бережное отношение к природе и, вместе с тем, отражающие стремление не только приспособиться к ней, но и изменить ее, являются своеобразным «мостиком» между экстравертивной установкой цивилизации Запада и традиционалистским «вживанием» в природу цивилизации Востока. Во-вторых, это социально-культурные ценности, которые придают восточнославянской цивилизации неповторимый характер и тоже могут служить связующим звеном между цивилизациями Запада и Востока. Основанием для этого является их синтетическая природа, способствующая преодолению ригоризма ценностных установок, как Запада, так и Востока.

Среди социокультурных ценностей восточнославянской цивилизации особо выделяется *ценность коллективизма* как установки на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества в целом. Достижение этой гармонии – фундаментальная проблема и было бы самонадеянно утверждать, что в развитии восточнославянской цивилизации она была однозначно решена. В ее прошлом известны периоды доминирования общинного, а затем общественного начала над личным. Но и в этом случае в общественном мнении, художественной и философской литературе существовало понимание неестественности или, как минимум, проблемного характера таких отношений. Это характерно для В.С. Соловьева, отмечавшего, что общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество. Отметим, что в западной и восточной традициях оппозиция индивидуального и коллективного начал общественной жизни вплоть до новейшей истории рассматривалась как естественное явление.

Еще одна ценность – *ценность государства* как оплота и гаранта стабильности общества. Само становление восточнославянской цивилизации стало возможным благодаря созданию сильного, способного

обеспечить безопасность границ государства. Вместе с тем, отношение к государству на всем протяжении существования восточнославянской цивилизации было двойственным, что нашло отражение в характерной для русской философско-правовой мысли бинарной оппозиции «государство как орган» и «государство как организм». Первое выражение имело негативное значение, фиксируя бюрократическую сущность управленческого аппарата как инстанции принуждения; смысл второго был позитивным, связанным с оценкой государства как организатора всей общественной жизни и благодетеля человека.

Отсюда в качестве особой ценности восточнославянской цивилизации вытекает *ценность гармонии государства и гражданского общества*. Речь идет о «естественном» гражданском обществе, зачатки которого появляются до возникновения государства, и которое в период оформления национальных государств в XVII-XIX вв., перерастает в дополняющее государство «позитивное» гражданское общество. Показательно, что в философско-политической мысли восточнославянских народов, сквозным являлся идеал «народного государства» – государства как организма, вырастающего из гражданского общества и дополняющего его.

В этой связи обратим внимание на *ценность патриотизма*, который, будучи тесно связанным с ценностями православной веры являлся «скрепом» древнерусского государства, для российской империи, само возникновение и существование которой немыслимо без патриотизма, проявленного в годы «великой смуты» начала XVII века и Отечественной войны 1812 года. Вспоминая недавнюю историю, можно с полным основанием сказать о роли патриотизма в судьбе народов Советского Союза, патриотизм которых, проявленный в годы Великой отечественной войны, стал одним из решающих факторов великой Победы. Казалось бы, в обществах постсоветского пространства, в которых под влиянием идеологии и политики либерализма окончательно восторжествовали иные ценности прагматизма, стяжательства культа наживы, космополитизма или, как реакции на него – национализма и неонацизма, тем не менее, как часто бывало в истории восточнославянских народов, в экстремальных исторических условиях у них вновь возрождается патриотизм. Свидетельством этого является поддержка народа Крыма в их стремлении в свободном самоопределении и присоединении к России. Хотелось бы, чтобы и народ Украины смог бы поскорее преодолеть прививаемый им радикалами штамм национализма в пользу реального патриотизма, который в условиях многонационального государства невозможен без интернационализма и уважения представителей других этносов.

Следующая ценность, характерная для восточнославянских народов – *ценность языка*, служащего не только средством коммуникации и задающего возможность взаимопонимания представителей различных этносов, но являющегося способом творческого самовыражения и, что особо значимо, феноменом культурной жизни наших народов. И тут особое место принадлежит русскому языку и как средству межнационального общения, и как средству социализации, поскольку в значительной мере благодаря ему многие поколения людей разной национальности приобщились как к сокровищам мировой культуры, так и познакомились с культурным наследием друг друга.

Среди других ценностей восточнославянской цивилизации необходимо назвать *ценности веры, социальной справедливости и равенства*. Эти традиционные ценности восточнославянских народов невозможно рационализировать, уподобив их нормам формального права. Характерный для традиционалистской цивилизации Востока акцент на роли морали как регулятора межличностных отношений и присущая цивилизации Запада артикуляция формально-правовой нормативной системы, фактически разрывали единство этих двух основных систем социализации человека и регуляции отношений в обществе.

Для восточнославянских народов характерно осознание необходимости гармонизации этих двух нормативных систем. При этом, признавая важность права, они не могли смириться с его формально-обезличенным характером. Не случайно именно в русской философии появилось оригинальное направление, получившее название *кордоцентризма* – «философии сердца», приверженцами которого являлись Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, Б.П. Вышеславцев, В.В. Розанов. Отсюда – знаковая для отечественной философской мысли дилемма «правды-истины» и «правды-справедливости», решаемая, как правило, в пользу последней. Особую актуальность проблема диалектики истины, духовных ценностей и правды приобрела в философской мысли России XIX – начала XX веков – в обществе, в котором роль традиционных коллективистских ценностей и социальных идеалов была чрезвычайно велика.

Иными словами, жизнь диктует свои правила, которые закреплены в общественных ценностях и социальных идеалах и именно с ними, а не с формально безличными установлениями рассудка, должны соотносываться наши представления о том, как должна быть устроена жизнь, – таков пафос обсуждения *проблемы истины* в русской социально-философской мысли.

Конечно, восточнославянская цивилизация неоднородна. При несомненном единстве и общности исторической судьбы восточнославянской цивилизации очевидно своеобразие цивилизационной динамики

белорусского, русского и украинского народов. Результатом игнорирования этого своеобразия является причиной возникающего времени взаимонепонимания и недоверия по отношению друг к другу, и, как следствие, появления взаимных претензий и даже серьезных конфликтов, особенно когда они целенаправленно инспирируются в угоду корпоративным интересам частью политической и экономической политической элиты и подогреваются, а то и «режиссируются» извне. На фоне усиления расхождения политико-экономических приоритетов и выбора руководством Украины прозападного вектора развития тем более значимым является диалог культур. Именно он способен содействовать преодолению противоречий экономического, политического и геополитического характера, которые существуют в отношениях между восточнославянскими государствами.

Литература:

1. *Иноземцев В.* Не ценности, а нормы // Литературная газета. 15 января 2014 года. № 1-2 (6445). Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-1-2-6445-15-01-2014/ne-tsennosti-a-normy/> (дата обращения: 02.07.2014).

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

И.И. Лещинская, г. Минск, Беларусь

Ситуация, сложившаяся в мире в последние десятилетия может быть охарактеризована как состояние хронической экономической нестабильности, политической непредсказуемости, и духовной поврежденности. Размывание ценностных оснований, разрушение механизмов самоконтроля, формирование нравственно амбивалентного типа личности, обреченного на жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами, ведущими к равнодушию и агрессии – все это онтологические спутники современного человека. Можно утверждать, что человечество вошло в «зону повышенной турбулентности», и если «значение управляющего параметра» достигнет критического уровня, человечеству вряд ли удастся избежать глобальных катастроф.

В этом контексте особую значимость приобретает рациональность как важнейшая ценность, интегрированная в мировоззренческую систему, как отдельного человека, так и целого сообщества. В современной литературе существуют разнообразные модели рациональности и различные репрезентации ее исторических версий. Несомненным остается тот факт, что в основе ее любого типа предполагается наличие разумного начала, неких самоочевидных принципов разума, без которых не мыслится существование человека и общества. Рациональность высту-

пает как существенный предикат человеческого бытия, поэтому в современных исследованиях все более отчетливо наблюдается «...тенденция оценивать развитие культуры по признаку нарастания или убывания в ней элементов рациональности; с развитием рациональности связывают процессы демократизации общества, уровень цивилизации, эффективность социальных институтов»[1].

Однако, конфликты, охватившие в последнее десятилетие мир, своей агрессивностью и масштабностью свидетельствуют о том, что современный человек все больше отрекается от этой ценности и соответственно утрачивает целый ряд способностей, необходимых для совместного существования. С достаточным основанием к ним можно отнести такие способности, как элементарная адекватность, вменяемость, способность к согласованности и развитию. Создается впечатление, что человечество «подхватило вирус» подобно тому, что принес лихорадку Эбола. Последствием его распространения может стать эпидемия безумия. Этот «вирус безумия» проникает в мировоззренческую систему, нарушает социальные коды, блокирует социальную память, поражает способность понимать смысловую связь, приводит к сбоям в работе системы и бессмысленной растрате ее ресурсов. Благодаря развитию современных средств коммуникации он имеет возможность распространяться с невероятной скоростью и в невероятных масштабах. В качестве такого вируса могут выступать «программы деятельности, поведения и общения», вырабатываемые в современном обществе, которые прямо ведут к блокировке наиболее фундаментальных биологических программ, и в силу этого представляют реальную угрозу для существования системы. Примером может служить легализация в некоторых европейских странах однополых браков, которая с неизбежностью препятствует воспроизводству человеческого рода, и при этом позиционируется как высшее достижение демократии, безудержная эскалация военных конфликтов, массовое распространение синтетических наркотиков. Ситуация сложившегося кризиса, во всем многообразии своих проявлений является свидетельством изменения программы функционирования общества как сложной саморазвивающейся системы. Общество как особый тип системного объекта, «характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому»[2, с.119]. Эта смена, по утверждению академика В.С. Степина «...представляет собой фазовый переход, который может быть охарактеризован в терминах динамического хаоса» [2, с.120].

Чтобы человечество смогло осуществить переход «от хаоса к порядку» на его более высокой стадии необходимы мощные усилия всех участников этого процесса по созданию принципиально новой системы

жизнеустройства, которая бы обеспечивала стабильность, независимость и безопасность всех ее элементов. Это невозможно без создания глобальной экономической и политической системы, которая была бы не только экологически сбалансированной, но и, что не менее важно, аксиологически детерминированной. Соответственно, это важнейший фактор возможности наступления как ближайшего, так и отдаленного будущего человечества, императив выживания современной цивилизации. Отсюда определяющее значение общечеловеческих ценностей, в системе которых рациональность должна быть признана наиважнейшей, и в силу данного факта ей полагается стать одним из необходимых оснований нового, глобального этоса.

Этот глобальный этос является первостепенным условием возможности осуществления диалога в деле поиска путей выхода из опасной ситуации. Но рациональность, понимаемая как чистая инструментальность, благодаря ее выхолащенности и неотягощенности никакими нравственными нормами, и поэтому ориентированная исключительно на достижение прагматического результата, не состоянии выполнить эту функцию. Должна быть обоснована иная форма рациональности, существенной характеристикой которой будет ее имманентная сопряженность со всей системой ценностных установок, и прежде всего с нравственными нормами, что позволит ей занять прочную позицию «по эту сторону добра и по ту сторону зла».

Кроме того, развитие любой сложной системы невозможно представить вне ее открытости, множественности и разнообразия ее элементов, их постоянного и свободного взаимодействия. Культурное разнообразие, проявляющееся в неповторимости и уникальности отдельных культур, также необходимо для развития человечества, как и биологическое разнообразие в природе. Условием возможности сохранения и преумножения культурного разнообразия являются, в первую очередь, свобода выражения и плюрализм. Благодаря таким условиям каждая культура должна и может стать полноценным субъектом диалога, располагающим всеми доступными средствами для своего развития, а не обыгрываться в качестве объекта политических или экономических интересов. Учет различий, свойственным этим культурам, преодоление культурного и политического доминирования, стремление преодолеть модель тотального преобразования одних обществ по образцам других, помогает создать предпосылки для взаимной и непредвзятой культурной коммуникации и свести до минимума непонимание и конфликтность в отношениях.

Таким образом, осуществление диалога как продуктивного синтеза культурных форм и, следовательно, как условия выхода из кризисной

ситуации предполагает смену ментальной парадигмы, в результате которой принцип альтернативности мышления, имеющий своим прямым следствием неизбежную расколотовость мира, уступит место принципу дополнительности. В основу этой парадигмы должна быть положена рациональность в ее неразрывной связи с фундаментальными ценностями человеческого бытия.

Литература:

1. *Порус, В.Н.* Рациональность / Новая философская энциклопедия: в 4 т. // Ин-т философии РАН; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2555.html>. – Дата доступа: 20.09.2014.
2. *Степин, В.С.* Человеческое познание и культура / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП – (Избранные лекции университета; Вып. 147), 2013. – 140 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ В.С. СТЕПИНА В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.Е. Лойко, г. Минск, Беларусь

В.С. Степин внес значительный вклад в конституирование философии науки. В своих работах он постоянно подчеркивает роль отечественной философской традиции в формировании предпосылок для разработки оригинальной модификации философии науки. В отличие от западной традиции позитивизма диалектико-материалистическая методология инвариантно присутствует в исследованиях научного познания.

Начало исследованиям в этой области в советской философии положили Б. Кедров, П. Копнин, М. Омеляновский. Теоретико-методологической основой их работ по философии науки стал диалектический материализм. Это позволило, во-первых, преодолеть догматические оценки таких новых направлений в естествознании, как генетика, кибернетика, теория относительности, квантовая механика, а во-вторых, сформулировать ряд оригинальных проблем научного познания. К ним относятся проблемы предметности научных дисциплин в их связи с формами движения материи; развития понятий и методов науки; структуры научного открытия; взаимодействия философии и науки в аспекте методологического потенциала философских категорий и принципов. Важную роль в развитии проблематики философии науки стала активизация исследований в области математической логики (А.А. Зиновьев) и использование ее аппарата для анализа процесса научного познания.

К концу 60-х гг. в отечественной философии науки сложились самостоятельные школы в ведущих университетах и академических институтах:

Москва – Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, В.А. Лефевр, Л.Б. Баженов, И.А. Акчурин, Ю.Б. Молчанов, Р.С. Карпинская, В.В. Казютинский, И.К. Лисеев, В.А. Лекторский, И.В. Кузнецов, В.С. Швырев, Е.А. Мамчур, Е.П. Никитин, Л.А. Никифоров, Д.П. Горский, И.Т. Касавин, Н.С. Автономова, П.П. Гайденоко, М.К. Мамардашвили, Н.И. Кузнецова, А.Ф. Зотов, В.А. Смирнов, Е.А. Сидоренко, Е.Д. Смирнова, А.С. Карпенко, В.А. Бочаров;

Ленинград – В.П. Бранский, А.С. Кармин, А.А. Штоф, М.В. Мастепаненко, А.М. Момтепаненко, Ю.Н. Солонин, Э.В. Кара-ваев;

Киев – М.В. Попович, С.Б. Крымский, А.Т. Артюх, П.И. Дышлевый;

Новосибирск – М.А. Розов, И.С. Алексеев, С.С. Розова, Л.С. Сычева;

Томск – А.К. Сухотин, В.В. Чешев, И.В. Черникова;

Ростов-на-Дону – М.К. Петров, Ю.А. Жданов, Л.А. Миносян [1.С. 74-78].

В конце 60-х – начале 70-х гг. сложилась минская школа философии и методологии науки. Ее представители: В.С. Степин, Л.М. Томильчик, А.И. Зеленков, А.Н. Елсуков, Е.В. Петушкова, Л.Ф. Кузнецова, Я.С. Яскевич, А.И. Лойко.

В 70-80-е гг. в области философии и методологии науки возникли экстерриториальные неформальные сообщества ученых, работающих по принципу «незримого колледжа». Особое внимание уделялось анализу теоретико-методологических основ естественных, социально-гуманитарных наук и технических наук. Философия и методология социально-гуманитарных наук этого периода представлена работами А.И. Ракитова, В.Ж. Келле, В.Г. Федотовой, Л.А. Микешиной, М.С. Кагана, В.М. Розина, Н.С. Розова, В.Г. Кузнецова. Интегрирующими факторами исследований в данной области стали журналы «Вопросы философии» и «Философские науки»; Совет по философии и социальным проблемам науки и техники АН СССР (председатель – И.Т. Фролов); международные конференции и конгрессы; специализированные университетские кафедры философии и методологии науки.

Таким образом, отечественными учеными были получены важные результаты в области философии и методологии науки:

в контексте критики позитивизма проанализирована проблема взаимодействия философии и науки, продемонстрирована роль философских идей в становлении фундаментальных научных теорий, обобщении новых типов объектов;

проанализирована структура и уровни научного знания; исследована научная картина мира как специфическая форма теоретического зна-

ния, выявлены ее признаки, структура, типы и функции; выделены и проанализированы идеалы и нормы исследования и философские основания науки;

осуществлен логический анализ процедур создания теории, показана роль и взаимосвязь гипотетико-дедуктивного и генетически-конструктивного методов;

выявлены новые аспекты роста научного знания, в частности, взаимосвязь логики открытия и логики обоснования в процессе выдвижения гипотез;

введена типология научных революций с учетом междисциплинарных взаимодействий и роли в них социокультурных факторов;

исследованы исторические типы научной рациональности, внутренние и внешние факторы их динамики, показано, что научная рациональность является составной частью фундаментальных социокультурных ценностей [1.С. 79-84].

Литература:

1. *Степин, В.С.* История и философия науки / В.С. Степин. М., 2011.

ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

С.С. Мишук, г. Минск, Беларусь

Философия, формируя мировоззренческие и методологические основы научной картины мира, определяет фундаментальные принципы и нормы познавательной деятельности в каждый конкретно-исторический период. Это справедливо как по отношению к науке в целом (как некоему коллективному разуму), так и в отношении исследовательской деятельности отдельных ученых. В процессе данного взаимодействия философии и конкретных наук четко прослеживается одна закономерность – чем более фундаментальный характер носят философские категории, тем более простой и очевидной кажется их интерпретация. Однако данная «кажимость» оборачивается сложнейшими проблемами в реальном процессе научного познания.

В современных космологических концепциях такими «базовыми» категориями выступают пространства и времени. Данные категории, являясь фундаментальными философскими категориями, оказываются одними из сложнейших в трактовке после категории «материя». Именно их кажущаяся самоочевидность и видимая простота создают в итоге те познавательные проблемы в конкретно-научном познании, которые оказываются принципиально сложными в разрешении. В случае с данными категориями современная фундаментальная наука постоянно возвраща-

ется к феномену познания, зафиксированному в классической форме (по отношению к категории «время») еще Августином Блаженным: «Пока меня никто о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик». Категории пространства и времени (как и категория «материя») настолько фундаментальны, что понимаются абсолютным большинством познающих субъектов именно как тождественные реально существующей материи и ее атрибутам. Тот вроде бы очевидный факт, что они являются результатом человеческого познания и, соответственно, однозначно не могут полностью отражать все свойства соответствующих элементов объективной реальности, остается вне поля зрения. В итоге периодически воспроизводится (в том или ином объеме, с разной степенью остроты) познавательная ситуация начала XX века, когда развитие физики (открытие рентгеновского излучения, открытие электрона, создание специальной и общей теории относительности) привело к кризису науки.

На современном этапе развития общей физики и космологии наблюдается нечто подобное. Это хорошо заметно на примере истории развития представлений о «черных дырах» как одном из важнейших структурных элементов современной модели Вселенной.

Концепция «черных дыр» в ее классическом понимании до настоящего времени трактовала их как системы абсолютно замкнутые. Данная модель «черной дыры» в основных чертах именно так и представлялась в работах С.Хокинга, британского физика-теоретика, одного из основателей современной космологии.

Одним из фундаментальных свойств «черных дыр» – как «обычных», возникающих при гравитационном коллапсе на последней стадии эволюции массивных звезд, так и сверхмассивных в центрах галактик – является наличие «горизонта событий», или «сферы Шварцшильда», границы, за которой гравитация «черной дыры» становится настолько большой, что преодолеть ее можно только превысив скорость света. Поскольку скорость света – предельная скорость распространения взаимодействий, то, согласно теории Эйнштейна, ничто покинуть «черную дыру» не может.

Необходимо отметить, что с философско-методологической точки зрения данная «классическая» модель «черной дыры» в том виде, в котором она понималась в последние десятилетия была принципиально противоречивой. Она подразумевала как реальный разрыв материи, пространства и времени как самой «черной дыры», так и наличие четкой границы между ней и остальной Вселенной (Метагалактики). Но в действительности такого не может быть. Материя, пространство и время

делимы до бесконечности, но не разделены реально. (В известном смысле мы здесь сталкиваемся с познавательной ситуацией, зафиксированной еще в апориях Зенона.)

Сам «горизонт событий» как некая пространственно-образная модель может в данной «классической» трактовке «черной дыры» пониматься, как минимум) трояко: как разрыв в пространственно-временном континууме; как «стена», как реальное непреодолимое препятствие в распространении материальных пространственно-временных изменений; как «петля», поворачивающая вспять какое-либо движение изнутри черной дыры». Считаю очевидным, что данные «предметно-образные» модели противоречит непротиворечивому пониманию материи и ее атрибутов – пространства и времени. Материя есть бесконечная, реально неразделенная, единственно существующая. Она не может иметь «разрывов», то есть «мест», где она отсутствует. Соответственно, и атрибуты материи – пространство и время – обладают такими же фундаментальными свойствами.

Необходимо отметить, что «классическая» модель «черной дыры» согласовывалась не со всеми фундаментальными теориями современной физики в целом. Квантовая теория позволяла энергии и информации покидать пределы «черной дыры» при определенных условиях. Иными словами, «горизонт событий» в данной интерпретации был принципиально проницаемым. Однако данное противоречие долгое время не рассматривалось в качестве существенного.

Вышеназванное противоречие стало весьма острым после того, как Джозеф Полчински (Joseph Polchinski) в 2012 г. разработал модель «горизонта событий» на основании квантовой теории. И оказалось. Что понимание «горизонта событий» как «стены огня» из частиц высоких энергий и потоков излучения противоречит эйнштейновским представлениям.

Данное противоречие между фундаментальными теориями современной физики вызвало уже существенные затруднения. И в 2014 г. С. Хокинг предложил разрешить данный парадокс, «убрав» «горизонт событий» в его классическом (обоснованном им же) понимании.

Согласно его нынешним представлениям, квантовые эффекты в окрестностях «черной дыры» настолько сильно искажают пространство-время, что четкая граница «горизонта событий» просто не может существовать. По мнению С.Хокинга, существует «кажущийся горизонт» (apparent horizon) – некая «поверхность», на которой излучение, исходящее из центра «черной дыры», лишь задерживается. В отличие от «классического» «горизонта событий», «кажущийся» может в какой-то момент исчезнуть, и то, что существовало внутри «черной дыры», мо-

жет выйти наружу. Иными словами, произошел переход от преимущественно пространственной трактовки «горизонта событий» к его пониманию как некоей временной границы, которая задерживает исходящее из «черной дыры» в смысле замедления скорости их распространения.

Таким образом, ученый – создатель теории «черных дыр» – предложил пересмотреть одно из основных положений своей теории – существование «горизонта событий» «черной дыры», из-за которого ни вещество, ни энергия не могут проникать во внешний мир; эта «тюрьма» только временная, а значит, «черных дыр» в их классическом понимании не существует.

Анализируя гносеологические основы данных теорий, необходимо обратить внимание на то факт, что данное замедление можно оценить только по отношению к некоей инвариантной системе отсчета времени (она неявно подразумевается). Но сам факт неявного признания подобной системы отсчета по отношению к «черной дыре», как в «классическом», так и в новом понимании представляется достаточно проблематичным. По сути «черная дыра» понимается как инвариантный макрообъект, который находится в «традиционных», то есть доступных для понимания «здравым смыслом» пространстве и времени в его ньютоновской (даже не декартовской) трактовке. Иными словами, одновременно используются современная физическая модель единства пространства-времени (на основе теории относительности и квантовой теории) и их прежняя философская интерпретация.

В данном парадоксе, по нашему мнению, последнее особенно важно. Здесь общая физика и космология опять подтверждают единство пространства и времени как атрибутов материи в целом, основываясь при этом на «частично-механистическом» понимании современных фундаментальных физических теорий.

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ЛОГИКА В СТРУКТУРЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ

В.С. СТЕПИНА

Н.И. Мушинский, И.И. Терлюкевич, г. Минск, Беларусь

Научная рациональность приобретает особую аксиологическую значимость в контексте вызовов современной эпохи. Не смотря на окончание «холодной войны», научно-технический прогресс в начале третьего тысячелетия порождает новые проблемы и потрясения, требует их комплексного *теоретического осмысления* на основе принципов *логики*, творческого поиска адекватных ответов. Рост индустрии потребления, дальнейшее увеличение масштабов промышленного произ-

водства, приводят к истощению природных ресурсов. Вместе с тем открываются дополнительные возможности: среди прочего, глобальное потепление климата вызвало таяние полярных льдов, сделало более доступными крупные залежи полезных ископаемых арктического шельфа. В результате начинается новый виток борьбы между промышленно развитыми странами. США, используя удачное географическое положение штата Аляска и новейшие разработки в области добычи сланцевого газа, вновь как и в начале XX века получает возможность стать одним из ведущих экспортёров энергоносителей. Аналогичные перспективы появляются и у Российской Федерации, обладающей наиболее протяжённой полосой арктического побережья сравнительно с другими странами (Норвегия, Канада и др.); освобождается от пакового льда Северный морской путь, увеличивается длительность навигации; соответственно усиливается активность по освоению арктических природных богатств: в 2014 г. Россия совместно с ведущими американскими фирмами осваивает программу глубоководного арктического бурения, в Китае заказывает серию супертанкеров ледового класса, первый из которых уже вступил в строй; российские батискафы осуществляют глубоководное погружение в точке северного полюса, устанавливают на дне российский флаг. Правительство США принимает ответные меры: приводит на Украине к власти радикальных националистов, готовых волонтаристическим путём расторгнуть договор аренды Севастополя и лишить Россию базы Черноморского флота, откуда она через черноморские проливы (камень преткновения со времён российских царей, и далее, – с захвата турками Константинополя – «Цареграда», мирового центра православия) имеет выход к нефтеносным районам Ближнего Востока. В ответ Россия вынуждена осуществить аннексию Крыма и поддерживать «восставший Донбас» (никак не согласный «вступать в Европу», поскольку в этом случае неизбежно будут закрыты системообразующие предприятия угольной промышленности, мало соответствующие европейским экологическим стандартам). Тем самым Россия очень быстро теряет международные преференции, полученные в ходе проведения Зимних олимпийских игр, и на неё распространяется «режим санкций» (продолжающийся разворачиваться по своей внутренней логике, независимо от миротворческих процессов на Украине): под запрет с фатальной неизбежностью попадает экспорт энергоносителей в Европу (всё ещё сохраняющую несомненный приоритет в сфере промышленного развития, соответственно – высокий уровень энергопотребления), а также – сотрудничество с американскими фирмами в области глубоководного бурения арктического шельфа.

Указанные процессы несомненно нуждаются в научном комплексном теоретическом осмыслении, чтобы можно было предвидеть дальнейшую тенденцию и дать адекватный ответ происходящему. Есть и другие немаловажные проблемы: расширение НАТО на восток; активизация исламского экстремизма и практики международного терроризма; негативные последствия глобализации и всеобщей информатизации и т.п. На это указывает В.С. Стёпин, акцентируя *теоретико-методологический* аспект *научно-рационалистических исследовательских программ*: «В комплексных исследованиях сложных саморазвивающихся систем, которые всё чаще становятся доминирующими объектами современного естествознания и техники (объекты экологии, генетики и геной инженерии, технические комплексы «человек – машина – окружающая среда», современные информационные системы и т.д.), экспликация связей внутринаучных и социальных ценностей осуществляется при социальной экспертизе соответствующих исследовательских программ» [1]. При этом следует отметить, что основой *научной рациональности* всегда оставалась *логическая упорядоченность* и непротиворечивость, *логика* как философская дисциплина. Обращаясь к *логической* составляющей *научного* поиска, следует сделать несколько важных замечаний с точки зрения субъект-объектных отношений, философии языка, семиотики как науки о знаковых системах.

Перед исследователем, как правило, не возникает вопроса о том, каков объект на самом деле, в отличие от существующего знания о нём. Система знания представляется совпадающей с объектом: объект таков, каким он дан в знании. Такое понимание результатов познания необходимо, и основывается на том, что знание всегда служит людям дважды – сначала для объяснения действительности, а затем в качестве средства, метода при решении тех или иных задач.

Методологическая функция знания в истории науки нередко служила гносеологической основой абсолютизации определённых методов познания. В качестве универсального научного метода выдвигались *общелогические* методы, такие как индукция и дедукция, или общенаучные методы эмпирического познания – наблюдение, эксперимент и т.д. Природа этих методов понималась в отрыве от породившего их предметно-теоретического среза содержательного знания.

Существует различие между языком, на котором даётся информация об объекте, и языком, на котором данная информация кодируется. Первый называется *объектным языком*, второй – *метаязыком*. Благодаря этому и возможно кодирование информации об объекте исследование в языке метода, призванном к тому же описывать и оценивать эту информацию. При формулировке предписаний метода используются

метаязыковые выражения. Перенос информации на иной уровень языка требует точности, ясности, однозначности терминологии и связан с построением формализованных языков. В формализованных языках заданы исходные символы (алфавит языка), чётко и явно сформулированы правила построения и преобразования одних выражений (знаковых последовательностей) в другие. Такой язык может моделировать *логическую* структуру мысли, а также структуру или динамику определённой предметной области.

Однако с течением времени и в иных условиях ясные, точные и однозначные термины могут оказаться в разряде неточных, многозначных, а самые совершенные теории обнаруживают свою ограниченность и неадекватность.

Научное знание представляет сложную развивающуюся систему, в которой возникают новые уровни организации, и, соответственно, создаются новые принципы, приёмы, наиболее продуктивные концепции, регулятивы познания. Наиболее продуктивная концепция влияния внутринаучных и внешненаучных элементов, структуры *теоретического* знания на процесс научного *исследования* представлена в работах В.С. Стёпина.

Научная рациональность традиционно опиралась на принципы логического выведения, «долгое время в логико-методологической литературе доминировало представление о теории как гипотетико-дедуктивной системе..., где из базисных утверждений... строго логически выводятся высказывания нижних ярусов вплоть до... непосредственно сравнимых с опытными фактами...» [2]. Однако в современных условиях с появлением неклассических и постнеклассических систем, *логико-философский* аппарат научного поиска претерпел существенные трансформации, только учитывая которые можно достичь подлинной объективности и беспристрастности в рамках конкретных проблем, особенно касающихся социальной жизни. «Можно выделить... три главных компонента оснований научной деятельности: *идеалы и нормы исследования, научную картину мира и философские основания науки*» [3]. Философско-культурологические идеи В.С.Стёпина, его рассуждения о специфике *научной рациональности* и её *логической* составляющей как основополагающей ценности культуры, имеют важное значение в свете научного осмысления современных социальных трансформаций.

Литература:

1. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание: структура и историческая эволюция / В.С.Стёпин // Философы XX века: Вячеслав Стёпин: материалы Республиканских чтений – 10, г. Минск, 18 ноября 2004 г. – Минск: РИВШ, 2005. – С. 14.

2. Стёпин В.С. *Философия науки. Общие проблемы* / В.С. Стёпин.- М.: Гардарики, 2006. – С. 186-187.
3. Там же. – С. 191.

РОЛЬ ЦЕНТРОВ КУЛЬТУРЫ И СЕЛЬСКИХ ОБЩИН В СОХРАНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Стасе Навасайтене, г. Каунас, Литва

Этническая культура формирует основу каждой национальной культуры. Опыт человека, его зависимость от природы, истории и социальных условий, особенности человеческого характера и антропологических особенностей были отражены в этнической культуре. Быстрые темпы жизни, социально-культурных, экономических процессов, открытые границы, обилие информации, миграция населения представляет угрозу для национальной культуры – исчезают и нивелируется (сливаются) традиции и обычаи, этнографические региональные различия, проходит ассимиляция диалектов. В работе анализируется важность сельских общин, других публичных и общественных организаций на селе (центров культуры, библиотек) в работе сохранения и дальнейшего развития этнической культуры в сельской местности.

Этническая культура состоит из переданных предками верований и практик, проводимых или наблюдаемых конкретными группами людей. Этническая культура является одним из важнейших факторов, который влияет на экономическое развитие, демографическое поведение и общие бизнес-политики во всем мире [Ethnic..., 2009].

Значительную роль в социальной жизни людей играет движение общин превращающиеся в глобальное явление, и решение социальных проблем в среде обитания человека. Поэтому в данной работе внимание уделяется социально-культурной деятельности общин, сохранению культурного наследия и его культурной ценности, чтобы сохранить этническую культуру и местные традиции.

Для выявления важности общественных организаций в сохранении этнической культуры в сельской местности было сделано эмпирическое исследование в восьми сельских местностях Юрбаркского района. Цель исследования – изучить важность центров культуры и сельских общин в сохранении этнической культуры в сельской местности. Объект исследования – сохранение этнической культуры в сельской местности. Методы исследования – анализ научной литературы, вторичный анализ данных, анализ культурных мероприятий и документов развития этнической культуры в Юрбаркском районе.

В начале XXI-го века Литва сохранила свою интересную и своеобразную этническую (традиционную) культуру, развитию которой способствовало относительно позднее крещение страны (15 век) и ее древний язык. До 19-го века Литва жила традиционным образом жизни. Поэтому, даже сегодня у нас есть много сохранившихся явлений традиционной народной культуры, хотя в относительно в небольшой по территории Литве выделяются пять этнографических регионов с населением, говорящим на разных диалектах, носящим различные народные костюмы и празднующим различные сезонные праздники, имеющим захватывающие обычаи и ремесла. Это Жемайтия, Аукштайтия, Судува, Дзукия и Малая Литва.

Надо напомнить, что Европейский Союз не регулирует национальную культурную политику. Культура относится к компетенциям национальных правительств. Но ЕС заинтересован в культурной множественности государств-членов и их культурном сотрудничестве. Правительство Литовской Республики несет ответственность за национальную культуру в своей стране. Министерство культуры решает одновременно две задачи – реализацию согласованной национальной культурной политики и получение можно больше дополнительных возможностей для развития национальной культуры от членства в ЕС [Dovydeniene, 2003].

Правительство обязано поддерживать местные культурные учреждения, оптимизировать их сеть, организовать мероприятия самодеятельного искусства, которые имеют значение для литовской культуры, напр. традиции Праздников Песни, а так же развивать исследования художественной самодеятельности, популяризировать ее, собирать и распространять информацию, поддерживать культуру и искусство местного сообщества [Kultūra ..., 2002].

В деятельности по сохранению этнической культуры очень важна роль сообществ. В настоящее время, в Литве зарегистрировано около 1500 сельских общественных организаций-общин, но на неформальном уровне их намного больше. Там, где нет сельских культурных центров, функции общин осуществляют библиотеки или читальные залы.

Преимуществом культурных центров являются человеческие ресурсы. В большинстве культурных центров работают специалисты с соответствующим образованием. Их слабость заключается в отсутствии материальной базы [Seliukaite, 2006].

Для эмпирического исследования были выбраны восемь сельских местностей Юрбаркского района. Цель исследования – установить положительные примеры практики сотрудничества культурных центров и общественных организаций в области сохранения этнической культуры в Юрбаркском районе. Метод исследования – интервью с работниками

культурных центров и их подразделений, руководителями сообществ об организованных ими мероприятиях, направленных на поддержку этнической культуры и сохранение культурного наследия; продвижении популярности праздников; удовлетворении культурных потребностей членов сообщества. Кроме того, был проведен анализ культурных мероприятий в отдельных сельских местностях Юрбаркского района в 2012 – 2013 гг.

Юрбаркский район имеет живописные окрестности, многочисленные курганы и замки, прекрасные долины Немана, живописные берега рек. Эти объекты напоминают великую историю литовского народа, и поэтому культурные мероприятия неизбежно связаны с сохранением этнического культурного наследия и передачи его молодежи [Jurbarkas ..., 2009].

Традиционные проекты Юрбаркского культурного центра, направлены на поддержку этнической культуры. Например, Республиканский детско-молодежный фольклорный фестиваль «Vieversiuikas ant dirvono», целью которого является ознакомление с отражениями весны и других природных явлений в литовском народном искусстве, содействие детскому творчеству, сохранение художественного наследия литовской нации. В фестивале принимают участие детские и молодежные фольклорные ансамбли, ремесленники, которые демонстрируют ремесла, обычаи и традиции. «Pamituvio armonika» – фестиваль народных оркестров, известный музыкантами и народными капеллами. Праздник ежегодно проводится в марте, приглашаются народные музыканты и народные музыкальные капеллы из всех регионов Литвы.

В одном из старейших и самых интересных городов Литвы – Вельиона – ежегодно проходит один из самых больших и красивых мероприятий в районе Республиканский фестиваль национальных танцевальных коллективов пожилых людей – «Кадриль Вельионы» (Veliunos kadrilis). Этот фестиваль проходит на одном из курганов Вельионы, один раз в год превращающийся в живой, полный участников и зрителей холм, который открывает великолепный ландшафт города Вельионы и долины Немана. Фестиваль успешно включает не только национальный танец, но и народное искусство, игры, пение, демонстрации традиционных ремесел и кулинарного наследия.

Анализ планов и отчетов культурных мероприятий в Юрбаркском районе показал, что во всех сельских местностях, кроме традиционных национальных и государственных мероприятий, существуют фестивали сообщества, в которых привлечены специфичные только для этого региона народные искусства, ремесла и кулинарное наследие. Эти фести-

вали – хороший шанс для местных мастеров, так как они имеют возможность продемонстрировать свои навыки и в то же время заработать.

Во всех изученных сельских общностях фестивали сочетаются с церковными торжествами – традиционно организуются в наиболее популярные в той или иной общине праздники, когда родственники возвращаются в деревню из-за пределов района и даже Литвы.

Во время интервью респонденты рассказали, что работники культурных центров очень активны, они имеют глубокие профессиональные знания, легко находят общий язык с лидерами сельских общин. В одних деревнях более активными являются члены сельских общественных организаций, в других – работники культурного центра. Члены сельских общин могут более активно проявить себя в поиске людей, которые знают старые традиционные ремесла и могут участвовать в образовательных программах для молодого поколения.

Хотя есть и немало трудностей: база законодательства и социальные условия неблагоприятны для деятельности культурных центров. Не существует общих руководящих принципов культурной деятельности, поэтому не была разработана единая модель для управления культурной сферой, а в каждом регионе разрабатываются индивидуальные модели центров культуры, в зависимости от понимания ее местными властями. Услуги профессионального искусства становятся малодоступными в связи с низким финансовым потенциалом сельских жителей. Деятельность культурных центров не очень разнообразна, везде доминируют одни и те же формы деятельности, связанные с песнями, музыкой, театром и танцами. Не хватает зрелых образовательных мероприятий, встреч с учеными, художниками, художественных развлекательных мероприятий, дискуссионных клубов и мероприятий по возрастным группам.

Сотрудничество центров культуры общественных организаций является важным в деле укрепления национальной культуры, которая сочетает в себе опыт работы и практики, другими словами – живых ремесел.

Литература:

1. *Dovydenienė, R.*, (2003). Valstybinės kultūros politikos aspektai Lietuvai stojant į Europos Sąjungą/pranešimas Lietuvos kultūros kongrese 2003 04 09//Liaudies kultūra. Nr. 2.
2. *Ethnic Cultures of the Word* (2009), Available at: www.greenwood.com/catalog/GR9767.aspx
3. *Jurbarkas Municipality* (2009), Available at: <http://www.jurbarkas.lt/index.php?-1000304494>

4. Kultūra. Teisės aktai (2002)//sud. J. Liupkevičius, L. Skuodienė. Vilnius, Lietuvos kultūros darbuotojų tobulinimosi centras.
5. Lietuvos kultūros tyrinėjimai. (1995). /Kultūros ir meno institutas. Vilnius. ISSN 1392-0596.
6. *Seliukaitė I.* (2006). Kultūra ir bendruomenė. Bendradarbiavimo galimybės. Kultūros darbuotojų konferencijos medžiaga. Rokai, pp. 19-25.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ
КАК ФЕНОМЕН ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПА
НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ
Л.И. Нестерова, г. Минск, Беларусь

Содержание образования отражает в себе определенный тип культуры и испытывает на себе влияние обыденного, научного, религиозного, философского знания. Для современной техногенной цивилизации основным феноменом культуры рассматривается наука, а рациональные способы познания, преобразования действительности рассматриваются как доминирующие средства и способы функционирования всего социума, в том числе и системы образования как его составного компонента. Поэтому образовательная сфера в целях своего успешного функционирования должна всегда находиться в одном контексте с развитием научного знания. В этой связи, направления развития образовательных процессов можно анализировать с позиции типов научной рациональности как этапов развития рациональной науки, обоснованных в работах академика В.С. Степина.

Согласно В.С. Степину в конце XX – начале XXI века в основаниях науки происходят новые радикальные изменения, характеризующиеся как четвертая глобальная научная революция, в ходе которой рождается новая, постнеклассическая наука и постнеклассический тип научной рациональности [3]. Анализ философской концепции академика В.С. Степина позволяет следующим образом определить следующие основные черты постнеклассического научного познания:

- изменение статуса знания, которое все менее рассматривается как предмет накопления, а предмет постоянного обновления, способ поиска, отбора, систематизации и управления информацией, средство развития интеллектуальных, познавательных способностей личности. Кроме того, отличительной чертой рационального познания и преобразования действительности является актуализация всех компонентов данного процесса: объекта, субъекта и средств познания, совокупность которых вкпе с отличительными характеристиками определяет результат научного познания;

- модификация объекта исследования. Если классическая наука была ориентирована на постижение все более сужающегося фрагмента действительности, то специфику современной науки определяют комплексные исследовательские программы, ориентированные на познание открытых, саморазвивающихся, зачастую необратимых и вариативных в своем развитии систем. При этом следует отметить: чем больше факторов включается в процесс познания либо жизнедеятельности системы, тем более сложной должна быть исследовательская программа и основательной подготовка самого исследователя, так как деятельность с такими системами требует разработки и реализации новых стратегий;

- модификация содержания и уровней подготовки исследователя или специалиста предполагает овладение технологией межпредметных исследований (прикладных и фундаментальных), системного анализа и синтеза, выявление прямых и обратных связей, прогнозирование, поиск нестандартных решений возникающих проблем, обновление интеллектуального капитала, приведение своей деятельности в соответствие с социокультурной ситуацией, т. е. овладение постнеклассической методологией научной деятельности.

Исследователями в области педагогики одной из проблем современного образования отмечается функциональная неграмотность выпускников учебных заведений, под которой понимается отсутствие умений решения проблем повседневной жизни и профессиональной деятельности [2]. В данной связи, обсуждаемая в настоящее время в научно-педагогической литературе проблема качественной модернизации современного профессионального образования имеет под собой реальную основу, и в разрешении этой проблемы предлагается постепенный переход от знаниево-просвещенческой парадигмы образования к компетентностной, где компетенции выделяются как способности, характеристики современного специалиста, необходимые для решения сложных профессиональных задач в условиях формирования и развития сложных социальных систем. Определение компетенций как новых категорий в содержании современного образования обусловлена качественной трансформацией традиционных образовательных категорий: «знание», «умение», «навык».

Знание в условиях доминирования рациональной науки ассоциируется с научным знанием, является основополагающим компонентом в жизнедеятельности современного общества во всех аспектах. Знание в условиях информационного общества изменяет свое содержание, структуру, качество и не может быть исключительно только предметом накопления, так как в этом случае оно определяет экстенсивный путь развития науки и подготовки современного специалиста. Накопительность

знания более характерна классической модели образования (в контексте триады «знание-умение-навыки»), которая доминировала в эпоху индустриального развития общества, где исключительно расширение знания диапазона рассматривалось как повышение профессионализма. Такой подход был допустим, так как структуры производства мировоззренческие установки не менялись кардинальным образом в течение многих десятилетий.

Наряду с качественным изменением категории «знание» претерпевает подобные изменения категория «умение». Учитывая то, что в современной ситуации информация постоянно обновляется, то и технологии производства, качество жизни, потребности общества также непрерывно изменяются. В этой связи процесс формирования содержания и структуры умений является постоянным и непрерывным, не может рассматриваться окончательно завершенным и должен быть ориентированным на новые стандарты качества в любой сфере деятельности, в том числе и на новое качество знания.

Ослабевает потребность в такой категории системы высшего образования, как «навык», который в педагогической литературе представлен в качестве автоматизированного действия, сформированного путем повторения и характеризуется высокой степенью освоения действия, отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля. Автоматизированные действия современного выпускника высшей школы, не только могут привести к стагнации в образовании и производстве, но и послужить предпосылкой принятия необдуманных и неосознанных действий. Решение современных профессиональных проблем требует развития личной и социальной рефлексии, предметно-рефлексивных отношений, ценностно-смыслового анализа ситуации, системного анализа и синтеза каждой отдельно взятой проблемы, которая не может носить стандартизированный и автоматизированный характер [1].

Качественное изменение триады «знание-умение-навык» вызвало необходимость определения альтернативного подхода в образовании, который получил название «компетентностного». Компетентностный подход зафиксировал себя в системе социально-гуманитарных наук как одно из стратегических направлений модернизации современного образования.

Таким образом, в контексте доминирования постнеклассического типа рациональности разработка на компетентностной основе многоступенчатой подготовки современного специалиста, образовательных программ и стандартов, научно-методического обеспечения наиболее соответствует потребностям развития образовательной сферы и позволит осуществить качественную модернизацию системы профессиональ-

ной подготовки кадров, достигнуть современного качества образования, соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Литература:

1. Данилов, А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации / А.Н. Данилов. – Минск: ООО «Харвест». – 432 с.
2. История педагогики: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под ред. академика РАО Н.Д. Никандрова. – М.: Гардарики, 2007. – 413 с.
3. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В.Т. Новиков, г. Минск, Беларусь

Сопоставление двух фундаментальных видов познавательной деятельности в науке – естественнонаучного и социально-гуманитарного познания, дает возможность выделить и охарактеризовать основные этапы становления и развития обществознания, определив особенности влияния на него естествознания. При этом осуществление данного анализа возможно в двух измерениях. Диахроническое измерение дает возможность проследить влияние методологии естествознания на обществознание исторически последовательно, а синхроническое – на каждом отдельном этапе, «внутри истории». Обратим внимание на диахроническое измерение обществознания.

Прежде всего, отметим, что во многом благодаря работам В.С.Степина, в истории науки стало традиционной классификация, в которой выделяются ее классический, неклассический и постнеклассический этапы. Каждый из них характеризуется специфическими признаками, которые, тем не менее, объединяет одно существенное обстоятельство: это, по существу, признаки исторически варьирующегося познания природы как объективной реальности.

В истории научного обществознания, которая тесно связана с историей естествознания, но не совпадает с ней, можно выделить четыре его основных этапа, или четыре исторические формы. *Первый этап*, охватывающий XVII-XVIII века, наряду со становлением естествознания (натуральной философии) характеризуется началом становления обществознания в форме гражданской (Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. Гроций и др.) и моральной (А. Шейфтсбери, Ф. Хатчесон, Д. Юм и др.) философии, а также классической философии истории (Вольтер, Ж. Тюрго,

Н. Кондорсе Дж. Вико, И.Г. Гердер и др.). В это время возникающие науки о человеке и обществе находились под прямым влиянием возникшего естествознания и, прежде всего, классической механики. Это влияние осуществлялось по двум «каналам»: во-первых, заимствовались составляющие онтологическую основу механистической картины мира ее идеализированные объекты и теоретические модели, что нашло отражение в используемых до сих пор лексических фигурах («социальная инерция», «энергия масс», «центростремительные» и «центробежные силы» в обществе); во-вторых, как и в опытном естествознании, в обществознании, для того чтобы придать ему опытную фундированность, делалась заявка на использование в качестве эмпирического базиса наблюдений обыденного опыта и нарративов исторических событий.

Надо отметить, что хотя заимствование возникающим обществознанием теоретико-методологических образцов естественных наук осуществлялось на основе осознания условности их соответствия явлениям общественной жизни, тем не менее, оно носило принципиальный характер, отражая существовавшее в то время убеждение в единстве природы и общества и, как следствие, в единстве и взаимной дополнительности методологий их познания.

Второй этап, относящийся к концу XVIII-XIX столетиям – время институционализации наук об обществе и человеке. В этот период обретают самостоятельность и оформляются в качестве самостоятельных научных дисциплин со своим предметом изучения, формирующимися традициями, категориальным аппаратом, владеющим соответствующими навыками исследовательской работы штатом специалистов такие науки, как политическая экономия, социология, общая и социальная психология, научная историография, политическая наука, культурология и некоторые другие.

В то же время переход от этапа классической к неклассической философии был означен метафизическим скепсисом и переоценкой принципов классического рационализма, составлявших теоретико-методологическую основу классического обществознания. Он был усугублен стремлением позитивистски ориентированной социологии осуществить методологическую экспансию, заняв освободившееся место «науки наук», но пренебрегая (в духе принципа реификации Э. Дюркгейма) рассмотрением экзистенциально-мировоззренческих аспектов философско-исторического знания.

В это время осознается оппозиция природы и общества как различных онтологических реальностей. Общество начинает рассматриваться как отличная от природы реальность – как социально-культурная реальность, существующая и развивающаяся по имманентным ей законам.

Соответственно, происходит дифференциация наук на науки о природе и науки о культуре (о духе), с характерными для них принципами и методами познания. Отличительной чертой этого этапа становится формирование в науках об обществе собственных теоретических моделей изучаемых сфер социальной реальности и целенаправленный поиск адекватных ей методов исследования, ориентированных не только (и не столько) на объяснение социальных явлений, сколько на *понимание* их.

Если в классическом обществознании господствовала натуралистическая исследовательская программа, допускающая возможность рассмотрения общества по аналогии с природой и признающая правомерность экстраполяции методологического потенциала естествознания на область социально-гуманитарных наук, то теперь начинает складываться культурно-историческая программа. Она оформляется в рамках неклассической философии истории, у истоков которой стояли В. Дильтей и представители Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт, но затем превратилась в исследовательскую программу социально-гуманитарных наук в целом, хотя проблематика рефлексивной (эпистемологической) философии истории продолжала оставаться определяющей в обществознании этого периода.

С утверждением представлений о культуре как отличной от природы онтологической реальности прерогативы культурно-исторической программы значительно расширились. В XX веке ее использование способствовало созданию таких оригинальных философско-исторических концепций, как концепция «морфологии культуры» О. Шпенглера, концепция «локальных цивилизаций» А. Тойнби, концепция общества как суперсистемы П. Сорокина и многих других. Культур-центризм породил еще одну версию интерпретации исторического развития общества – *историцизм*, который исходит из признания неповторимости культуры каждой исторической эпохи, делая отсюда вывод о несопоставимости исторических эпох. Это создает предпосылки для релятивизации исторического познания и, тем самым, представляет опасность для объективности исследования.

Третий этап развития обществознания – неклассический, приходится на большую часть XX века. В этот период истории науки происходит эскалация наметившегося на предыдущем этапе размежевания наук о природе и наук об обществе. Это во многом связано с тем, что ученые-обществоведы, наконец-то обрели собственную методологию познания социума, основу которой составила герменевтика, что позволило им преодолеть своеобразный «комплекс методологической неполноценности», которым до этого страдали науки об обществе и его культуре. Вместе с тем, сознавая исключительно большое значение знаний о

человеке, обществе, культуре в отличающемся историческим динамизмом и трагизмом XX веке (не случайно названном О. Мандельштамом «веком-волкодавом»), происходит реабилитация метафизической проблематики в социально-философском и гуманитарном знании. В то же время ученые-гуманитарии зачастую увлекались детальной разработкой специализированных проблем обществознания. Ими был сделан крен в другую сторону – в сторону абсолютизации роли, как самого обществознания, так и его методологии в науке в целом.

Вместе с тем, в этот же период интенсифицируется еще один наметившийся ранее дифференциальный процесс. Речь идет о разделении самих наук о человеке и обществе на социальные и гуманитарные, которые характеризуются наличием специфического предмета познания и собственными приоритетными методами исследования. И хотя, как было принято считать, эта дифференциация является достаточно условной, она принималась в качестве отличительной особенности социальных и гуманитарных наук.

Наконец, на современном, *четвертом этапе* развития обществознания, начало которого относят к последней четверти XX века, все более востребованной и заметной становится тенденция к сближению, как, с одной стороны, социальных и гуманитарных наук (что означает восстановление единства социально-гуманитарного знания), так, с другой стороны, обществознания и естествознания.

Происходящие интеграционные процессы в науке проявляются в различных формах: в трансляции теоретических моделей в новые области науки, в появлении новых междисциплинарных областей знания, но, пожалуй, наиболее отчетливо, – в возникновении и эффективном использовании междисциплинарных технологий познания. В современном социально-гуманитарном познании наиболее перспективными и востребованными общественной практикой оказываются как раз исследования, осуществляемые в процессе взаимодействия различных наук. В экономических науках – это разработка междисциплинарных проектов «на стыке» с психологией, социологией, социальной экологией, правоведением и этикой, в исторических науках – с культурологией, социологией, психологией, религиоведением. Продуктивным является сотрудничество ученых-юристов с этиками и социологами, политологов – со специалистами в сфере социологии, психологии, социальной коммуникации, филологов – с нейролингвистами.

В этой связи сошлемся на заимствованную из нелинейной термодинамики и весьма эффективно используемую в современном обществознании методологию синергетики. Эта ссылка тем более показательна, если учесть, что первое издание на французском языке ставшей ны-

не широко известной, даже «знаковой» для современной науки, книги И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса», – «Новый альянс». Этим названием авторы хотели зафиксировать наметившуюся интеграцию естественных и социально-гуманитарных наук, предвидя в ней важную роль синергетического подхода.

Тем самым, в анализе процессов становления и развития социально-гуманитарного знания продуктивным оказывается компаративный подход, выполняющий функцию своеобразной исследовательской парадигмы. Его использование дает возможность расширить спектр наших представлений как о тех чертах обществознания, которые являются специфическими для него, так и о тех, которые являются общими с естествознанием, а также эксплицировать специфику проблемного поля и методологического арсенала обществознания в процессе его становления и развития.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

О.В. Новикова, г. Минск, Беларусь

Хотя влияние ценностных установок на познание человеком общественных явлений было подмечено еще в XVIII веке, в философию социально-гуманитарного познания проблематика ценностей была введена неокантианцами и М. Вебером, исходившими из того, что постижение социальных действий возможно лишь в соотношении с ценностями, задающими нормы поведения и цели деятельности человека. В отечественной традиции *ценность* чаще всего трактуется как проявляющаяся в социальной деятельности, общении, межличностных и общественных отношениях значимость для человека и социума объективных свойств предметов, явлений и событий действительности. Особенно заметно, как следует из работ В.С. Степина, социально-культурные ценности влияют на современную науку, в которой они включаются в структуру исследования, задавая каноны постнеклассической научной рациональности.

Ценности выполняют регулятивную и нормативную функции, определяя ориентиры поведения и деятельности человека. Влияние ценностей на социально-гуманитарное познание и его результат – знание различается в зависимости от типа познавательной деятельности. Особую роль социально-культурные ценности играют во вненаучном познании, которое, в отличие от научного, иногда характеризуют как духовно-практическое познание, подчеркивая, тем самым, его служебную роль по отношению к сферам практической жизни общества. Среди основных форм вненаучного знания – мифологическое и религиозное, худо-

жественное и моральное, правовое и экономико-практическое и др. Этот тип знания соотносится с соответствующими формами общественного сознания и определяется потребностями решения задач в конкретных сферах общественной жизни. В экономической или политической практике при всей значимости научно-теоретических разработок все-таки предпочитают опираться на функциональное экономическое и политическое знание, учитывающее принятую в данном обществе систему ценностей, традиции, наконец, политическую конъюнктуру.

В социально-научном познании влияние культурных ценностей проявляется через ценностные установки исследователя и его оценки, в которых общественные влияния предстают с точки зрения их значимости для человека. Оценка, воспроизводя объективные свойства явлений, выражает определенное отношение к ним. В философии социально-гуманитарного познания сложились два основных подхода к интерпретации *роли оценки* в научном исследовании.

Первый из них, основываясь на признании практической природы познания, исходит из того, что оценка имеет не только мировоззренческое, но и гносеологическое назначение. С этой точки зрения, хотя социогуманитарное познание носит ценностно-оценочный характер, влияющие на познание ценности реальной жизни не искажают объективность знания, а наоборот, способствует его достижению. Это связано с тем, что отношение человека к миру всегда опосредовано практикой – его материально-преобразующей деятельностью.

Второй подход связан с отказом от использования оценки в науке на том основании, что она ведет к субъективизации социально-гуманитарного познания, а, следовательно, к получению недостоверного результата. М. Вебер подчеркивал, что в эмпирических дисциплинах должна существовать «свобода от оценочных суждений», а в общественном познании неприменима оценка. При этом немецкий мыслитель различал две группы оценочных суждений. Во-первых, мнения действовавших лиц истории, считая, что их учет необходим и содействует объективности исследования. Во-вторых, оценку исследователя, которая искажает реальную картину событий. По его словам, в общественном познании действует принцип «отнесения к ценности» объекта, но неприменима оценка.

Таким образом, в методологии социально-гуманитарного познания по вопросу взаимоотношения истины и ценности можно выделить две основные точки зрения. *Первая* предполагает, что наука должна быть ценностно-нейтральной и объективная истина является ее главной ценностью. *Вторая* связана с признанием того, что учет ценностей составляет необходимое условие научного познания, результаты которого подвержены влиянию социально-культурных факторов. В этом случае

перед методологами возникают вопросы о том, возможна *одна или несколько истин* в социально-гуманитарном познании, и достижима ли в нем истина вообще?

Существует несколько ответов на поставленные вопросы. *Первый из них* является традиционным для отечественной философско-методологической традиции, который, опираясь на гносеологический оптимизм, говорит о принципиальной достижимости истины в социально-гуманитарном познании. Полученный результат – это единственно истинное знание, обязанное в отличие от заблуждения удовлетворять критериям объективности, диалектики абсолютности и относительности, наконец, конкретности отражения в нем познаваемой действительности.

Второй ответ связывается с мнением, что современное общественное сознание должно избавиться от наивной веры в объективность научных методов, поскольку познание социума имеет релятивный характер – полученное знание всегда неполно, неточно, имеет относительно истинный характер. Такой позиции придерживался, в частности, К. Поппер, обвиняя социально-гуманитарное знание в «грехах» историзма и профетизма и отрицая существование объективной истины как таковой.

Авторы *третьего ответа*, утверждая плюрализм истин, настаивают на возможности достижения в нем объективной истины. При этом подчеркивается, что такая ситуация характерна для современной постнеклассической науки, для которой истина выступает и как соответствие знания объекту, и как характеристика способа деятельности. Существование многих истин объясняется ими наличием «предпосылочного» знания и характерным для современного демократического общества принципиальным равноправием разных стратегий познания. Эту позицию обосновывают С.А. Лебедев, В.Г. Федотова, некоторые другие российские философы.

Наконец сторонники *четвертого ответа* рассматривают истину как характеристику знания, оппозиционную его практической значимости. Согласно данному подходу, существуют два основных типа знания, каждый из которых имеет свои прерогативы – *предметное* и *технологическое* знание. Характеристикой предметного знания выступает истинность, а технологического – реализуемость. В частности, подобная точка зрения свойственна известному российскому методологу Г.П. Щедровицкому, считавшему, что основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т.п. проверяются не на истинность, а на практическую реализуемость.

Тем не менее, для научного познания основной ценностной ориентацией является достижение истины, а его результаты обладают самостоятельностью, и могут быть востребованы практикой позже. Как вненаучное социально-гуманитарное познание, так и донаучное (обыденное) непосредственно направлены на решение практических задач и, имея в этом смысле служебную роль, прямо соотносятся с ценностями общественного бытия и социальными идеалами. Поэтому квалификация достоверного знания как истины, характерная для научного познания в донаучном и вненаучном познании дополняется, а то и вытесняется его квалификацией как правды.

Хотя существуют различные концепции истины, наиболее популярной и фундированной является корреспондентская концепция, согласно которой, истинное знание – то, которое соответствует действительности. На этом понимании истины «стоит» вся официальная философия науки, но при этом возникает проблема корреляции в социально-гуманитарном познании *истины* и *правды*.

Можно согласиться с существующим мнением, что истина есть прерогатива научного познания, а правда – вненаучного познания (правда жизни, художественная или историческая правда), и что истина – это гносеологический феномен, а правда – его мировоззренческий аналог, но данные констатации все равно оставляют чувство неудовлетворенности, «отлучая» истину от правды. Суть проблемы, вытекающей из уравнивания статуса истины в социально-гуманитарном познании с ее естественнонаучным коррелятом, заключается в игнорировании экзистенциальных проблем социального бытия человека и, как следствие, пренебрежении пониманием общества как мира человеческой деятельности – как объективно-субъективной реальности.

Особую актуальность проблема диалектики истины, социокультурных ценностей и правды приобрела в философской мысли России XIX – начала XX веков – в обществе, в котором роль традиционных коллективистских ценностей и социальных идеалов была чрезвычайно велика. Пафос обсуждения проблемы истины в русской социально-философской мысли данного периода в следующем: жизнь диктует свои правила, которые закреплены в общественных ценностях и социальных идеалах и именно с ними, а не с формально безличными установлениями рассудка, должны соотносываться наши представления о том, как должна быть устроена эта жизнь.

Сентенция, согласно которой «*жить надо по правде*», выглядит весьма тривиальной. Но эта тривиальность исчезает, если принять во внимание неоднозначность самого понимания правды. Как было принято считать в русской социально-философской и литературно-

публицистической литературе этого времени, существуют два вида правды – *«правда-истина»* и *«правда-справедливость»*. Первая рассудочна и навязывается нам как необходимость, подобно нормам формального права, которые человек вынужден выполнять независимо от своего отношения к ним; отсюда – в качестве синонима – *«правда-необходимость»*. Вторая составляет основу жизни и служит критерием оценки событий. *«Правда-справедливость»* является главным регулятором жизни общества и верховной ценностью познания – таков лейтмотив осмысления данной темы, характерный для работ П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Б.А. Кистяковского и ряда других мыслителей.

Следует признать, что современное научное социально-гуманитарное познание постепенно избавляется от академизма, осознавая тесную связь с социальными идеалами и интересами и отыскивая точки соприкосновения с донаучным и вненаучным познанием общественных явлений. Это естественное явление, являющееся иллюстрацией соответствия современного обществензнания характерному для социальной эпистемологии рассмотрению науки как особой формы духовной культуры.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

А.Т. Павлова, г. Минск, Беларусь

В.С. Степин рассматривает социальные инновации в контексте социокультурной динамики. Любые инновации (технические, экономические, управленческие) могут иметь самые глубокие социальные последствия. Этот вывод особенно касается социальных инноваций, которые определяются в социологии как процесс преобразования социокультурных норм и образцов, обеспечивающих институциональное оформление и закрепление нововведений в сфере духовной и материальной культуры общества.

К социальным инновациям относятся новые стратегии, концепции, идеи и организации, которые удовлетворяют любые социальные потребности – от условий труда и образования до развития сообществ и здравоохранения, способствуя расширению и упрочению гражданского общества.

Теория и практика инноваций всегда были сложными и неоднозначными. Однако решение ряда проблем, обнаружившихся в современных условиях ее развития и выражающихся в почти полной разрегулированности и неадекватности социальных механизмов осуществления инновационных процессов, достаточно однозначно требует использования социогуманитарного знания, его конкретных методов и подходов

для исследования социальных инноваций как средства оптимизации инновационных процессов и построения инновационной деятельности на всех уровнях. Такой процесс называется инновационной диагностикой.

Инновационная диагностика предполагает осуществление процедуры анализа, диагноза и прогноза относительно конкретного нововведения. Это позволяет планировать не только алгоритм осуществления данного нововведения, но и прогнозировать конкретные последствия в широком комплексе общественной системы, с учетом специфики ее функционирования, что дает возможность заранее подготовиться к появлению различных побочных явлений, конфликтов и противоречий в процессе инновационной деятельности: либо предотвратить их, либо смягчить отрицательные последствия.

В современном социальном государстве именно социальные инновации формируют инновационную среду, которая способствует научно-техническим, технологическим и информационным нововведениям, обеспечивают их ускорение, повышение эффективности использования новой техники и технологий, сокращение инновационных издержек.

Сегодня можно сформулировать две основные точки зрения на сущность социальных технологий.

Первая точка зрения состоит в том, что социальные технологии имеют смысл, только если вводят социальные инновации в различные направления социальной практики. В число инноваций, согласно данной точке зрения, входят социальные исследования, разработка исследовательских программ, выработка моделей, социальный эксперимент, создание новых методик, технологии выработки критериев оценки эффективности. Инновации включают в себя специальные средства, позволяющие сделать их реальностью. Реализация социальной технологии – это:

- 1) анализ социальной реальности, социального объекта;
- 2) разработку социальной технологии изменения объекта;
- 3) распространение (внедрение) социальной технологии;
- 4) исследование развития объекта технологического воздействия;
- 5) оценка полученных результатов в ходе воздействия.

Необходимость применения социальных технологий обусловлена тем, что практическому действию всегда предшествует какая-либо модель, макет, проект этого действия, т.е. возможный вариант его реализации. Социальная технология рационализирует последовательность возможных практических действий, упорядочивает их. Суть социальной технологии – не в том, что делать, а в том, в какой последовательности. Наконец, согласно данной точке зрения, суть социальных технологий

состоит также в том, что необходимо проектировать и прогнозировать не только сами практические действия, но и их возможные последствия. Таким образом, согласно данной точке зрения социальные технологии необходимы как инструмент для внедрения социальных инноваций в различные направления социальной практики.

Вторая точка зрения состоит в том, что существование социальных технологий связано с самой социальной реальностью. Дело в том, что социальные технологии обуславливают протекание социальных процессов, ведь если рассматривать социальные технологии как последовательность операций, то они и есть социальный процесс. Однако отождествление этих понятий было бы неправильным. Суть социальной технологии, согласно данной точке зрения в том, чтобы, учитывая все объективные и субъективные условия, спроектировать оптимальное развитие социального процесса. Для этого процесс анализируется с точки зрения его вида, типа, характерных особенностей, внутреннего механизма, сопутствующих условий, интенсивности, направленности. Таким образом, посредством социальных технологий формируется исчерпывающий «реестр» социальных процессов.

При анализе социальных процессов их носители – субъекты, а в связи с этим – субъективные и объективные предпосылки. Установлению подлежат и организационные формы социальных процессов. Решение указанных вопросов напрямую ставит проблему необходимости проектирования, так как любая социальная технология, имеющая своей целью проектирование и внедрение, ориентирована на технологизацию соответствующего процесса. При этом смысл технологизации социальных процессов состоит в следующем:

- 1) формирование процесса;
- 2) придание ему целевой направленности;
- 3) его оптимизация;
- 4) обеспечение его устойчивости;
- 5) создание механизма саморегуляции.
- 6) обеспечение благоприятных сопутствующих условий для разви-

тия.

В эпоху глобализации проблеме социокультурных последствий социальных инноваций должно быть отведено одно из главенствующих мест в системе управления, так как именно она ориентирована на ценности, смыслы, включенные в широкий социальный контекст.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВРАЧА:
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНТРОЛЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Г. Пацеева, г. Минск. Беларусь

Профессиональная культура, определяет основные практики реализуемой деятельности и её смыслы. В свою очередь, профессиональная культура врача находится под воздействием новых условий, связанных с широким контекстом трансформации как социальной, так и профессиональной реальности. Профессиональная культура является органической частью общей социальной культуры.

Профессиональную культуру целесообразно рассматривать как саморазвивающуюся систему норм, ценностей и представлений, регулирующих процесс профессиональной деятельности, взаимодействие между членами профессиональной группы и определяющую функциональные отношения профессиональной группы с другими группами и общественными институтами.

Одним из принципов внутренней дифференциации является «уровнево» структурирование профессиональной культуры: индивидуальная профессиональная культура и культура профессиональной группы как целого – институциональная. Основным критерием дифференциации здесь выступает направленность этих ценностей на формирование индивидуальной профессиональной деятельности, либо направленность на поддержание групповой интеграции профессионалов, обеспечение соответствующей легитимизации профессиональной группы в социальном пространстве.

Функции, ориентированные на внешнее определение профессиональной группы, могут быть объединены в группу внешних, как обеспечивающие взаимодействие и взаимосвязь её с другими профессиональными и социальными группами. Смысл этих функций заключается в конструировании профессии в социальном пространстве и легитимизации профессии.

На современном этапе специалисты, как отечественные, так и зарубежные отмечают явления, свидетельствующие о кризисных тенденциях в сфере доверия врачам. Об этом прямо пишут российские и западные исследователи. [2,3] Об этом косвенно свидетельствуют исследования, имевшие место в Республике Беларусь. [4]

Врачевание, как специфический вид деятельности еще со времен предшествовавшего ему шаманизма было окутано атмосферой таинственности. Пациентам зачастую непонятен смысл врачебных технологий, в которые они вовлекаются, а попытка самостоятельно проникнуть в их

суть без медицинского образования, чревата нарастанием недопонимания. С другой стороны, адекватный контроль функционирования системы здравоохранения может быть реализован лишь самим врачами. Всё это приводит к особому, закрытому статусу профессионального врачебного сообщества. Пациенты вынуждены доверять профессионалам, не обладая достаточными знаниями для оценки адекватности квалификации врачей, назначаемых ими лечебных процедур. Контроль профессионального сообщества возможен как одна из функций врачебной деятельности, то есть осуществляется самим профессионалами. Непрофессионал, человек, не включённый в систему профессионального взаимодействия, не в состоянии оценить адекватность врачебной деятельности.

Таким образом, одним из условий легитимизации профессии в социальном пространстве становится трансформация принципов внутри профессионального контроля.

Традиционные формы контроля профессиональной деятельности врача связывались преимущественно с индивидуально-личностными особенностями врача-профессионала. Предполагалось, что глубокое усвоение норм деонтологии и медицинской этики, априори будут удерживать врача от осознанных и целенаправленных нарушений в лечебной практике. Фактически уже в клятве Гиппократов постулировалось честное, безукоризненное исполнение врачебного долга. [5]

Логика исторического развития медицины, как социального института, включала в себя переход от медицинской практики профессионалов-одиночек к командным формам работы. [6] Эта логика обусловлена как социальными причинами, так и научно-техническими достижениями современной медицины. По мере роста медицинских знаний и развития медицинских технологий, набирает скорость процесс специализации в рамках врачебной профессии. Принятие решения относительно диагноза и лечения зависит теперь не только от опыта и мастерства отдельного врача, но и от результатов работы целой команды различных специалистов. Очевидно, что эта работа требует не только высокого уровня качества осуществления ими необходимых действий, но также высокого уровня доверия друг к другу.

Современные этические кодексы, призванные регулировать врачебную деятельность включают статьи, посвящённые институциональному контролю профессии. Сопоставление этических кодексов белорусских и канадских врачей, обнаруживает ряд отличий в принципах взаимодействия профессионалов между собой. [7.8] Например, белорусский кодекс обязывает «препятствовать медицинской практике бесчестных и некомпетентных коллег», но не предполагает институализированных форм этого препятствования. Здесь нет прямого указания, какими мето-

дами – обсуждением в кругу коллег своего подразделения, обращением в суд, в профессиональные ассоциации – должен профессиональный врач достигать задач преемственности. В белорусском кодексе, в отличие от канадского нет однозначного указания на необходимость «информировать соответствующие органы о случаях любого непрофессионального поведения коллег», что во многом решает этические проблемы непосредственного взаимодействия между коллегами.

Врачебная деятельность это сложный высоко институализированный вид деятельности. Помимо традиционного для медицины взаимодействия врач-пациент, на современном этапе особое значение приобретает институциональный аспект этого взаимодействия, а именно взаимодействие профессионалов и уровень врачи, как профессиональная группа – общество в целом.

Современная трансформация профессиональной культуры врача предполагает развитие форм внутрипрофессионального контроля. Традиционная форма контроля профессиональной деятельности, центрированная на личности профессионала, выходит на институциональный уровень. Развитые формы контроля профессиональной деятельности открывают перспективу повышения её качества, что в перспективе окажет воздействие на легитимизацию профессии в социальном пространстве, обеспечат более высокий уровень как системе здравоохранения, так и отдельному врачу.

Литература:

1. *Кочергин В.Я.* Профессиональная культура и социальные технологии/ В.Я. Кочергин. – Минск : БГЭУ, 2007. – 178 с.
2. *Аронсон П.* Утрата институционального доверия в российском здравоохранении./ П. Аронсон // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – №2. – С. 120-131.
3. Kassirer, J.P. Doctor Discontent / Kassirer, J.P. // New England Journal of Medicine. – 1998. – Vol. 339. № 21 – P. 1543-1545.
4. *Кучко Е.Е.* Социологический анализ потребления лекарственных средств населением республики Беларусь./Е.Е.Кучко// Социология. – 2011. – № 4. – С. 90-97.
5. Клятва Гиппократа // Медицина и право. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.med-pravo.ru/Ethics/VowHippocr.htm>. –Дата доступа 15.01.2013.
6. Saltman R.B. Critical challenges for health care reform in Europe./R.B. Saltman, J Figueras, C.Sakellarides – Open University Press, 1998. – 256 p.
7. Professionalism in medicine./ CMA series of health care discussion papers; ed. J. R. Williams. – Canada, 2001. – 24 p.
8. Биомедицинская этика: Практикум /Под общ. ред. С.Д. Денисова, Я.С. Яскевич – Мн.: БГМУ, 2011.– 255 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В XXI ВЕКЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

О.Л. Познякова, г. Минск, Беларусь

Одним из актуальных вопросов социальной теории и практики XXI века становится разработка основополагающих принципов доктрины международного сотрудничества. Взаимодействие различных социальных групп на государственном и межправительственном уровнях имеет своей первостепенной задачей ликвидировать или минимизировать нищету и безработицу, колоссальную материальную дифференциацию в планетарном масштабе, развитие толерантности и укрепление солидарности в отношениях между этническими, культурными, религиозными и языковыми группами и нациями, внедрение общих ценностей, которые могут объединять разные цивилизации и способствовать развитию культуры мира и взаимопонимания.

Следует отметить, что любая доктрина, создаваемая с целью координации действий людей по осуществлению предполагаемых целей, должна *не просто схоластически себя декларировать, а опираться и исходить из общего понимания и представления направленности исторического развития общества*. Поверхностным можно было бы назвать мышление, заявляющее о тактических шагах в контексте выбранной стратегии, и не ссылающееся при этом на онтологические, антропологические, этические и иные основания ожидаемых действий.

Такое наиболее общее представление о целях, направленности и движущих силах развития общества разрабатывается мыслителями в контексте философии истории. Соответственно, и фундаментальные принципы доктрины международного сотрудничества в современном мире необходимо искать в определенной философско-исторической модели. Важно отметить и то, что на современном этапе развития мировой цивилизации человечество оказалось заложником непреодолимых кризисных ситуаций, порожденных техногенной цивилизацией и научно-техническим прогрессом. В связи с этим о нашей эпохе часто пишут, как о времени переоценки ценностей, поиска новых путей цивилизационного развития. Причем, как утверждает В.С. Степин, «из набора сценариев возможного будущего, среди которых большинство катастрофических, человечеству предстоит отыскать наиболее благоприятные, обеспечивающие не только его выживание, но и устойчивое развитие» [1, с.3].

По мнению российского академика, строго однозначного прогноза развития цивилизации в ближайшем и отдаленном будущем никто не берется делать, поскольку только для очень простых систем, стабильно

воспроизводящих свои состояния, предсказания могут быть строгими. «Когда ставится задача предсказать дальнейший ход исторического процесса, то реально выстраивается несколько сценариев. Какой из них реализуется, заранее определить невозможно, так как превращение потенциальных вариантов в действительность зависит от множества факторов, в том числе и случайных» [1, с.3]. Все, что возможно сделать сейчас – это обозначить веер возможностей и в лучшем случае определить, какие из них более, а какие менее вероятны.

В связи с этим, сегодня как никогда ранее представляется актуальным эксплицировать позитивную философско-историческую модель развития общества, которая давала бы людям надежду на выживание, прекращение войн и дальнейшее мирное существование. В поисках приемлемой программы развития будущего цивилизации мы предлагаем обратиться к историко-философскому наследию немецкой классики, и в частности к социально-историческим воззрениям И. Канта. Актуальность выбранного подхода обусловлена тем, что, во-первых, кантова концепция развития общества глубоко *антропоцентрична*, ибо задает основополагающей целью истории развитие наилучших задатков индивида как представителя всего человеческого рода. И, во-вторых, кантов сценарий позитивен, поскольку в нем утверждается *возможность* и *необходимость* установления «вечного мира» на земле.

Используя философско-исторические воззрения И. Канта в качестве концептуально-методологической основы, а также на основании выявленных и обоснованных И. Кантом в своем философско-историческом учении универсальных ценностей сформулируем *принципы доктрины международного сотрудничества в XXI веке*.

- Принцип универсальности морали, фундаментом которого служит категорический императив И. Канта.

- Принцип универсальности идеи Просвещения как перманентного процесса, нацеленного на превращение категорического императива в основополагающий регулятив деятельности и поведения людей.

- Принцип ориентации на идею достоинства личности при разработке правовых документов как государственного, так и международного формата.

- Принцип ориентации на идею правового «всемирно-гражданского состояния» при разработке и реализации проекта глобального политического мироустройства.

- Принцип ориентации на идею «вечного мира» в контексте построения глобальной стратегии выживания человечества.

- Принцип ориентации на идею космополитического мироустройства при реализации проекта правового «всемирно-гражданского состояния» и концепции «вечного мира».

Следует отметить, что предложенный подход не редко подвергается критике со стороны оппонентов европоцентризма. По их мнению, ценности, сформулированные европейскими мыслителями еще в эпоху Нового времени, активно навязываются в современном мире неевропейским странам. Контраргументом в контексте такой критики может выступить указание на формальность категорического императива и его тотальную не привязанность к каким-либо конкретным эмпирическим реалиям. Обоснованный И. Кантом универсальный характер как теоретического, так и практического разума, а также отсутствие ссылок на конкретные поведенческие стереотипы, сложившиеся в многонациональном и поликультурном обществе за всю историю существования человечества (то, за что обычно критикуют кантовскую этическую систему) может послужить основанием для присвоения категорическому императиву статуса универсального принципа в контексте современной доктрины международного сотрудничества.

Литература:

1. Степин, В.С. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007. – 639 с.

ДВА ПРОЕКТА КРИТИКИ РАЗУМА:

И.КАНТ И Ф.НИЦШЕ

Т.Г. Румянцева, г. Минск, Беларусь

В своем выступлении на российской конференции «История философии: вызовы XXI века» академик В.С. Степин акцентировал роль и значение историко-философского знания при создании новых философских идей. Он, в частности, показал, что «при изложении любой новой философской идеи в систему аргументации всегда включаются ссылки на соответствующий историко-философский материал»[1, с.20]. Учитывая тематику данной конференции, ориентированной на осмысление научной рациональности как одной из высших ценностей культуры и тех вызовов, которые предъявляет ей современная эпоха, не лишним было бы обратиться к анализу тех проектов критики разума, из которых проистекают многие широко распространенных сегодня установки. Речь идёт о таких фигурах европейской мысли, как И.Кант и Ф.Ницше, которых, при всей их противоположности, объединяет то, что оба мыслителя провозгласили в своё время главным делом философии – *критику разума*.

Канта часто упоминают, прежде всего, как создателя критической философии и критического метода, творца оригинального эпистемологического проекта, направленного на тщательное изучение того, *что* мы можем знать и *как* мы можем знать путем изучения способа работы нашего разума. Свою критическую философию он с самого начала разрабатывал, противопоставляя её традиции спекулятивной метафизики, игнорировавшей необходимость анализа предпосылок и возможностей человеческого разума. Провозглашая свой метод критики разума и, полагая, что эта критика должна затрагивать всякое его притязание на познание и истину, т.к. «ничто не должно от неё ускользнуть», Кант, однако, ни в коей мере не подвергал сомнению возможность достижения самой этой истины. Речь шла о выявлении лишь необоснованных претензий разума и догматических предрассудков о его всесии. Об этом он и писал в Предисловии к 1-му изданию «Критики чистого разума», подчеркивая, что наш век «не намерен больше ограничиваться мнимым знанием и требует от разума, чтоб он вновь взялся за самое трудное из своих занятий – за самопознание и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания – не путем приказа, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как *критика* самого *чистого разума*» [2, с. 11]. Исследуя диапазон познавательных сил разума, философ превратил его в трибунал, перед которым должно предстать всё существующее, в том числе и сам разум с порождаемыми им иллюзиями. Исследованию этих иллюзий и посвящена его трансцендентальная диалектика, в которой он выявил ложные притязания разума – *что* и *почему* он не может, хотя и хочет. Всячески критикуя этот разум, философ одновременно акцентировал его необходимую и конструктивную роль в научном познании, когда идеи разума выполняют важную регулятивную функцию, направляя познавательную и практическую деятельность человека и задавая ей нравственные императивы.

Принято полагать, что именно от Канта и ведет своё начало тот этос философского и научного познания, который вот уже на протяжении двух последних столетий был наиболее действенным и конструктивным. Имеется в виду идея о том, что философия должна быть критическим вопрошанием о настоящем, когда философ перестает покоряться действительности и творит новые ценности, утверждая законодательный характер своей науки.

Радикальным продолжателем критического дела Канта становится другой немецкий мыслитель – Ф. Ницше. Хотя, разумеется, для Ницше с его беспощадным радикализмом, Кант как критик кажется чрезвычай-

но непоследовательным. Ницше, в частности, полагал, что, притязая на тотальную критику, Кант на деле осуществляет лишь политику компромисса, не покушаясь ни на познание, ни на истину. Отвергая лишь злоупотребления и нарушения познания, он, по мысли Ницше, никак не подвергает сомнению рациональный характер этого познания.

В своей критике разума Ницше пошёл гораздо дальше; он отверг не только ложные истины, но и рациональное познание как таковое, понимая под последним всего лишь заблуждение и фальсификацию. Он полностью отверг рациональную трактовку истины в качестве главной цели познания, полагая, что это место принадлежит самой жизни с её страстями и влечениями. Широко известны его высказывания о том, что «в жизни есть лишь желания и их удовлетворения, а что между ними – истина или заблуждение – не имеет существенного значения». Значительно опережая по времени своих будущих последователей, согласно которым рациональность как ориентир в понимании мира и как способ проектирования человеческой деятельности потерпела полный крах, Ницше отрицает объективный характер истины и то, что она вообще выражает отношение самих вещей, что «нужно, поэтому только найти, открыть – она есть нечто, что нужно создать». Истинам, как вполне логичным, несущим на себе печать общезначимости, «затасканным, захватанным, химерам», сконструированным бездушным рассудком, он противопоставляет заблуждения, ибо только они способствуют сохранению и возрастанию жизни. Так, истина превращается в то же заблуждение, только неопровержимое («что удастся, то и истинно») [3, 171]. Так как реальность он трактует в качестве неупорядоченного потока становления, то все категории мышления – это не более чем антропоморфизирующие мир упрощения и предрассудки разума, от которых надо отказаться, противопоставляя им энергетику воли к власти. «Настало время заменить кантовский вопрос: «как возможны синтетические суждения а priori?» другим вопросом: «зачем *нужна* вера в такие суждения»? ... синтетические суждения а priori не должны бы быть вовсе «возможны»; мы не имеем на них никакого права; в наших устах это совершенно ложные суждения. Но, конечно, нужна вера в истинность, как вера в авансцену и иллюзия, входящая в состав перспективной оптики жизни» [4, с. 249].

Наряду с такого рода гносеологическим прагматизмом Ницше отдаёт приоритет в познании инстинктивно-бессознательному, непосредственно-интуитивному началу, считая, что разум не способен понять жизнь: «даже в самом мудром человеке он составляет исключение: хаос, необходимость, вихрь – вот правило». Не лгут только чувства, «мы сами вносим ложь в их свидетельства, приписывая явления единство, вещественность, субстанцию, положительность и т.д.» Таким образом, Ниц-

ше подвергает сомнению принципиальную важность разума и рациональности в человеческой жизнедеятельности.

Упрекая Канта в том, что ему не доставало подлинной критики разума, Ницше полагал, что тому так и не удалось раскрыть инстанцию, которая должна проводить эту критику, ибо у Канта критика стала критикой разума со стороны самого разума, когда тот является одновременно и судьёй и подсудимым. По словам Ж. Делёза, «критической инстанцией (у Ницше – Т.Р.) не является ни «сложившийся» человек, ни какая-либо возвышенная форма человека, духа, разума или самосознания... Критическая инстанция есть воля к власти, а критическая точка зрения – точка зрения воли к власти... Цель критики: не цели человека или разума, но, в конечном счете, сверхчеловек, превзойденный, преодоленный человек» [5, с. 199].

Несмотря на все попытки радикального продолжения-преодоления в творчестве Ницше кантовской критики разума, именно эта, кантовская критика по-прежнему сохраняет сегодня непреходящее значение. В наши дни остаётся чрезвычайно актуальным кантовский призыв «иметь мужество пользоваться *собственным* разумом», когда главным способом существования философии по-прежнему остаётся критика, способная определить те условия, при которых применение разума становится законосообразным. И хотя сам философ рассуждал главным образом в гносеологической плоскости, его критическая установка на рациональное осмысление всего того, что дано нам как всеобщее и необходимое, а что как единичное и случайное, раскрывает возможность постоянно вопрошать о нашем бытии, включая в понимание рациональности и критическую рефлексию.

В этом смысле кантовскую критику разума стоит рассматривать как учение, остающееся и сегодня чрезвычайно важной составляющей современного философского знания. Один из доминирующих векторов последующего за Кантом осмысления рациональности и её новых типов, многое из того, что сегодня включается в понимание неклассической и даже постнеклассической рациональности, есть в какой-то мере осмысление и дальнейшее развитие идей классической философии, в том числе и кантовской критики разума.

Литература:

1. *Степин В.С.* Почему история философии важна для философии? / В.С. Степин // История философии: вызовы XXI века. М., 2014. – С. 19-34.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. С-Петербург, 1983. – 472 с.
3. *Румянцева Т.Г.* Фридрих Ницше. Мн.: Книжный Дом, 2008. – 168 с.
4. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла / *Ницше Ф.* Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Мысль, 1990. – С. 238-407.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ В РУНЕТ КОНТЕНТА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО СОЦИОЛОГИИ

А.И. Самосейко, г. Минск, Беларусь

В последнее время социальное пространство рунета предоставляет все больше и больше источников научных статей интерактивного характера – с возможностью мгновенного онлайн-обмена, рецензирования статей и публикаций, сбора сведений об авторах, с наличием обширной базы поиска и т.д. Одним из таких интернет-источников является портал «Соционет» (<http://socionet.ru>). Любой материал, выложенный в открытый доступ на портале «Соционет», имеет накапливаемую статистику просмотров аннотации и скачиваний полного текста статьи. В процессе «самоархивирования» (размещения на портале) статьи ее автором, его персональный профиль становится центром графа, который позволяет проследить, с одной стороны, какие материалы и публикации использованы этим ученым в работе, а с другой – кто из ученых ссылается на публикации данного автора. В свою очередь, профиль научного подразделения становится центром графа, связывающего между собой работающих в данном подразделении ученых, а также с их графами тематических связей с их публикациями и с другими учеными.

В данное время на портале собраны публикации по таким наукам, как экономика, социология, физика, история, математика, философия, информатика, политология и демография, как правило, на русском языке. Статьи по экономике переводятся на английский язык, что позволяет индексировать их аннотации в международной базе индексации научных журналов, материалов конференций и серийных книжных изданий «SCOPUS». Главные критерии отбора изданий для включения в базу данных «SCOPUS» включают в себя:

- издание должно иметь англоязычное название и публиковать англоязычные версии аннотаций всех научных статей;
- периодическое издание должно публиковать новые выпуски с регулярностью не менее, чем 1 раз в год;
- авторитетность: в том числе репутация коммерческого издателя или научного общества; разнообразие мест работы авторов, международный научный авторитет ведущих членов редколлегии и разнообразие мест их работы;

- популярность и доступность: в том числе количество ссылок на издание в базе данных Scopus, количество учреждений, выписывающих издание;

- политика издания должна предусматривать определённую форму контроля за качеством публикаций;

- издание должно иметь собственный веб-сайт с англоязычными версиями страниц.

Что касается собственных веб-сайтов изданий, представленных статьями на портале «Соционет», то, как правило, такие веб-сайты отсутствуют даже русскоязычные, не говоря уже об англоязычных. В то же время не каждый существующий веб-сайт или портал того или иного издания или посвященный той или иной области гуманитарных и общественных наук, так сказать, «подогнан» и может использоваться не только для опубликования научных работ, но и как среда взаимодействия авторов, рецензентов и читателей. Но и наличие интерактивного взаимодействия авторов и посетителей не всегда является гарантией того, что такое виртуальное взаимодействие будет удобным и логичным, в чем можно убедиться на примере портала «Соционет» – все же он рассчитан на русскоязычных пользователей, и информация, размещенная на нем, доступна и читается с трудом даже русскоязычным пользователем по причине недружественного пользовательского интерфейса и довольно низкого уровня дизайна страниц. К тому же портал не предназначен для публикации периодических изданий. Эти же проблемы характерны и для других аналогичных сайтов и порталов «рунета».

Какой же выход можно предложить интернет-издателям в данном случае?

В последнее время в среде интернет-публикаций периодических научных журналов широкое распространение приобрела система управления и публикации рецензируемых научных изданий Open Journal Systems (далее-OJS).

OJS предназначена для создания рецензируемых электронных журналов с открытым доступом и позволяет не только публиковать статьи в интернете, но и организовывать весь рабочий процесс издательского дела: приём, рецензирование и каталогизирование статей. В журналах, поддерживаемых OJS, пользователи делятся на группы с различными привилегиями: менеджер издания, редактор, рецензент, автор, читатель и другие. OJS включает в себя расширение для распространения журнала по подписке.

К октябрю 2014 года по всему миру система OJS была внедрена не менее 24 тысяч раз. Проект используется для публикации статей, тести-

рования, исследований, экспериментов, организации репозитория документов и т.д.

Преимущество данной системы перед тем же порталом «Соционет» в том, что она была специально создана для публикации периодических научных изданий, представляет из себя приспособленный для этой цели пользовательский интерфейс и включает хороший функционал не только для авторов публикаций, но и для их читателей, рецензентов, авторов других статей и т.д.

К тому же не каждый автор научного издания сможет создать свой собственный сайт, а система OJS позволяет это сделать, так как при ее использовании требуются минимальные навыки программирования.

В отличие от таких систем, как «WordPress» или «Joomla» система OJS гораздо лучше приспособлена именно для публикаций научных периодических и неперіодических изданий, в ней существуют дополнительные плагины для индексирования контента.

В качестве ролей можно назначать управляющих журналом, редакторов, редакторов разделов, рецензентов, авторов, читателей, менеджеров по подписке, и в зависимости от роли наделять их теми или иными полномочиями. Можно объединять пользователей в группы, менять учетные записи.

Система OJS выгодно отличается от каких-либо рассмотренных выше интернет-платформ для публикаций научных периодических или не периодических изданий, а наличие в ней англоязычных версий аннотаций позволит без проблем индексироваться электронным журналам в международной системе SCOPUS.

КИТАЙСКАЯ МЫСЛЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АКАДЕМИКА РАН В.С. СТЕПИНА: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ИДЕЙ К СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА.

В.А. Семенюк, г. Минск, Беларусь

Обращение В.С. Стёпина к китайской философии можно дотировать довольно точно. Об этом он сам рассказал, выступая в Тбилиси в 1986г. со своим докладом, посвящённом творчеству молодых учёных. В докладе Вячеслав Семёнович излагал свою идею о философии как рефлексии над фундаментальными категориями культуры, которые он позже обозначил как «мировоззренческие универсалии культуры». Присутствовавшая при этом М.Т. Степанянц дала ему одну подсказку. Она предложила не ограничиваться западной культурной традицией, а посмотреть более внимательно на традиции восточные, где тоже есть эти универсалии, хотя, возможно, имеющие другие смыслы, облачённые в

«другие одежды». Это была, по словам Стёпина «хорошая мысль». Когда я прочитал соответствующую литературу, писал он позже, - то решил сделать в своей концепции поправку о том, что сама система универсалий развивается, в ней появляются новые мысли. Эти новые смыслы могут потом расчлениваться: одна и та же мировоззренческая универсалия может породить несколько дочерних понятий, категориальных структур» [1].

Проблема взаимодействия цивилизаций и рождённых в их рамках культурных традиций давно интересует многих философов, историков, социологов, психологов. В наши дни, когда необычайно возросли международные контакты, среди философских наук исключительно важную роль начинает выполнять дисциплина, за которой закрепилось название «сравнительной философии», или «философской компаративистики». В рамках этой дисциплины сегодня вырабатываются новые подходы, позволяющие преодолеть застарелые культурные стереотипы, придать мировой мысли свежесть и создать предпосылки для рождения дискурсов новых типов. «Не исключено, что обрётённое на этих путях обновление философской мысли оживит и европейскую классику, которая в новых метафизических контекстах раскроет новые горизонты и выявит не замеченные ранее потенциалы» [2].

Наиболее обстоятельно стратегии научного исследования в эпоху постнеклассической науки оказались проанализированы В.С. Стёпиным в его книге «Философия науки», вышедшей в 2006 году. В ней универсальный (глобальный) эволюционизм характеризуется как «соединение идеи эволюции с идеями системного подхода. В этом отношении универсальный эволюционизм не только распространяет развитие на все сферы бытия (устанавливая универсальную связь между неживой, живой и социальной материей), но и преодолевает ограниченность феноменологического описания развития, связывая такое описание с идеями и методами системного анализа.

В обоснование универсального эволюционизма внесли свою лепту многие естественнонаучные дисциплины. Но определяющее значение в его утверждении как принципа построения современной общенаучной картины мира сыграли три важнейших концептуальных направления в науке XX в.: во-первых, теория нестационарной Вселенной, во-вторых, синергетика, в-третьих, теория биологической эволюции и развития на её основе концепция биосферы и ноосферы» [3].

Открытый характер современной научной картины мира, по мнению Стёпина, «обнаруживает её удивительную соразмерность... многим мировоззренческим идеям выработанным в традиционных восточных культурах», в первую очередь в китайской философии. «Одной из

древнейших и фундаментальных в китайской философии была идея космического значения моральных качеств человека. Размышляя о резонансе всех частей космоса, китайские мудрецы считали, что «от поведения человека, его нравственности зависит порядок в космосе, правильная смена времён года, жары и холода...»[4]

Конечно, если эти идеи, считает Стёпин, понимать буквально, то они выглядят мистически. Но в них скрыт и более глубокий смысл, связанный с требованием этического регулирования познавательной и технологической деятельности людей (включая технологии социального управления). И в этом, более глубоком смысле они вполне созвучны современным поискам новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития. В наше время, «когда человечество оказалось перед проблемой выбора новых стратегий выживания, многие идеи, разработанные в традиционных восточных учениях, согласуются с возникающими в недрах современной техногенной культуры новыми ценностями и мировоззренческими смыслами, которые формируются в разных сферах этой культуры, включая научное познание... Современная научная картина мира включена в диалог культур, развитие которых шло как бы параллельно друг другу. Она становится важнейшим фактором кросс-культурного взаимодействия Запада и Востока».

Литература:

1. *Степанянц М. Т.* Мир Востока: философия прошлого, настоящего, будущего // М.: Восточная литература, 2005, С. 14.
2. *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного.- СПб.: «Азбука – классика», «Петербургское Востоковедение», 2005. С. 43.
3. *Стёпин, В.С.* Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук / В.С. Стёпин.-М.: Гандарики, 2006.-С. 334.
4. Там же.

ИГРА С РИСКАМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И.Н. Сидоренко, г. Минск, Беларусь

В глобализирующемся мире игра с рисками становится одним из важнейших признаков современного общества. При этом игра, с одной стороны, является ответом на непредсказуемость социальных практик современности, средством, минимизирующим риск, с другой стороны, выступает одним из главных проводников риска. Можно выделить несколько параметров проявления игры с рисками.

Во-первых, это игра с прошлым и будущим. Что касается прошлого, то оно сегодня утрачивает свою детерминирующую силу для современности, превращаясь в разменную монету. Место прошлого занимает

будущее, как нечто несуществующее, конструируемое, то, чего нет, но что еще может быть, а значит переживаемое как шанс, счастливый случай, выигрыш или проигрыш. Такая установка на анализ причинно-следственных связей в обществе как недоказуемых, т. е. с точки зрения будущего, приводит к накоплению рисков. В то же время будущее начинает рассматриваться как трофей в войне за сценарии будущего.

Во-вторых, игра, минимизирующая одни риски и порождающая другие, проявляется в одной из главных черт глобализации – тенденции к интеграции разнообразия в единое целое, что, в свою очередь, приводит к упразднению государственных и национальных границ. В условиях глобализации национальное государство постепенно теряет все классические атрибуты собственного суверенитета (культурного, экономического и политико-правового). Происходит ослабление культурного суверенитета: в результате экспансии определенных стандартов, в культурной сфере отдельное государство утрачивает монополистический статус – позицию единственного субъекта, который обеспечивает и удерживает собственную стандартизованную национальную культуру среди своего населения. Иными словами, глобальная культура, характеризующаяся унификацией мировой культуры, охватывает все процессы культурного взаимодействия на транснациональном уровне. Не случайно, конечно, что эта глобальная культура оказывается вылепленной по американскому образцу. Здесь можно сослаться, например, на доминирование космополитического стиля CNN в мировых информационных программах, продукции Голливуда в мировом кинематографе и т. п. Важно понимать, что формирующаяся глобальная культура имеет весьма мало общего с любой из традиционных национальных культур.

Кроме того, в экономической сфере с увеличением глобальной взаимозависимости государство больше не располагает ресурсами, достаточными для того, чтобы строить свою политику независимо от ситуации на мировом финансовом рынке. В результате для любого отдельного государства главной задачей является создание благоприятного инвестиционного климата. Все современные государства, стремящиеся к развитию и процветанию, самым ходом развития мировой экономики обречены на политику «открытых дверей». Это означает сокращение или «сжатие» экономического суверенитета национального государства. Действительно, в условиях глобализации вместо национальных государств ключевыми субъектами глобальной экономической деятельности становятся крупные и сверхкрупные транснациональные корпорации и такие международные экономические организации, как МВФ, Всемирный банк, ВТО и т. д. В настоящее время мы включены в процесс своеобразной «военной игры», ведущейся экономическими средст-

вами – обмен стран Европейского Союза и Российской Федерацией санкциями.

В-третьих, игра с рисками приводит к эскалации и приватизации насилия. Перевод контроля над насилием в рамки рыночных отношений смещает баланс в распределении безопасности в обществе и снижает способность государства осуществлять прямой контроль над насилием. Вместе с тем снимается вопрос и об оправданности насилия, он заменяется вопросом о стоимости частных военных услуг. Так, приватизация насилия, как побочный эффект игры с рисками национальных государств, утрачивающих монополию на насилие, осуществляется в пространстве «рынков насилия» или «рынков гражданской войны», где определяются или согласовываются цены на приобретение и использование приватизированной силы, а также распределяются прибыли. Этот своеобразный «рынок насилия» порождает разные типы кризисов в организации и использовании силы. В полной мере он осуществляется там, где еще или уже не существуют государственные структуры. Феномен «не насильственного сопротивления», проявившийся в череде так называемых «цветных революций» является обратной стороной «рынка насилия».

В-четвертых, игра с рисками осуществляется в процессе реализации различных националистических проектах. В сложившихся новых условиях национализм демонстрирует свою живучесть и конкурентоспособность. Это обусловлено, прежде всего, тем, что, в противовес ожиданиям наступления кардинально новой фазы развития человечества, в ходе глобализации проявляется все больше негативных последствий как экономического, так и социального характера. Предоставляя существенные преимущества и выгоды наиболее развитым странам, для подавляющего большинства населения планеты глобализация остается ощутимой благодаря своим разрушительным и катастрофическим последствиям. Именно глобализация является причиной оживления этнического национализма, часто обладающего конфликтогенным потенциалом. В связи с этим современная активизация национализма выглядит как ответная реакция на установление нового мирового порядка в условиях глобализации, и часто наблюдается сочетание антиглобалистской критики с националистической риторикой.

Следует отметить и важность вопросов идентификации и индивидуальности. Так, в-пятых, игра с рисками превращается в игру с выбором идентичности. З. Бауман определил тип современного общества как индивидуализированное общество, в котором для человека существует только одна значимая задача – это разрешить проблему собственной идентичности в условиях небезопасности любого выбора. Проблема

идентичности в современном хаотическом пространстве, в состоянии беспокойства «состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряла ценность» [1]. Размывается и нормативность в сфере морали, которая становится амбивалентной и противоречивой. Это не означает исчезновения морали, а предполагает возрастание значимости потребности «быть для другого». С другой стороны, ментальность современного общества не нацелена на поиск абсолютных истин. Новым стандартом истины становится ее относительность. Такая хроническая неопределенность жизненных стандартов ввергает человека в состояние беспокойства. Отсюда ценным социальным качеством становится гибкость.

В-шестых, игра с рисками осуществляется в пространстве символического информационного насилия, когда начинают конкурировать различные «сценарии-видения» одного и того же события (например, освещение военно-политических событий в Украине различными каналами). Аккумуляция рисков отождествляется главным образом с дефицитом знания, его неполнотой или неэффективностью его использования. Возникновение рисков, связанных с неполнотой знания, связано не только со спецификой принятия решения в ситуации необходимости выбора из числа имеющихся возможностей при неопределенности последствий, но также и с распространением символического насилия, под которым понимается бессознательное подчинение власти посредством системы знания и иерархии ценностей, приобретающих само собой разумеющийся характер. Власть символического насилия навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе. Невозможность обладать полнотой знания приводит к доминированию в современном обществе именно такой скрытой силы, под властью которого индивид на веру принимает любую информацию.

Игра в современном обществе прагматична, определяется выгодой и пользой. Для того чтобы игра с рисками не превратилась в новую форму ложного сознания, человеку современного общества необходимо вернуть ей такое качество, как напряженность, которая сообщает игровой деятельности, лежащей вне области добра и зла, этическое содержание, что, в целом, позволит нам осознать, что мы уже заигрались.

Литература:

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – С. 185.

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ КОНЪЮКТУРЫ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА

Г.Н. Соколова, г. Минск, Беларусь

Индустриальная цивилизация – цивилизация рациональная, где ключевую роль играет наука, стимулирующая развитие новых идей и новых технологий. Осознание многообразия форм существования научной рациональности, сопровождавшее философское осмысление научных революций XX века, в современной философии науки основывается на понятиях идеалов и типов рациональности. В этом плане можно сказать, что характеристика исторических типов научной рациональности, данная В.С. Степиным, наиболее интересна, так как все три типа (классический, неклассический и постнеклассический) одновременно, хотя и не в равной степени, присутствуют сегодня в реальной науке и научно-технической деятельности.

Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. Каждый тип рациональности обеспечивает преимущественное освоение объектов определенной системной организации: малых систем, больших саморегулирующихся систем и больших саморазвивающихся систем. Именно тип рациональности, определяющий диапазон научно-технической деятельности, является условием получения адекватного знания об этих системах [1. С. 3-18].

Если классическая наука была ориентирована на постижение все более сужающегося изолированного фрагмента действительности, выступающего в качестве предмета той или иной научной дисциплины, то специфику науки современной эпохи определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания. Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные исследования, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной постнеклассической науки.

Современная наука, концентрирующая внимание на таких типах объектов, как сложные саморазвивающиеся системы, в которые включен человек, требует методологии, учитывающей аксиологические и социальные факторы. Научная рациональность становится одной из доминирующих ценностей культуры и научно-технического прогресса [2. С. 385-396].

Одним из наиболее значимых разработчиков неклассической методологии, как основы развития постнеклассической парадигмы, является Н.Д. Кондратьев, создавший теорию циклического развития производительных сил как саморазвивающуюся социально-экономическую систему, генерирующую внутри себя длительные колебания – большие циклы конъюнктуры. На примере обширных статистических исследований хозяйственной жизни в Англии, Франции, Германии и США, он показал, что в эпоху промышленного капитализма развитие производительных сил приобретает циклический характер научно-технических революций (с продолжительностью цикла в 40-60 лет) и соответственно «реорганизуются» внутренние и внешние производственные отношения. [3. С. 24-69].

Специфика метода Н.Д. Кондратьева заключается в том, что он учитывает все возможные связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности по исследованию этого объекта. Экспликация связей рассматривается в качестве условий описания и объяснения мира, что характерно для неклассического типа рациональности.

Согласно Н.Д. Кондратьеву, большие циклы можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода. Основная причина их лежит в механизме накопления, аккумуляции и рассеяния капитала, достаточного для создания новых основных производительных сил. Начало подъема каждого цикла совпадает с моментом, когда накопление и аккумуляция капитала достигают такого напряжения, при котором становится возможным рентабельное инвестирование капитала в целях создания основных производительных сил и радикального переоборудования техники.

Начавшееся повышение темпа хозяйственной жизни, осложняющееся циклами средней длительности, вызывает обострение социальной борьбы, борьбы за рынок и внешние конфликты. В этом процессе темп накопления капитала ослабевает и усиливается процесс рассеяния свободного капитала. Усиление действия этих факторов вызывает перелом темпа экономического развития и его замедление. Так как действие указанных факторов сильнее в промышленности, то перелом обычно совпадает с началом длительной сельскохозяйственной депрессии. Пони-

жение темпа хозяйственной жизни обуславливает, с одной стороны, усиление поисков в области усовершенствования техники, с другой – восстановление процесса аккумуляции капитала в руках промышленно-финансовых и других групп в значительной мере за счет сельского хозяйства. Все это создает предпосылки для нового подъема большого экономического цикла, и он повторяется вновь, уже на новой ступени развития производительных сил [4; С. 399-400].

«Представляется целесообразным допустить, – пишет Н.Д. Кондратьев, – что внутренние социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых производительных сил, приходящих в конфликт с отставшими экономическими отношениями и социально-правовым укладом общества. В условиях капиталистического способа производства, вовлечение в оборот новых территорий исторически происходит именно в периоды обострения нужды стран старой капиталистической культуры в новых рынках сбыта и сырья. Повышение конъюнктуры, усиливая темп хозяйственной динамики стран, приводит к необходимости и возможности использования новых стран, новых рынков сбыта и сырья» [3. С. 64.].

Таким образом, войны, и социальные потрясения включаются, согласно Н.Д. Кондратьеву, в процессы развития мировой экономики и оказываются не исходными силами этого развития, а его функцией и формой, а именно – функцией и формой разрешения постоянно возникающих противоречий между характером и уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, связанных с борьбой за рынки сбыта и сферы экономического влияния.

Созданный Н.Д. Кондратьевым алгоритм (идеальный тип) циклического развития производительных сил и ответствующей «реорганизации» производственных отношений модифицируется в реальные процессы смены технологических укладов с выделением ключевых технологий: первый технологический уклад – текстильные машины; второй – паровой двигатель; третий – электродвигатель; четвертый – двигатель внутреннего сгорания; пятый – микроэлектроника, шестой – нанотехнология, гелио- и ядерная энергетика. В контексте формирования каждого технологического уклада возникает новое разделение труда и, соответственно, новые кластеры профессий, связанные с формированием рынка образовательных услуг. И одновременно возрастает необходимость социально-гуманитарной и экологической экспертизы крупных научно-технических проектов под углом зрения гуманистических подходов и ценностей в решении глобальных проблем. Принципы построения замкнутой социально-экономической системы, генерирующей внутри себя длительные колебания – большие циклы конъюнктуры, явились

реализацией неклассического и фундаментом для создания парадигмы постнеклассического подхода к анализу социально-экономических явлений и процессов.

Литература:

1. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии. 1989. С. 3-18.
2. *Степин В.С.* Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В.С. Степин. – Минск: БГУ, 2012. – 416 с.
3. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев // Вопросы конъюнктуры. Т. 1. Вып. 1. М., 1925. С. 24-69.
4. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н.Д. Кондратьев; Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Ред. колл: Абалкин Л.И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю.В. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 767 с.

КОДЕКС ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В ЭПОХУ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Н. Сокольчик, г. Минск, Беларусь

Постнеклассическая наука – современный этап развития научного знания, который в силу специфики постнеклассической рациональности, объектов исследования и аксиологических приоритетов эпохи предполагает полное опровержение идеи ценностной нейтральности науки, свободы ее от мировоззренческих установок и приоритетов общества. По мнению В.С. Степина «Постнеклассический тип научной рациональности учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями» [1].

Соединившись с технологией, наука XXI в. является непосредственной производительной силой, способной как удовлетворять человеческие потребности, так и порождать новые: фактически все потребности человека современного общества согласно типологии А. Маслоу неразрывно связаны с научным знанием. Поэтому вопросы соотношения науки и ценностей индивидуума/общества, науки и нравственности как никогда остро стоят на «повестке дня» интеллектуального сообщества.

Своего рода императивом постнеклассической науки может быть назван принцип, согласно которому целью и смыслом науки XXI века является уже не просто истина, но истина, согласованная с аксиологическими, в т.ч. моральными приоритетами человека и человечества.

Белорусский философ, методолог В.Ф. Берков [2] считает, что никогда ранее моральная ответственность ученого за свои изыскания не была столь высокой, как в XXI веке. Исследования генной инженерии, успехи клонирования, создание атомного оружия, искусственного интеллекта и многие другие примеры научных изысканий требуют не только ознакомить научный мир с новыми открытиями, но и взять на себя заботу, ответственность за максимально «человечное» и антиразрушительное применительно к природе и цивилизации использование полученных результатов. Когда существуют подозрения, что научные исследования и планируемые результаты могут хотя бы косвенно навредить человечеству, правомерен вопрос о запрете продолжения научных изысканий в данном направлении (именно так предлагали решать проблему знаменитые ученые Ф. Жолио, А.Д. Сахаров, Т. Робери).

Сегодня о проблеме моральной ответственности ученого как неизбежном наследии развивающейся науки, в философии, этике, истории науки написано много и авторитетно. Однако, вопрос стратегии и тактики формирования современной личности ученого, способного в век интенсивного научно-технического прогресса, глобализации и тотальности информационного «бума» отвечать за последствия своих научных изысканий и соотносить изучаемые проблемы с ценностными ориентирами человечества остается вопросом неразрешенным.

На практике решение вопросов нравственности и ценностной направленности научных изысканий остается фактически частным делом ученого/коллектива ученых (или – по факту – решением этического комитета), а ведь эти вопросы должны быть поставлены и разрешены еще на этапе выбора темы и постановки цели научного исследования. С точки зрения автора, логично и обоснованно, чтобы унификация ценностей научного сообщества постнеклассической эпохи, императивность нравственных постулатов и принципов научных исследований заключалась в общепринятых и закрепленных законодательно кодексах научно-исследовательского труда.

Такие кодексы уже достаточно давно создаются философами и учеными на основе реалий и требований, предъявляемых к науке современными условиями организации, получения и практической реализации знаний. К сожалению, подобные кодексы (научно-исследовательского труда, молодого ученого и т.д.) остаются пока вне правового поля и реализуются через свободную волю ученых. Изучение таких кодексов сегодня проводится в целом только в рамках курсов этики (биоэтики) и «философии и методологии науки», преподаваемом для соискателей ученой степени кандидата наук. Т.е. вопрос знания (и применения) кодекса научного деятельности остается по сей день вопросом

личного выбора ученого, его ориентировки в ценностном пространстве цивилизации.

Следует отметить, что кодексы научного труда, создаваемые стихийно вузами, научными организациями, в реальности далеки от понимания приоритетов постнеклассической науки. В них, как правило, отсутствуют или выражаются достаточно бессодержательно вопросы нравственности и ценностей. Так, наиболее интересный белорусский вариант кодекса или, точнее, принципов кодекса ученого приводится у В.Ф. Беркова [2], но и в нем преимущественно предлагаются правила и нормы мыслительной деятельности, коммуникации ученого сообщества, но об ценностных ориентирах деятельности как явления общечеловеческого, цивилизационного порядка ничего не сказано.

В кодексе научной этики молодого ученого, предложенного Институтом экономики РАН, озвучивается идея ответственности ученого за свои профессиональные действия: «предполагает моральную ответственность учёного за последствия применения своих открытий»[3], но далее по тексту о нравственности, целях, ценностных императивах деятельности ученого ничего не говорится.

Пожалуй, из кодексов научной деятельности, созданных на постсоветском пространстве, наиболее приближен к реалиям современной науки Этический кодекс ученого Украины, утвержденный НАН Украины в 2009 г. Здесь провозглашаются следующие постулаты:

«1.1. Этика науки исходит из основополагающих человеческих ценностей, норм и принципов и определяет моральное поведение ученого, его ответственность перед коллегами и обществом...

1.7. Ученый должен направлять свои усилия на дальнейшее использование полученных знаний ради блага человечества, сохранения окружающей среды, бережливого использования природных ресурсов...

1.9. Ученый должен осознавать ответственность за возможную опасность для отдельного человека, общества, экономики или природы, которую может причинить использование непроверенных новых научных знаний...

7.1. Ученый должен посвятить себя поиску новых научных знаний, способствовать их распространению и применению на благо общества и для сохранения природы. Информация, предоставляемая обществу, должна быть достоверной, а рекомендации – обоснованными.»[4]

Итак, можно констатировать факт недостаточности работы ученого и философского сообщества по созданию адекватного и отвечающего условиям постнеклассической науки кодекса научной деятельности. По мнению автора, формулировки кодекса обязательно должны затрагивать вопросы нравственности и аксиологии и, в тоже время, быть простыми,

понятными и императивными как главный постулат «не навреди» в знаменитой клятве Гиппократа.

Таким образом, формулирование, регулирование, унификация и правовое обеспечение кодекса научного труда является насущной и необходимой задачей науки, философии и этики, юриспруденции, действующих в реалиях ценностной нагруженности научной деятельности 21 века.

Формулировка и решение актуальных для современной науки вопросов о допустимых границах, приоритетах и ценностных ориентациях научной деятельности, правилах и нормах, императивах научно-исследовательского труда, неизбежно должно стать главной задачей методологов и специалистов этики, занимающихся проблемами постнеклассической науки и рациональности.

Литература:

1. *Степин, В.С.* Теоретическое знание/В.С.Степин. – М., Прогресс-Традиция. 2000.
2. *Берков, В.Ф.* Философия и методология науки: учеб. Пособие / В.Ф. Берков. – М.: Новое знание, 2004. – 336 с.
3. Кодекс научной этики молодого ученого (Совет молодых ученых Института Экономики СО РАН)//<http://urist-edu.ru/kodex/7666/index.html>. Дата доступа 01.09.2014.
4. Этический кодекс ученого Украины//http://science.logistics-gr.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1384:-----2009&catid=61:2013-02-23-11-05-04&Itemid=64. Дата доступа 28.08.2014.

КОНСТРУКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПАРКА ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ РБ В.В. Цепкало, В.П. Старжинский, г. Минск, Беларусь

Понятие конструктивная методология (КМ) вводится для того, чтобы дифференцировать методологию в сфере познания и проектирования. КМ – это методология созидательной деятельности, которая основывается на проектировании, конструировании своего объекта и предполагает неклассическую рациональность, в которой субъект конструирует объект. Такая методология успешно разрабатывается В.С. Степиным, Г. Башляром, Г.П. Щедровицким, И.С. Алексеевым, правда, без использования указанного термина. КМ приобрела наиболее развитые формы вначале в инженерной сфере в виде проектно-конструктивной деятельности, а затем в неклассической и постнеклассической науках.

Как известно, понятия могут быть определены как дескриптивно через описание свойств объектов, так и посредством конструктивно – точного описания способа построения соответствующего объекта. Кон-

структивные определения одновременно являются и доказательствами существования объекта. Так, в конструктивной математике объект существует, если задан способ его построения. По И.М. Яглому, все основные задачи, стоящие перед людьми, можно интерпретировать как преобразование дескриптивных определений в конструктивные. Построение понятий является логическим основанием объяснительного подхода и классической методологии, которая основывается на понятии и процедуре его определения. В качестве процедуры, обобщающей, синтезирующей объяснительный и деятельностный подходы, избирается процедура построения модели. Другими словами, модель и процесс ее построения является логическим основанием КМ. При этом модель рассматривается расширительно как когнитивный артефакт и включает в себя концептуальную (объясняющую) и инструментальную (предписывающую) составляющие. Процесс построения модели и ее использования в естествознании и инженерии получил наименование проектирования, поскольку содержит в себе не только отражение или копию некоторого состояния дел, но и репрезентацию будущей практики. В философско-методологической литературе используется понятие Проектирования (с большой буквы), которое выходит за рамки инженерно-технической деятельности и относится ко всему ареалу культуры.

КМ использует два типа моделей: инструментальную и концептуальную. Концептуальная модель решения проблемы представляет собой особый вид описания состояний проблемного поля в двух аспектах: сущего (того, что имеется в наличной реальности) и должного (того, что должно быть по замыслу проектанта). Концептуальная модель строится как концептуальная сетка отношений соответствующих понятий, выражающих и объясняющих формулирование проблемы и способов ее решения. Данная концептуальная система является дополнительной с инструментальной и выступает в качестве ее теоретического обоснования, поскольку от идеализированного, концептуального моделирования исследователь может и должен перейти к описанию реальных способов решения проблемы в конкретной историко-культурной среде.

Таким образом, КМ – это методология, синтезирующая теорию и практику. С одной стороны, через концептуальное моделирование состояний сущего и должного, осуществляется теоретическое видение будущих преобразований. С другой – конструктивная методология требует создания инструментальной модели как системы практического, нормативного знания, регламентирующего переход от сущего к должному. Благодаря применению принципов КМ удастся преодолеть проблему абстрактного теоретизирования, переходящего в схоластику, поскольку концептуальные, теоретические объекты строятся не произ-

вольно, а в соответствии с их предназначением и служат в качестве интеллектуального ресурса для обеспечения практической деятельности. Выходя из сферы науки (сциентистский уровень), методология оказывается культурологической категорией и играет роль регулятивного средства культуротворчества в различных сферах. Такое превращение методологии из научной в поликультурную не случайно, ибо сама наука претерпевает значительные изменения и становится постнеклассической. Данному типу науки присущ не только новый тип методологии – конструктивная, но и междисциплинарный, синергетический характер – культуротворчество, а также поликультурный генетический код – новация. Инновационная деятельность – это комплексная деятельность в сфере экономики, которая включает в себя совокупность научных, технологических, образовательных, организационных, финансовых и других мероприятий, которые в своей совокупности приводят к коммерческому успеху. Это означает, что модернизация экономики на инновационном пути развития будет успешной лишь тогда, если будет учитывать не только знаниевую, интеллектуально-технологическую компоненту, но и гуманитарную, связанную с организационно-управленческой деятельностью субъекта: инвестиционной привлекательностью, отлаженным правовым и налоговым механизмом, отсутствием коррупции и патронажем бизнеса со стороны государства. Более того, экономическая политика, государств, вставших на путь инновационной модернизации, и включает в себя ряд структурных реформ в области инвестиций, налогообложения, менеджмента, маркетинга и т.д.

В процессе проектирования инновационной инфраструктуры ПВТ РБ, была использована КМ. При этом информационные технологии рассматривались не просто как хозяйственная деятельность и даже не столько как производство товаров и услуг, а как основной вид культуротворчества, в котором интегрированы потенциальные возможности науки, экономики и технологий. Проектирование инновационного развития основывалось на использовании КМ, регламентирующей процесс создания материальных и духовных ценностей посредством интеллектуального, технологического и социально-организационного ресурса, ограниченного пространством финансовых и нормативно-правовых условий.

ПВТ РБ представляет собой новую форму организации науки, бизнеса, производства и образования, направленную на создание наиболее благоприятной среды для инновационного развития. Благодаря специальному правовому режиму, закреплённому в Декрете Президента Республики Беларусь «О Парке высоких технологий», от 22.09.2005. приоритетными стали отрасли, связанные с высокими технологиями. За

время своего существования Парк высоких технологий стал одним из ведущих европейских кластеров в ИТ-индустрии, основными направлениями деятельности которого являются разработка информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения. Так, общий объем выручки Парка высоких технологий составил за 2013 год 525 миллионов долларов. Примерно такие же показатели в свои лучшие годы, с точки зрения вклада в ВВП, давал МАЗ, БелАЗ и МТЗ вместе взятые. Объем производства компьютерных программ в 2013 году составил 4,7 триллиона рублей и увеличился в 1,4 раза. 85% проектов Парка создавались для зарубежья. Для белорусских заказчиков резидентами Парка было выполнено более 9 тысяч проектов. Чистое сальдо парка составило 435,6 миллионов долларов, объем экспорта вырос за год на 35%. В настоящее время в Парке зарегистрировано 140 резидентов и работает 18 тысяч человек. За 2013 год было создано 3000 новых рабочих мест. При увеличении численности сотрудников на 20% объем производства увеличился на 40%. В минувшем году в Парке был открыт учебный центр, на базе которого сегодня действуют 14 филиалов кафедр университетов. Студенты вузов могут на базе компаний-резидентов Парка ознакомиться с будущей профессией. В то же время компании организуют в университетах совместные научно-практические лаборатории. Потенциал инновационного развития в сфере информационно-коммуникативных технологий для Беларуси – не менее ста тысяч разработчиков ПО. Все это позволило Беларуси войти в тридцатку стран с наиболее развитой сферой оффшорного программирования по версии аналитиков компании Gartner, а Парку высоких технологий – занять достойное место среди крупнейших ИТ-кластеров в странах Центральной и Восточной Европы.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:

К ПРОБЛЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Ю.Г. Черняк, г. Минск, Беларусь

Трансформация современного общества, следствием которого стало появление новых и усиление существовавших ранее неблагоприятных явлений и противоречий, актуализирует необходимость управления социальными рисками. Как отмечает Степин В.С., проблематика глобальных кризисов сегодня имеет глубокие основания в системе базисных ценностей современной цивилизации [2, с. 392]. Исходя из этого, создание адекватной системы локализации рискового пространства, позволяющей объектам риска и самому обществу избежать дальнейшего возрастания ущерба и последующей максимизации неблагоприятных по-

следствий, относится к числу наиболее сложных и срочных задач переходного периода. Ее функционирование призвано смягчить издержки реформаторских действий, последствия ошибок и просчетов, допущенных в ходе социальных преобразований, принятия управленческих решений.

Деятельность, обеспечивающая уменьшение числа социальных рисков и неблагоприятных явлений и тенденций, должна быть направлена на решение как минимум двух задач: во-первых, на снижение степени уязвимости включенных в рисковое пространство социальных субъектов, а во-вторых, на уменьшение вероятности и силы воздействия рисков и их последствий на общество и его подсистемы. При этом необходимо учитывать тот факт, что социальные риски характеризуются разнообразием, взаимосвязью и взаимообусловленностью.

Сложность в реализации мер по минимизации социальных рисков, на наш взгляд, заключается в том, что их осуществление не может быть ориентировано на краткосрочные задачи, а должно определяться стратегическими направлениями, которые могут подвергаться тактическим корректировкам в соответствии с конкретными изменениями в самом рисковом пространстве. При этом также необходим учет и структуры существующего поля рисков.

В системе производства рисков и распространения их последствий можно выделить такие элементы как действия социальных субъектов, распространение последствий риска, обратная реакция на такие действия и их последствия других социальных субъектов. Выделение именно такой структуры рискового пространства позволяет разграничивать социальные риски от эксцессов – случайных, экстраординарных действий, которые могут проявляться даже тогда, когда система управления социальными рисками будет охватывать все возможные сферы деятельности человека.

Рассматривая систему управления социальными рисками, следует помнить, что существующий в обществе предел допустимого риска не всегда обеспечивает безопасность общества. Дело в том, что разнообразие рисков превышает разнообразие тех норм, которые определяют меру дозволенного поведения. Норма типична, а производство рисков может быть весьма индивидуализированным. Возникновение рискованных ситуаций носит двойственный характер. С одной стороны, риск проявляется лишь в поведении субъекта, реагирующего на конкретную ситуацию, с другой – бездействие или отказ субъекта от действия также может привести к возникновению непредсказуемых событий или явлений.

Проявляясь как процесс производства неконтролируемых и неблагоприятных событий и явлений, риски имеют определенную степень распространенности, устойчивости и повторяемости. Это обусловлено тем, что причины рискованных проявлений типичны и связаны, как отмечает Э. Гидденс, с «институционально структурированной средой риска». Из этого следует, что риски создают свои среды, которые влияют на действующих в них индивидов. «Воздействию институционализированных систем риска подвержен практически каждый, независимо от того, является ли он «человеком этой системы»; наиболее яркий пример – конкурентные рынки товаров, рабочей силы, инвестиций» (Гидденс, 1994, с. 114). Характерной чертой такой системы является то, что она «самыми разными способами связывает индивидуальный и коллективный риск – индивидуальные жизненные возможности, например, сегодня непосредственно связаны с глобальной капиталистической экономикой» (там же).

Последствия рискованного поведения могут повлечь за собой дестабилизацию социальной системы. Суть риска заключается в ущербе той социальной группе или обществу в целом, которые установили «безопасные» модели поведения и используют соответствующую систему нормативного регулирования. По этой причине общество, социальные институты и другие социальные субъекты, заинтересованные в стабильности общества, воспринимают неконтролируемые и неблагоприятные события и явления, а также причины, к ним приводящие, как значимые, что, собственно, и является причиной возникновения структур, осуществляющих управление рискованым пространством.

Производство рисков представляет собой относительно распространенное явление. Поэтому оно предполагает, как правило, разработку и осуществление организованных форм профилактики таких моделей поведения, которые могут нанести большой ущерб социальной системе. В частности, значимость возможного ущерба и необходимость его компенсации выражается в том, что риск служит предпосылкой возникновения страховых отношений, с помощью которых человеческая деятельность в наиболее важных сферах общества становится защищенной от неопределенности и случайности. При этом содержание риска и степень его вероятности определяют содержание и границы страховой защиты, что и является одним из вариантов реакции на рискованные действия и их последствия.

Эффективная система управления рискованым пространством, как форма минимизации социальных рисков, возможна при ее системно-комплексном характере, соответствующем научному и методическому обеспечению, постоянном повышении качества работы по выявлению наиболее уязвимых групп и оказанию им социальной поддержки и по-

мощи, а также профилактики рискованных форм поведения. Важным аспектом ее функционирования является также и реализация непрерывного социального мониторинга, предполагающего оперативный сбор и обработку сведений о происходящих в обществе неблагоприятных явлениях и процессах, которые наносят ущерб или потенциально содержат в себе опасность такового. Только в этом случае будут обеспечиваться необходимые условия для непрерывного функционирования социальных систем и их дальнейшего качественного развития.

Литература:

1. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
2. Степин В.С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В.С. Степин. – Минск: БГУ, 2012. – 416 с.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В.К. Щербин, г. Минск, Беларусь

Постсоветские страны переживают сложный переходный период в своем развитии, основным содержанием которого являются кардинальные экономические, политические, социальные и прочие реформы и трансформации всех основных сфер общественной жизни. В такие периоды, по свидетельству О. Розенштока-Хюсси, «разрушается фундамент общественных наук» [1]. Последнее самым негативным образом отражается на морально-этических нормах постсоветского обществоведения (усиливается субъективный фактор в исследованиях, растет количество фальсифицированных научных результатов, широкое распространение получают плагиат и компиляция чужих идей), снижая тем самым общий престиж науки в обществе и способствуя уменьшению общего количества моральных авторитетов в науке. Между тем, от наличия таких авторитетов в немалой мере зависит отношение власти к решению назревших проблем научно-технической сферы, включая проблемы ее финансирования.

К примеру, в советское время такие бесспорные научные и моральные авторитеты, как академики М.В. Келдыш, И.В. Курчатов, С.П. Королев, А.Н. Туполев, Д.С. Лихачев и другие, имели огромный потенциал доверия не только в научной среде, но и во властных структурах, и в обществе в целом, что позволяло им добиваться государственного финансирования самых грандиозных по масштабам научно-исследовательских программ и проектов. Механизм успешного решения ими непростых экономических проблем науки того времени объясняет-

ся просто: «система академических званий и престижных премий является прежде всего престижной торговой маркой, «брендом», который стоит дорого именно потому, что открывает его владельцу возможность получения под гарантию «громкого имени», завоеванного предыдущими достижениями, крупных финансовых средств и обеспечивает заведомый интерес к его будущей продукции» [2].

За два десятилетия радикальных и не очень успешных реформ общее количество таких моральных авторитетов в науке постсоветских стран значительно уменьшилось. В частности, такими бесспорными моральными авторитетами для белорусского научного сообщества в настоящее время являются буквально считанные ученые (академики Н.А. Борисевич, В.С. Степин, Л.М. Сушня и, может быть, еще два-три человека). Более того, даже на горизонте пока не просматриваются фигуры новых, более молодых моральных авторитетов в белорусской науке. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема формирования в отечественной науке моральных авторитетов, которые смогли бы не только решить наиболее злободневные текущие задачи научно-технической сферы (многократно увеличить объемы ее финансирования, обновить приборный парк науки, усилить социальную защиту ученых, снизить уровень их сегодняшней разобщенности и т.п.), но и стать надежной опорой для белорусского государства и общества в процессе обновления и модернизации всех сторон жизни последнего.

Во всяком случае, отечественная история свидетельствует о том, что «в утверждении определенного порядка и смысла общественности огромную роль играли и играют признанные в обществе моральные авторитеты. Достаточно вспомнить, например, авторитет Л. Толстого на рубеже XIX-XX вв. («В России два царя – один на троне, другой в Ясной Поляне...»), влияние академиков А. Сахарова и Д. Лихачева на процесс демократизации советского общества и утверждение идеалов общественного развития» [3]. Столь же велико значение моральных авторитетов, т.е. людей с успешной биографией, и для современного общества, считает российский социолог Л.Г. Ионин: «Такого рода успешные биографии в любом обществе являют собой культурные образцы и служат средством культурной и социальной интеграции. И наоборот, разрушение таких биографий ведет к прогрессирующей дезинтеграции общества и массовой деидентификации» [4].

По указанным выше причинам «наиболее дальновидные современные политики и мировые лидеры стремятся заручиться поддержкой авторитетных представителей мировой науки не только в научно-технических, но и в морально-этических вопросах. Это одна из важнейших, хотя, видимо, еще недостаточно широко осознаваемых функций

современной науки. Именно в высокоинтеллектуальной научной среде происходит выработка новых морально-этических норм и правил, которые, под влиянием авторитета ее выдающихся представителей, подкрепленных впечатляющими научно-техническими достижениями, а также через тесно связанную с научной сферой образовательную систему постепенно становятся достоянием и нормой для всего общества» [5].

К сожалению, на постсоветском пространстве проблеме формирования моральных авторитетов науки уделяется явно недостаточное внимание. Следствием подобного отношения властных структур постсоветских государств к указанной проблеме стал тот грустный факт, что «социальный капитал инновационной системы СССР (в основном ВПК) практически разрушен. Он держался на неформальных связях лидеров технического прогресса, таких как А. Туполев, С. Королев, С. Ильюшин и др., авторитет которых был практически непререкаем. Последние «из могикан» уходят из жизни, а зияющие пустоты объединяются во всеобщую пустоту» [6]. Насколько опасным для судеб общества может стать отсутствие в нем моральных авторитетов, показал французский социолог А. Турен: «Если идея общества распадется, как до этого распались идеи прогресса или народа, причина этого видится в том, что более нет каких-либо институциональных посредников, достаточно сильных, чтобы поддержать взаимозависимость мира экономики и мира культуры» [7].

На наш взгляд, для успешного развития отечественной науки такие моральные авторитеты («успешные биографии») должны быть сформированы во всех без исключения отраслях научных знаний, поскольку при отсутствии такого морального авторитета ни одна отрасль науки не сможет успешно развиваться. Какими же качествами должен обладать потенциальный моральный авторитет в науке и что может способствовать появлению у того или иного известного ученого качеств морального авторитета в науке? Изучение литературы, посвященной рассматриваемой проблеме, показывает, что в идеале любой моральный авторитет науки должен обладать следующими качествами и общественными поддержками:

1. Прежде всего, он должен быть бесспорным неформальным лидером в той или иной области научных знаний. Причем стать таким лидером он должен самостоятельно, без чьей либо помощи или протекции, исключительно в силу своего таланта, трудолюбия и харизматических качеств личности. По справедливому замечанию В. Желтова, общественные моральные авторитеты «не избираются, не назначаются, не покупаются. Они рождаются благодаря личным усилиям человека, олицетворяющим своими действиями, более того, своей жизнью высокие

нравственные ценности» [8]. Такой подход к формированию общественных моральных авторитетов разделяют, в числе прочих, и представители власти. В частности, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко высказался на сей счет достаточно определенно: «Я специально не хочу заниматься ничьей раскруткой. Раскручивайтесь сами, завоевывайте авторитет и популярность, а затем и власть вас поддержит» [9]. Причем сама поддержка властью того или иного морального авторитета науки должна носить весьма специфический характер. В свое время «на вопрос правительства об отличиях для ученых Фарадей ответил, что ученых непременно нужно выделять и поддерживать, но не обычными титулами и званиями, которые скорее принижают, чем возвышают, ибо способствуют тому, что умственное превосходство утрачивает исключительность: отличия за научные заслуги должны быть такими, чтобы никто, кроме ученых, не мог их добиться» [10].

2. Моральный авторитет науки должен быть независимым в своих поступках и решениях от исполнительной власти. Перефразируя слова А.С. Запесоцкого, можно сказать, что он «должен быть с властью там, где власть права и делает благие дела, и быть в оппозиции там, где власть творит беззаконие» [11]. Жизненная необходимость для морального авторитета науки в подобной линии поведения объясняется тем, что он является одним из лидеров в сфере духовного производства, т.е. обладает духовной властью. А «духовная власть должна быть независимой от политической», ибо «она лишь в том случае обретает способность вдохновлять и увлекать, если на нее не падает подозрение в сервильности по отношению к «земной», политической власти» [12]. Указанное требование академик Б.Е. Патон, бесспорный моральный авторитет украинской и всей постсоветской науки, комментирует следующим образом: «Для настоящей науки недопустимо обслуживание сиюминутных интересов государственных деятелей или политиков» [13]. Кстати, в поддержании авторитета и независимости духовной власти должна быть заинтересована и власть политическая: «Духовная власть – это власть над умами. Это она образует духовную базу того или иного режима, имеющую отнюдь не меньшее значение для его устойчивости, чем социальная база» [14]. Во всяком случае, бывшие сотрудники отдела науки и учебных заведений аппарата ЦК КПСС понимали необходимость разделения духовной и политической властей: «Наука не может быть объединена с политикой. И когда история превращается в политику, опрокинутую в прошлое, то это уже бред сивой кобылы, а не история... Это подло, я бы сказал, политизировать науку. Наука выше политики» [15].

3. Накопление большого морального авторитета тем или иным известным ученым может состояться только в том случае, если межгрупповые отношения ученых, являющиеся неотъемлемой характеристикой такой жесткоконкурентной сферы, как научно-техническая, строятся с учетом этических норм науки, т.е. когда жизненно необходимые для развития науки споры и дискуссии между учеными не приобретают скандальный характер, выплескиваясь на страницы и экраны общенациональных СМИ. В последнем случае сохранить, а тем более повысить моральный авторитет того или иного ученого практически невозможно: на войне как на войне. Ярким примером таких научных войн являются сплошь и рядом нарушающие научную этику высказывания в общенациональных СМИ представителей академического и вузовского секторов российской экономической науки в адрес друг друга. Конечным результатом таких научных войн становится предельная разобщенность научного сообщества, в котором у каждой группы ученых есть «свои» околонучные интересы, «свои» подконтрольные им СМИ, «свои» групповые авторитеты и т.п. К сожалению, не избежало подобной разобщенности и белорусское научное сообщество: «Сегодня научное сообщество атомизировано, разрознено по профессиональным, идеологическим, политическим мотивам. В таком аморфном состоянии оно не может играть роль интеллектуального ядра гражданского общества страны» [16].

Завершая рассмотрение проблемы формирования моральных авторитетов в современной науке, следует прямо сказать о том, что полноценное решение данной проблемы станет возможным не сегодня и даже не завтра. Ибо слишком далеко зашел процесс дезинтеграции отечественной науки за два с лишним десятилетия постсоветской истории, а у отечественной науки с обществом и властными структурами за это время сложились далеко не идеальные отношения. Тем не менее, как известно, «дорогу осилит идущий». А в современной мировой науке ценится не только успешное решение существующих проблем, но и правильная их постановка.

Литература:

1. *Розенток-Хюсси О.* Речь и действительность / Пер. с нем. – М., 1994. – С. 35.
2. *Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н.* Изучение основ социологии научного сообщества как элемент профессиональной подготовки // *Науковедение.* – 2003. - № 2. – С. 122.
3. *Желтов В.* Обществу необходимы моральные авторитеты (К итогам VII Международных лихачевских научных чтений) // *Общественные науки и современность.* – 2007. - № 6. – С. 172.

4. *Ионин Л.Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социс. – 1995. – № 4. – С. 4.
5. *Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н.* Указ. соч. – С. 125-126.
6. *Зуев А., Мясникова Л.* Социальный капитал и инновационная деятельность // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. – 2004. – № 2. – С. 52.
7. *Турен А.* Социология без общества // Социс. – 2004. – № 7. – С. 10.
8. *Желтов В.* Указ. соч. – С. 173.
9. Цит. по: Медведев Р.А. Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели. – М., 2010. – С. 121.
10. *Мелихов А.М.* Наука немыслима без поэзии // Философия в поисках и спорах. Петербургские сюжеты / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.М. Шилкова. – СПб., 2007. – С. 232.
11. *Запесоцкий А.С.* Выступление на «Круглом столе» журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов «Интеллектуальное пространство современной России» // Человек. – 2008. – № 3. – С. 15.
12. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 1998. – С. 300.
13. *Патон Б.Е.* Науке наших стран наносится трудновосполнимый урон // Навіны Акадэміі навук Беларусі. – 1993. - № 49. – С. 1.
14. *Панарин А.С.* Указ. соч. – С. 300.
15. *Митрохин Н., Иванов В.М.* “Это подло – политизировать науку”: Беседа Николая Митрохина с Всеволодом Михайловичем Ивановым // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 5. – С. 15.
16. *Крюков Л.М.* Институциональное обеспечение инновационного развития экономики Беларуси: проблемы и пути их решения // Белорусский экономический журнал. – 2007. – № 3. – С. 22.

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КАК ИМПЕРАТИВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР ХРИСТИАНСКОГО МИРА

Н.С. Щёкин, г. Минск, Беларусь

Беларусь в силу и социокультурных, и географических, и социально-экономических факторов – она действительно страна транзита, во всех смыслах. И для нее приоритетной стратегией в современном сложном мире всегда будет стратегия такого синтеза, своего рода соединения Востока и Запада, и в том числе и в области религии. Исторически так сложилось, что католицизм более динамичен, инновационен, оперативен. И него технологии соединения традиций и новаций разработаны гораздо более основательно. Но, православие сейчас то же подтягивается. Для того, что бы сформулировать для белорусского общества перспективу, интегральную стратегию социодинамики важно заимствовать все то рациональное и позитивное, что есть в католической интерпретации и православной традиции. Мы берем социодинамизм католицизма то, что у них наработано, но адаптировать это нужно к специфики

белорусского социокультурного контекста. Просто заимствовать не получится и не продуктивно.

Вот сейчас потерпело крах стратегия переноса западных экономических моделей на восточнославянский регион. Потому что нет адаптации. Необходимо понимать, что особенностью восточнославянской цивилизации состояло в том, что ее формирование, становление и развитие происходило в определенной духовно-ценностной религиозной сфере – а именно под мощным влиянием Православия и Русской православной Церкви. А моральные стандарты Запада в основном сформированы Католической церковью. Поэтому католический тренд нужно адаптировать к традиции православия. Отсюда и диалог церкви и государства с одной стороны, а с другой стороны, диалог между двумя конфессиями. Идея диалога становится прозрачной и центральной. Именно через этот диалог, идет поиск своеобразного синтетического, адаптированного к специфике и этноса, который здесь доминирует, и народа, и социокультурного фона и ментальности. Поэтому компаративистику нельзя исключать. Две доминирующие конфессии, которые в христианстве являются центральными для нас. Мы не говорим о других конфессиях, так как у нас они не представлены в таком широком, парадигмальном смысле.

Идея диалога как цивилизационного феномена наиболее актуальна в современной Беларуси. Присущий диалог для белорусского общества между государством и церковью, диалог цивилизаций, диалог конфессий, в пике С. Хантингтону, современному «Марксу пентагона», З. Бжезинского и ряда западных мыслителей и политических деятелей, основывающихся на конфликте цивилизаций, в своих суждениях, прежде всего, о судьбе православной цивилизации.

Новая ценностная революция новое ценностное пространство о необходимости конституировании, которой так солидарно говорят философы, ученые, политики, общественные деятели. Все понимают, что подошли к такому рубежу, когда мир стоит на пороге кардинальных трансформаций. И эти трансформации касаются не только экономики, не только социально институциональной сферы, политической сферы, но и сфер культур, ценностной сферы. Если не произойдет революция ценностей все эти трансформации и деформации не будут конструктивными. Концептуальное пространство теория ценностей вакуумным не может быть. Необходимо сегодня подойти к этой проблеме так, что бы ценности, которые цементирует сознание человека, его мышление, его ментальность естественным образом встраивались в новое ценностное пространство. Без религии, (М. Вебер, А. Тойнби. О. Шпенглер), с этой

задачей не справится. Тем более, это чрезвычайно важно для транзитных социумов, таких как Беларусь.

Потому, общество транзита это общество, которое потеряло старые духовные, идеологические скрепы в своем развитии. Оно ушло от старой системы ценностей, от идеологии марксизма, а в новую не вошло. Отсюда феномен религиозного ренессанса. Общество не может жить в безвоздушном ценностном теологическом пространстве. И поэтому естественен этот крен. Общество шатнулось в это сторону.

В истории были попытки сконструировать общество на основе религиозной идеологии средневековья. Но, к сожалению, они оказались стратегически не очень успешными. Но все равно на религиозной основе не удалось построить общество равноправия, благосостояния для всех. Отсюда феномен просвещения. Несмотря на этот исторический урок, опыт, следующим шагом был этап поминок по просвещению. Современное постиндустриальное общество находится сегодня в поисках новой ценностной субстанции, которая бы смогла бы солидарно цементировать общество. Совершенно стало понятным, после этих исторических уроков, что без религиозного фактора, без церкви, как социального института, пытаться создать, сконструировать и санкционировать это аксиологическое пространство не возможно.

Мы должны разрешить фундаментальную антиномию этой религиозной теологии. Смысл ее в том, что религия всегда воплощала компоненту традиционализма в обществе. Это всегда была консервативно-стабилизирующая функция традиции.

Но у традиции и есть и вторая сторона. Религия зачастую сводила, редуцировала содержание функциональное своеобразие традиций к этой консервативно-стабилизирующей составляющей. Социально философский анализ традиций показал, что она имманентна, соединяет в себе бифункциональность традиции. В ней есть инновационное начало. Консервативная сторона при определенных социальных условиях может выступать в качестве функций инноваций, по крайней мере потенциальных инноваций. Соответственно сегодня очевидно выработать перспективную стратегию социодинамики общества вне религии не может. С учетом того, что у нее особый специфический взгляд на отношение двух функций традиции. Бифункциональность традиции в религиозной интерпретации подается особым образом.

Прежде всего, нет у религии сегодня соперника достойного, нет конкурента с точки зрения сохранения этнонациональных традиций, глубинных корней. Посмотрите, что происходит в восточнославянской цивилизации. Попробовали, походя в восточнославянском субстрате освоить западные инновации и ничего не получилось. Возникли дест-

рукция, хаос. Культ свободы и творчества превратился в культ эгоизма, силы, вседозволенности, и богатства.

Почему сегодня такой всплеск угарного патриотического сознания? Почему сегодня маятник качнулся в противоположную сторону? Потому что поняли, что этот западноевропейский тренд бесперспективен, неудачен, он противоречит ментальным, традициям. Модернизм все время был занят разрушением упорядочивания мира. Формировались новые сюжеты некой новой «реальной нереальности». И только церковь, религия способна здесь предложить такой стратегический вектор, который достойно это учитывает и который сможет сохранить вот эту этнонациональную идентичность народа, которая отстраивалась тысячами, веками. Но религия тяготеет, к консервативной функции, в то же время важно, что бы она вступила в диалог с динамично развивающимся обществом. Важно, что бы она ни отвергала инновационную составляющую, а что бы она ее разумно ассимилировала. В этом и есть диалог. В основном сегодня доминирует дескриптивное, феноменологическое, описательное, поверхностное представление на эти проблемы. Необходим модельный, системный взгляд.

Любая форма диалога между социальными системами в современном не стабильном обществе, обществе транзита, без религиозного фактора невозможна. Для всего мира, а тем более, транзитивного общества, обществ, для которых актуален вопрос цивилизационного выбора важно оптимально, адекватно пройти этап ценностной эволюции.

Происходящая революционная ломка жизненных устоев в восточнославянском регионе, в частности в Украине приводит к, не вкладывающиеся ни в какие разумные мировоззренческие рамки. Атавизмы остались. Были подрублены корневые системы идеологического основания. Должна быть смена, снятие. Одно отрицается. Положительное все должно сохраняться. Гегелевская категория снятия работает. Этот всплеск чисто эмоциональный, деструктивный, агрессивный.

Почему так происходит? В свое время Европа переходила из одной системы ценностей в другую столетиями, по шагам. Были разработаны технологии. Была разработана институциональная сфера, демократические процедуры. Поэтому там памятники остаются. Их не ломают. Почему такая радикальная модель на Украине воплощается? В России такая модель может быть, но она будет еще более радикальной и агрессивной. Один из факторов – после установления советской власти был период, когда доминировало идеология общество воинствующих безбожников. Была разрушена созидательная роль церкви и религии в обществе. Потому что этот радикальный атеизм, являясь везде и всегда противоядием против экстремизма и агрессивного радикализма.

Вообще, в России феномен нигилизма всегда был замешен на антирелигиозной основе. Это еще один аргумент тому, что сегодня нельзя игнорировать религию, в поисках стратегической перспективы социального развития, Украина в форме предпочтения политической элиты выбрала так называемый европейский вектор, путь развития. Но как он осуществляется? Разве там применяются европейские методы? Традиции хаоса не приемлемы. Желание переделать людей, изменить менталитет приведет к необратимым и катастрофическим результатам.

Убежден, анализируя негативные уроки у соседей, мы все должны понять, в целом Беларусь не абстрактное понятие. Ею надо жить, изучать прошлое и знать настоящее, и видеть будущее.

Символ веры должен все решать, вероучение, священное писание, должно быть доминантой, а не политические разборки. Церковь превращают в некое проявление социальной нестабильности. Но, мы должны понимать, что религия интимное предприятие. Церковь нашла уникальный механизм воздействия на психику человека. Христианство, как религиозная идея видит не родового человека, не представителя рода, а как индивидуального носителя определенного типа сознания, эмоционального настроения. Она обращается к личности. Бог видит каждого и к каждому обращается – персонально. И церковь просто посредник в этом общении, в этой коммуникации. Для бога каждый является сверхценностью. И через священное писание лично обращается к каждому. И поэтому альтернативы в таких обществах транзита, перехода, религии просто нет. Игнорировать религию, вынести ее за скобки, это, значит, обрекать себя на безуспешный проект модернизации. Любая модернизация должна использовать социокультурный потенциал религиозной идеологии, религии, церкви.

К ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Т.В. Щёлкова, г. Минск, Беларусь

Трансформация белорусского общества, радикально обновляющаяся социальная среда обуславливают живейший интерес исследователей к теоретическому и эмпирическому изучению проблем социальной адаптации. Большая значимость адаптационных процессов объясняется необходимостью личности приспособливаться к новым экономическим, социально-психологическим, политическим, социокультурным условиям. Социальная адаптация является важным составляющим элементом жизнедеятельности современного человека. В.С. Степин выделяет особый тип автономии человека в техногенной цивилизации. Для него ха-

рактерны возможность изменений корпоративных связей, гибкость в построении отношений с людьми, способность включаться в разные социальные общности и культурные традиции [6, с. 90]. Очевидно, что в основе всего этого лежит социальная адаптация.

Понятие «адаптация» произошедшее от лат. «adaptatio» — приспособление, в настоящее время относится к той группе общенаучных понятий, которые активно используются во многих отраслях знаний. Первоначально возникшее в биологии, понятие «адаптация» давно вышло за её пределы и стало одним из ключевых понятий медицины, кибернетики, философии, педагогики, социологии, психологии, демографии и др.

Несмотря на то, что «социальная адаптация» является междисциплинарным термином, большинство исследований не выходят за рамки конкретной науки. Вместе с тем, по мнению В.С. Степина «в междисциплинарных исследованиях наука, как правило, сталкивается с такими сложными системными объектами, которые в отдельных дисциплинах зачастую изучаются лишь фрагментарно, поэтому эффекты их системности могут быть вообще не обнаружены при узкодисциплинарном подходе» [6, с. 195].

Также характерной особенностью современного изучения социальной адаптации является резкое преобладание исследований, носящих эмпирический характер, в то время как попыток теоретического осмысления явно недостаточно. Отсутствуют единые подходы к определению основных видов социальной адаптации, выявлению ее структуры и элементов механизма, рассмотрению этапов и сроков. Помимо этого, основной теоретико-методологической проблемой является определение понятия социальной адаптации.

Анализ современной научной литературы выявил существование большого количества определений социальной адаптации. Так, Л.В. Корель считает, что в настоящее время существует около тридцати дефиниций адаптации, употребляемых в социальных науках [3, с. 36]. Однако смысл данного феномена трактуется различными науками по-разному, что, по мнению М.В. Ромма, приводит к «явному терминологическому и методологическому разнобою» [5, с. 49]. Более того, некоторые определения очень сложно назвать таковыми. С точки зрения В.С. Степина, «определение в науке – это выделение сущностных признаков предмета. Причем набор этих признаков должен быть необходимым и достаточным для образования определения» [7, с. 131]. Вместе с тем, многие из существующих определений либо имеют очень общий смысл, либо раскрывают сущность адаптационных процессов на одном

из множества уровней, либо не отражают специфичные, выделяющие именно адаптацию, признаки.

Во всем многообразии существующих определений понятия социальной адаптации можно выделить три группы, одна из которых тяготеет к структурно-функциональному направлению, берущему свое начало в работах Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, вторая — к субъективистскому, интерпретативному подходу, основанному на идеях «понимающей социологии» М. Вебера и реализованному в настоящее время в трудах социологов герменевтической и феноменологической ориентаций, третья — к комплексному, интегральному, нормативно-интерпретативному подходу, разработанному М.В. Роммом и рассматриваемому в работах Л.В. Корель, П.М. Козыревой и других российских социологов [2, 3, 5].

Традиционно, в зависимости от исследуемого аспекта, термин «социальная адаптация» используется для обозначения: 1) процесса, при котором субъект приспосабливается к разнообразным изменениям среды; 2) отношения равновесия, которое устанавливается между субъектом и средой; 3) результата оптимального взаимодействия субъекта и среды 4) обозначения гедонистической цели, заключающейся в поиске наслаждения и способа избежать страдания [8, с.40].

Самой распространенной на сегодняшний день является трактовка социальной адаптации как процесса. Вместе с тем довольно часто данный феномен рассматривается как определенное состояние, свойство, результат или как процесс и результат, состояние и результат, состояние и процесс и т.д.

Помимо рассмотренных подходов, социальную адаптацию связывают с: 1) возможностью реализации личностью своих потребностей; 2) процессом усвоения адаптантом общественных ценностей; 3) определенной целью или областью жизнедеятельности, к которой стремиться субъект; 4) процессом преобразования или интерпретации объективного социального мира, себя в этом мире и субъективного образа этого мира в себе и формирования на этой основе индивидуального адаптивного пространства и персональной идентичности [1, 4, 5].

Предпринимая попытку обобщить имеющиеся в научной литературе подходы к определению понятия «социальная адаптация», Л.В. Корель добавляет несколько новых идей, на которых строятся те или иные экспликации социальной адаптации, согласно которым адаптация [3, с. 38]: 1) выполняет функцию обеспечения выживания и развития адаптанта; 2) предполагает обязательный сдвиг в функции или форме, поддерживающий существование системы в определенной среде; необычность состояния, непривычные формы осуществления деятельности; 3) имеет место, как в онтогенезе, так и в генезе; т.е. наряду с

«индивидуальными» адаптациями существуют и адаптации «вида» (например, социального слоя), имеющие свою специфику.

Помимо этого, Л.В. Корель предлагает свое определение социальной адаптации: «социальная адаптация есть состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы (личности, социальной группы, организации, общности, института, общества, цивилизации и т.д.) к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций» [3, с.39].

Таким образом, в настоящее время нет четкого, однозначного и общепринятого определения социальной адаптации. Существующие дефиниции, за редким исключением, отражают лишь одну сторону адаптивного процесса, оставляя без внимания другие. Поэтому проблема экспликации понятия «социальная адаптация» продолжает оставаться весьма актуальной.

Литература:

1. *Гордон, Л.А.* Социальная адаптация в современных условиях / Л.А. Гордон // СОЦИС. – 1994. – № 8-9. – С. 3–15.
2. *Козырева, П.М.* Социальная адаптация населения России в постсоветский период / П.М. Козырева // СОЦИС. – 2011. – № 6. – С. 24–36.
3. *Корель, Л.В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
4. *Кузнецов, П.С.* Концепция социальной адаптации / П.С. Кузнецов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 260 с.
5. *Ромм, М.В.* Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект / М.В. Ромм. Новосибирск: Наука, 2002. 275 с.
6. *Степин, В.С.* Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
7. *Степин, В.С.* Человеческое познание и культура / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 140 с.
8. *Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И. Царегородцева.* – М., 1975. – 277 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ Г. МИНСКА)

Е.В. Шкурова, г. Минск, Беларусь

В 2012 г., в соответствии с государственным заказом управления делами Президента Российской Федерации на научные исследования

состояния культуры межнационального общения в молодежной среде России и зарубежных стран, Российский университет дружбы народов (РУДН) инициировал проведение сравнительного социологического исследования «Культура межнационального общения в студенческой среде». В подготовке и осуществлении проекта принял участие Центр религиоведческих исследований факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Степень открытости национальных обществ и увеличивающиеся миграционные потоки между ними актуализируют интерес к изучению проблем культуры межнационального общения молодежи. При этом межнациональное общение во многих странах по-прежнему является актуальной задачей социальной политики. Решение этой задачи лежит в двух плоскостях – внешней, политической, и внутренней, уровня личной культуры человека. В этой связи изучение общего уровня культуры межнационального общения позволяет выявить обособленно некоторые характеристики основных аспектов самоопределения современной молодежи, а именно – индивидуального, в частности мировоззренческого, и социального.

В рамках проекта было опрошено 500 студентов, в том числе 44 % юношей и 56 % девушек. Возраст белорусских студентов представлен в следующем диапазоне: 44,5 % студентов – моложе 20 лет и 55,5 % – в возрасте от 20 до 25 лет.

При оценке качеств, наиболее характерных для современной молодежи, студенты выделяют прежде всего прагматизм (39,9 %) и образованность (22,8 %). Характеризуя качества своего поколения, студенты называют в ряду отрицательных: цинизм, безразличие, лень, легкомыслие и т.п.; в ряду положительных: оптимизм, ответственность, энтузиазм, целеустремленность и т.п.

При выборе жизненных и ценностных приоритетов студенты минских вузов подчеркивают значение семьи (34,3 %), затем – здоровья (20,3 %), на третьем месте – образование и друзья (по 11,4 %). Карьерные установки у белорусских студентов менее выражены: работа для них менее значима (9,4 %).

Значимость для студентов семейного окружения сказывается и в их подходе к решению жизненных задач. Белорусские учащиеся при решении жизненных вопросов чаще считаются с позицией близких людей – семьи, друзей (24,8 %). Для них значимо стремление приносить пользу людям и готовность к милосердию, состраданию (24,7 %). Также значимыми критериями при решении жизненных вопросов для всех студентов являются желание завоевать уважение окружающих (14,0 %) и стремление к карьерному росту (11,7 %).

Характеристики *религиозной самоидентификации* студентов оказались традиционными для культурных особенностей Беларуси. Так, 67,5 % студентов указали, что являются приверженцами какой-либо конфессии, а именно: большая часть идентифицирует себя с православием (57,1 %) и католицизмом (8,8 %). Стоит отметить, что среди минских студентов значительным оказалось число тех, кто не относит себя ни к одной религии или конфессии, но и не считает себя атеистом (18,2 %).

Религиозная позиция индивида выражается не только в идентификации себя с какой-либо религиозной традицией, но и в оценке того, какое значение имеет религия в общественной жизни. Оценивая влияние религии на общество, студенты указали прежде всего на ее интегративную и стабилизирующую функции. Большинство белорусских студентов не считают, что религия оказывает какое-либо влияние на общество (44,6 %). 11,6 % студентов подчеркивают значимость стабилизирующей функции религии. Кроме того, примерно по 15 % указали, что религия объединяет людей.

Можно заключить, что религия воспринимается молодежью не как программа жизни, а как абстрактная система ценностей, хранимая в анналах общественной памяти. Конфессиональная идентификация студентов в основном совпадает с религиозной историей их страны, но является формальной. Правда, на этом общем фоне некоторый процент студентов, мотивирующих свои жизненные позиции религиозными соображениями, свидетельствует о наличии и более глубокого отношения к религии в молодежной среде.

Особенности социального самоопределения молодежи выявляются через ее отношение к учебе, к профессиональному будущему, к участию в общественной жизни.

Для понимания социальной зрелости студентов значимой является обусловленность их желания получить образование внешними (например, влияние социального окружения) или внутренними (например, собственный осознанный выбор) факторами. Основным мотивом получения образования для студентов является желание подготовиться к освоению профессии (27,0 %). В качестве значимых мотивов белорусские студенты называют интерес к учебе и научному творчеству (18,9 %), а также высокий престиж образования в обществе (18,2 %). Еще одним побудительным мотивом к учебе для студентов служит и желание проверить свои силы и возможности (16,7 %). Стоит также отметить, что внешние факторы, такие как желание родителей (8,9 %) или пример друзей (1,7 %), также имеют, хотя и меньшее значение.

Показателями *оценки значимости получения образования* является также понимание его общественной ценности и полезности, в том числе в связи с его профилем. В большинстве случаев студенты едины во мнении, что техническое образование в наибольшей мере способствует достижению жизненного успеха (35,1 %). Вторым по значимости профилем является социально-экономическое образование (14 %). Примечательно, что одной из значимых позиций оказалась важность не конкретного профиля образования, а получение диплома о высшем образовании в принципе (12,8 %). Кроме того, некоторые студенты вообще затруднились с выбором профиля образования, наиболее способствующего жизненному успеху (13,4 %).

При определении ценности и значимости высшего образования в целом студенты сходятся во мнении, что в первую очередь высшее образование дает человеку хорошую профессию (15,4 %) и определенный социальный статус (23,7 %). Студенты солидарны в том, что образование способствует повышению культурного уровня (16 %). Интересно также, что часть студентов в качестве значимых предпочтений от получения высшего образования рассматривают возможность заниматься наукой (9,9 %).

Изучение критериев выбора места работы позволяет определить основные ориентации студентов в профессиональной деятельности – карьерный рост, получение высоких доходов или установление социальных связей. Тот факт, что для студентов решающим показателем выбора места занятости является интересный труд, подтверждает в основном осознанность профессионального выбора. Прагматическая ориентация также присуща современным студентам: большая зарплата является вторым по значимости основанием выбора места работы.

При оценке факторов, побуждающих студентов проявлять гражданскую активность – участвовать в выборах, работать в общественных организациях, следить за общественной и политической жизнью страны и т.п., – выявилась довольно высокая степень социальной инициативы, которая мотивирована в основном желанием изменить жизнь к лучшему. Значимым фактором оказалось чувство долга.

Основными характеристиками индивидуального самоопределения современной белорусской молодежи можно назвать самостоятельность и прагматизм, которые обеспечены личной и социальной ответственностью, трезвой оценкой обстоятельств и меры усилий для конструктивного достижения целей. Эти характеристики у белорусской молодежи сочетаются с определенными романтическими установками и потребностью в дружбе.

В мировоззренческих позициях, определяемых через отношение к религиозным вопросам, белорусские студенты сохраняют, вслед за старшими постсоветскими поколениями, в основном нерелигиозный взгляд на вещи.

В социальном плане современная молодежь стремится достичь надежной позиции в обществе, осознает свои жизненные и профессиональные цели и трезво оценивает свои силы в их реализации.